Ж-1046

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

V

1949

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Пров-ка
1966-67

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

ИМЕНИ
Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

5985

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

V

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД
1949

БИБЛИО
№

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. Г. ЛЕВИН (ответственный редактор), *П. И. КУШНЕР*,
Л. П. ПОТАПОВ, *Г. Г. СТРАТАНОВИЧ*, *В. И. ЧИЧЕРОВ*

360 (1)

Г. Ф. ДЕБЕЦ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА КАМЧАТКЕ

(Предварительное сообщение)

Антропологические работы северо-восточной экспедиции Института этнографии ведутся с 1945 г. Антропологические исследования в Чукотском национальном округе (см. Краткие сообщения Института этнографии №№ 1 и 3) привели к выводу о расовой близости оленных чукчей прежде всего к монголоидным народам северной и восточной Азии, а не к американским индейцам, как предполагалось ранее. «Американоидные» черты (малая частота эпикантуса, сравнительно резко очерченный нос) оказались характерными только для эскимосов и отчасти для оседлых чукчей тихоокеанского побережья.

Возник вопрос о генезисе типа оленных чукчей. Представлялось два наиболее вероятных его решения.

1. Тип оленных чукчей образовался в результате смешения берегового эскимосского типа, характерного также для северо-восточных палеоазиатов, с резко монголоидными ламутами. Время переселения последних на северо-восток Азии этнографы и лингвисты относят примерно к концу первого — началу второго тысячелетия нашей эры. Эта гипотеза легко согласуется с существующим в этнографических кругах мнением о тунгусо-ламутском происхождении чукотского и корякского оленеводства. С антропологической точки зрения эта гипотеза оставляет, однако, без объяснения наиболее специфические признаки оленных чукчей, по которым они отличаются как от ламутов, так и от эскимосов: значительную ширину носа при часто встречающемся поперечном положении ноздрей и сильном развитии крыльев, а также сравнительно малую высоту лица.

2. Эти особенности приводят к мысли о самостоятельном монголоидном типе оленных чукчей. Время его появления на северо-востоке Азии при современном состоянии науки установить трудно, но, во всяком случае, оно предшествовало тунгусо-ламутской миграции.

Для проверки этих гипотез было принято решение произвести антропологическое исследование народов Камчатки. Оседлые коряки и в особенности ительмены, никогда не знавшие оленеводства, лишь в самой ничтожной мере могли испытать влияние ламутской экспансии. В случае близости их к эскимосам первая из изложенных гипотез получила бы солидное обоснование. В случае же близости оседлых палеоазиатов Камчатки к оленным чукчам становилась бы более вероятной вторая гипотеза.

Материал

С января по июнь 1947 г., по поручению Института этнографии Академии Наук СССР, была совершена поездка от сел. Марково на р. Анадырь до побережья Пенжинского залива и далее на юг вдоль западного побережья Камчатки до сел. Хайрюзово. Оттуда работы были перенесены в населенный ламутами Быстринский район в центре полуострова, затем в долину р. Камчатки и, наконец, на юго-западное побережье полуострова.

Не считая 40 попутно измеренных чукчей, оказавшихся близкими к чукчам Анюйского бассейна, исследованию были подвергнуты:

1) ламуты, проживающие в бассейнах рек Анадыри и Пенжины (самоназвание «эвен»)	48 м. 51 ж.
2) ламуты Камчатки (самоназвание «ороч»)	57 » 45 »
3) коряки кочевые пенжинские	50 » 58 »
4) коряки кочевые камчатские	64 » 80 »
5) коряки оседлые побережья Пенжинской губы (уроженцы селений Иткана, Парень, Микино, Шестаково, Каменское, Таловка)	73 » 56 »
6) коряки Рекинниковского сельсовета, ведущие комплексное хозяйство (оленеводство и морские промыслы) и говорящие на наречии, близком к береговому олюторскому	54 » 28 »
7) коряки оседлые западного берега Камчатки (уроженцы селений Лесная, Кинкиль, Палана, Кахтана, Воямполка)	72 » 79 »
8) ительмены, сохранившие свой язык (уроженцы селений Аманино, Седанка, Напана, Утхолок, Кавран, Хайрюзово, Усть-Белоголовая, Морошечное, Сопочное)	89 » 86 »
9) камчадалы, т. е. говорящие по-русски потомки ительменов (уроженцы селений Ушки, Толбачик, Машура, Щапино, Кирганик, Шоромы, Ганалы, Утка, Кихчик, Воровское, Колпаково, Крутогорово и др.)	90 » 75 »
10) русские старожилы Камчатки — потомки казаков XVII века, переселенцев XVIII века, единичных переселенцев XIX века (в том числе англичан и американцев), сильно смешанные с обрусевшими потомками ительменов и также называемые в разговорной речи камчадалами (уроженцы селений Тигиль, Мильково и др.)	100 » 81 »

Характеристика исследованных групп

Ламуты во всех районах их расселения характеризуются признаками типа, иногда называемого палеосибирским. Он описан Рогинским у тунгусов Прибайкалья и Левиным у ламутов (орочелов) Охотского моря. От «классического» монголоидного типа [1] ламуты отличаются мягкими, хотя и прямыми волосами, а также белой кожей, сопровождающейся некоторой депигментацией глаз и волос.

Оленные коряки бассейна р. Пенжины почти не отличаются от оленных чукчей. Часто встречается эпикантус, много широких носов с поперечно расположенными ноздрями и развитыми крыльями. Лицо умерен-

[1] Повидимому, этот «классический» монголоидный тип вообще является искусственной конструкцией, нигде реально не существующей и не существовавшей. Если в областях контакта и смешения с европеоидными или австралоидными формами обнаруживается явственная корреляция между формой волос, развитием волосяного покрова, профилировкой лица и носа и другими признаками, то в среде собственно монголоидных форм, где примесь других больших рас практически отсутствует, эти признаки не обнаруживают такой зависимости. Это и понятно, если учесть, что функционально независимые признаки монголоидной большой расы формировались в разное время и на разных, хотя и соседних или даже взаимно перекрывающихся ареалах.

ной высоты. Только головной указатель несколько ниже, чем у оленных чукчей. Оленные коряки Камчатки характеризуются более резко очерченным носом и меньшей частотой эпикантуса. Однако поперечное расположение ноздрей и сильное развитие крыльев носа встречаются у них, примерно, так же часто, как у пенжинских кочевников или у оленных чукчей. По этим признакам оленные чукчи и коряки удивительно однообразны от Колымы до Чукотского п-ова и до центра Камчатки.

В дальнейшем тип, преобладающий у оленных чукчей и коряков, я буду для краткости называть камчатским. В своем распространении он выходит, правда, за пределы полуострова, но, в связи с административной принадлежностью, за эти пределы выходит и наименование «Камчатка». К тому же на севере полуострова нередки весьма характерные представители этого типа.

Ввиду краткости и противоречивости литературных данных даю описание камчатского типа.

Цвет кожи на закрытых местах белый или смугловатый (№ 7—13 шкалы Лушана), на лице легко поддается загару, достигая № 25. Глаза темные почти у всех, волосы черные, но чаще с буроватым оттенком (№ 4 шкалы Фишера). Форма волос прямая, жесткость умеренная. Третичный волосяной покров на теле и на лице очень слабый, однако встречаются усы и рост бровей средний. Лицо плоское, но менее скуластое, чем, например, у ламутов. Размеры лица средние: у мужчин морфологическая высота от нижнего края бровей 128 мм, скуловой диаметр 145 мм. Нижняя челюсть широкая, особенно в сравнении с умеренной шириной в скулах. Нос очерчен средне или слабо, заметно сильнее, чем у ламутов; ширина его у мужчин среднего возраста чаще всего 38—39 мм. Часто встречается поперечное расположение ноздрей и сильное развитие крыльев носа. Частота вогнутой формы профиля носа больше, чем выпуклой, но преобладает прямая. Кончик и основание носа горизонтальные, реже — поднятые. Эпикантус у мужчин среднего возраста встречается в 40—60% случаев, складка века развита средне, положение глазной щели чаще горизонтальное, разрез глаз узкий или средний. Верхняя губа скорее высокая, всегда прохейличная. Толщина губ умеренная, по сравнению с ламутами бо́льшая. Рот широкий. Голова умеренно брахикефальная (80—83), лоб чаще прямой со слабо или средне развитыми надбровными дугами. Длина тела мужчин в среднем 158—160 см.

Береговые коряки западной Камчатки оказались антропологически довольно разнородными. Рекинниковская группа (на западной стороне перешейка) является довольно характерным представителем камчатского типа. Пенжинские и собственно камчатские (паланские) береговые коряки по многим признакам отличаются от оленных в том же направлении, что и береговые чукчи от оленных. Нос у них менее широкий и более резко очерченный. Поперечное положение ноздрей и сильное развитие крыльев носа встречаются гораздо реже. Волосы головы более жесткие, иссиня черный оттенок (№ 27 шкалы Фишера) встречается чаще. Борода развита сильнее. Все это «эскимоидные» особенности. Однако высота лица только у пенжинских береговых коряков заметно больше, чем у кочевых. Вогнутая форма профиля носа продолжает преобладать над выпуклой, эпикантус встречается так же часто, как у оленных, хотя складка века несколько менее развита. В целом тип береговых коряков занимает среднее положение между камчатским типом и эскимосским.

Ительмены, сохранившие свой язык, антропологически все же смешаны с русскими. Это доказывается как данными опроса, так и некоторым приближением к светловолосой европеоидной расе по всем признакам, включая пигментацию, жесткость волос, строение скул, профиль верхней губы и пр. Поэтому уклонение ительменов от «монголоидного стандарта» по форме носа, строению века и развитию бороды и близость их по этим признакам к эскимосам должны рассматриваться не как доказательство непосредственного родства этих двух групп, а как результат русской примеси. Древний ительменский тип, несомненно, характеризовался большей, чем у эскимосов, частотой эпикантуса и менее резко очерченным носом. В общем они были, вероятно, очень близки к береговым корякам и, следовательно, также занимали промежуточное положение между характерными представителями эскимосского и камчатского типа.

Обрусевших ительменов (в дальнейшем я условно сохраняю за ними термин «камчадалы») практически не легко отделить от старожилого русского населения Камчатки. В официальной статистике только перепись 1897 г. четко разграничивала обе группы, что облегчалось принадлежностью их к разным сословиям. Но и тогда это было единственным и чисто формальным отличием. Перепись 1926 г. отразила в этом отношении полный произвол счетчиков. Жители старых казачьих острогов Верхне-Камчатского и Нижне-Камчатского фигурируют в материалах переписи под именем камчадалов, а обрусевшие потомки ительменов из селений Кихчик, Колпаково, Крутогорово, Облуковина и др. названы русскими.

Современная официальная статистика с полным основанием не признает термина «камчадалы» и все русскоязычное население Камчатки причисляет к русским. Однако в живой речи этот термин далеко не изжит, но применяется как коренными жителями, так и приезжими не только к обрусевшим ительменам, но и к старожилому русскому населению. Этноним «русский» в разговорной речи обычно относится только к уроженцам центральных областей РСФСР или Сибири. Ему соответствует ламутский (в основе якутский?) термин «ныча» и оленный корякский «мельхитан» (ныне отживающий). Старожилое русское население Тигиля, Милькова и др. вместе с ительменами (как обрусевшими, так и сохранившими свой язык) и даже с береговыми коряками обозначается по-ламутски общим термином «хээк» (мн. ч. «хаякыл»), на оленном корякском диалекте «нымыллон».

Особенно сильно смешано население долины р. Камчатки, где собственно камчадальские и старожилые русские деревни чередуются на всем протяжении ее долины. Казалось бы, что в этих условиях все коренное русскоязычное население этой долины должно рассматриваться как единая популяция. Однако это еще далеко не так.

Всего в долине р. Камчатки исследовано 182 человека местных уроженцев, говорящих по-русски и называющих себя камчадалами. Если в употреблении этого этнонима и встречаются вызванные современной официальной статистикой колебания, то они в равной мере относятся как к уроженцам старожилых русских, так и собственно камчадальских селений. В том числе лиц, у которых оба родителя происходят из старожилых русских селений (по переписи 1897 г.), оказалось 103, из собственно камчадальских 41, смешанных 38. Элементарный подсчет показывает, что при свободном скрещивании первых должно быть 87, вторых 17, третьих 78. Вряд ли здесь играет роль прошлая

сословная принадлежность. Скорее это объясняется причинами чисто территориального порядка. Однако смешение происходит уже в течение ряда поколений, и, кроме того, обитатели Камчатки часто меняют место жительства. Все же, несмотря на малое число наблюдений, подсчет средних и частот по всем основным признакам показывает, что между условно «чистыми» и условно «смешанными» камчадалами различия сохранились.

Привожу небольшую таблицу, составленную только для долины р. Камчатки. Цифры средние для обоих полов (за исключением, конечно, роста бороды).

	Камчадалы без заведомой русской примеси	Камчадалы с заведомой русской (старожильческой) примесью
Цвет глаз, % темных	68.5	45
Горизонтальная профилировка лица, средний балл	1.35	1.57
Эпикантус, %	32	15
Форма волос, % тугих	22	5
Рост бороды, средний балл	2.02	2.50

В общую таблицу, приложенную к этой статье, лица с заведомой русской примесью не включены, но камчадалы р. Камчатки объединены с уроженцами селений юго-западного побережья.

Как и следовало ожидать, обрусевшие ительмены (собственно камчадалы) еще ближе к русским, чем сохранившие свой язык. Тем не менее я не встречал ни одного камчадала без зарегистрированной русской примеси, которого нельзя было бы с первого взгляда отличить от русского. Что же касается уроженцев селений Тигиль, Мильково, Ключи и др., то среди них нередки лица, практически неотличимые от русских уроженцев «материка», хотя в целом монголоидная примесь и у них выявляется вполне явственно.

Поскольку камчадалы почти по всем признакам заняли промежуточное положение между ительменами и русскими старожилами, можно предположить, что до русского завоевания все аборигены полуострова антропологически были близки к береговым корякам, т. е. занимали промежуточное положение между эскимосским и камчатским типами.

Характеристика внешнего облика камчадалов, данная Крашенинниковым, несмотря на малую ее выразительность («...малобороды, лицем калмыковаты с покляпыми носами...»), скорее может относиться к камчатскому, чем к эскимосскому типу.

Таким образом, в результате произведенных исследований устанавливается, что, несмотря на присутствие эскимоидного элемента в расовом составе береговых коряков и ительменов, наряду с ним достаточно явственно выявляются признаки камчатского типа. Резюмируя, расовый состав коренного населения Камчатской области можно представить схемой, на которой двойным крестом обозначено резкое преобладание данного типа, простым крестом — участие в качестве одного из основных компонентов, вертикальной чертой — небольшая, но все же заметная примесь.

Типы	Эскимосы	Ительмены	Камчадалы	Береговые чукчи и коряки	Оленные чукчи и коряки	Ламуты	Русские старожилы
Эскимосский	##	+	+	+			+
Камчатский	+	+	+	+	##	+	+
Палеосибирский		+	+	+	+	##	+
Светлый европеоидный		+	+	+		+	##

Проблема генезиса камчатского типа в свете произведенных исследований

Результаты работ 1947 г. не дали, следовательно, прямого ответа на поставленный вопрос. Как береговые коряки, так и ительмены заняли промежуточное положение между характерными представителями камчатского и эскимосского типов. Все же этот факт свидетельствует скорее в пользу предположения об образовании камчатского типа независимо от ламутской примеси. Соображение о крайне малой вероятности того, чтобы эта примесь была значительна у ительменов, остается в силе. Что же касается эскимоидных или (что в данном случае то же самое) американоидных особенностей ительменов, то надо иметь в виду, что камчатский тип не является аборигеном Камчатки. Ему, несомненно, предшествовали настоящие американоиды, лишенные эпикантуса. Мало вероятно, что некогда жившие на северо-востоке Азии предки современных американских индейцев не распространялись на Камчатский п-ов или что все они ушли в Америку и новые этнические волны, принесшие с собой собственно монголоидные признаки, застали эту область необитаемой. Вряд ли можно сомневаться в том, что древнейшие обитатели края слились с позднейшими переселенцами и оставили след в их расовых особенностях.

Таким образом, если наши материалы и не приводят к отрицанию ламутской примеси у оленных палеоазиатов, то они свидетельствуют все же об образовании камчатского монголоидного типа независимо от этой примеси.

Очередные задачи дальнейшего исследования

Наметив основные типы населения северо-восточной Азии, следует перейти к установлению путей их проникновения на данную территорию. Теоретически мыслимы следующие пути:

а) из юго-восточной Азии:
1) по островам (Япония и Курилы),
2) по материку вдоль западного берега Охотского моря;
б) из Сибири:
1) из внутренних областей,
2) вдоль побережья Ледовитого океана;
в) обратно из Америки.

Последний путь возможен только по отношению к эскимосскому типу, для камчатского он безусловно исключается. Для этого необходимо выяснить место эскимосского и камчатского типов в расовой систематике, т. е. прежде всего произвести детальное морфологическое

сравнение с другими монголоидами (сибирскими и южноазиатскими), а также с американскими индейцами.

1. Сходство камчатского типа с наиболее известными типами внутренних областей Сибири касается только общих признаков монголоидной большой расы в целом. В деталях различия довольно существенны. Сравнение с ламутами дано выше. Аларские буряты, специально исследованные мною для этой цели (см. Краткие сообщения Института этнографии, вып. 4) летом 1946 г., имеют гораздо более высокое лицо (136 мм у мужчин). Нос, при одинаковой с камчатским типом высоте переносья и форме поперечного профиля, характеризуется меньшей шириной (36,5 мм), менее развитыми крыльями (ср. балл 1.75), менее фронтальным расположением ноздрей (ср. балл 1.97). По этим признакам буряты сходны с ламутами. Выпуклая форма профиля носа у мужчин-бурят преобладает над вогнутой, у женщин последняя тоже встречается вдвое реже, чем у оленных корячек или чукчанок. Надо, впрочем, заметить, что в исследованной группе аларских бурят имеется русская примесь. Поэтому для получения свободного от этой примеси материала по монголоидным формам Центральной Азии необходимо организовать исследования еще нескольких групп монголов или бурят.

Однако мы не можем все-таки отрицательно решить вопрос о внутриматериковых связях камчатского типа. Исследованная мною в 1941 г. небольшая группа тунгусов с р. Таза (см. статью о селькупах во II томе Трудов Ин-та этнографии) характеризуется невысоким (132 мм) лицом, мягкими волосами, широким (39.6 мм) носом при часто встречающемся поперечном положении ноздрей. Голова у этих тунгусов умеренно брахикефальная (82), лоб прямой, надбровье развито слабо. При всем этом эпикантус и складка века развиты сильно, лицо плоское. Дальнейшие сравнения в этом направлении, и в первую очередь исследования народов Таймырского п-ова, должны разъяснить значение и характер этих морфологических параллелей.

Что касается эскимосов, то их специфические особенности не находят аналогий среди народов Сибири, по крайней мере современных. Что же касается древнего населения, то детальное краниологическое сопоставление эскимосов с неолитическими черепами из Прибайкалья будет произведено в ближайшее время.

2. Наряду с сибирскими параллелями следует обратить внимание и на народы зарубежной Азии. Напоминающие камчатский тип комбинации сравнительно широкого носа с небольшими размерами лица распространены в Южном Китае, Индо-Китае, Индонезии, на Филиппинах, на Формозе, отчасти в Японии. Однако сравнение камчатского типа с южноазиатскими монголоидами крайне затруднено вследствие отсутствия данных, собранных с соблюдением одинаковых методических приемов.

Специально исследованные мной для сравнения 122 мужчин-корейцев из северных провинций оказались по ряду признаков ближе к оленным корякам и чукчам, чем ламуты или буряты. Средний балл наклона ноздрей 1.71, выступания крыльев 2.09. Значительная частота смугловатых оттенков кожи (55% № 10 и темнее), умеренная скуластость, невысокое расположение бровей, небольшая высота лица (131 мм) также сближают корейцев с камчатским типом, но до полного сходства все же далеко. В частности, нижнечелюстной диаметр невелик (112 мм), и выпуклые формы профиля носа преобладают над

Таблица 1

Сводка важнейших средних и частот. Мужчины

Группы / Признаки	Эскимосы: диомидские	эскимосы: науканские	эскимосы: юго-восточные (уназикские и сирениекские)	эскимосы: суммарно	Чукчи береговые: уэлленско-деженевские	Чукчи береговые: восточные (беринг.-морские)	Чукчи береговые: северные	Чукчи береговые: суммарно
Число исследованных	25	66	100	**191**	22	82	86	**190**
В том числе, в %:								
20—24 г.	32.0	27.2	20.0	**24.1**	18.1	26.8	26.7	**25.8**
25—39 л.	36.0	47.0	56.0	**50.3**	63.7	47.6	51.2	**51.0**
40—60 л.	32.0	25.8	24.0	**25.6**	18.1	25.6	22.1	**23.2**
Длина тела	1653	1627	1615	**1625**	1636	1639	1617	**1629**
Продольный диаметр	193.3	191.3	189.0	**190.3**	190.3	190.9	189.2	**190.1**
Поперечный диаметр	153.3	155.8	154.1	**154.6**	153.2	154.4	154.4	**154.3**
Головной указатель	79.5	81.6	(81.5)	**(81.2)**	(80.6)	(80.9)	(81.6)	**(81.2)**
Наклон лба (1—3; 1 — сильно наклонный)	2.36	2.36	2.23	**2.29**	2.59	2.62	2.53	**2.58**
Надбровье (1—4)	1.36	1.39	1.50	**1.45**	1.45	1.32	1.23	**1.30**
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей)	135.9	134.3	137.5	**136.2**	132.0	136.8	134.4	**135.1**
Скуловой диаметр	147.6	149.5	147.9	**148.4**	144.5	148.5	147.0	**147.4**
Нижнечелюстной диаметр	117.2	116.8	119.6	**118.3**	116.4	118.9	117.6	**118.0**
Горизонтальная профилировка лица (1—3)	1.08	1.00	1.11	**1.07**	1.00	1.04	1.05	**1.04**
Выступание скул (1—3; 1—сильное)	—	—	—	—	—	—	—	—
Выступание подбородка (0—3; 0—отрицательный к плоскости нижней челюсти)	1.74	—	1.74	**1.74**	1.60	1.59	1.89	**1.78**
Высота носа от нижнего края бровей	61.3	61.3	62.6	**62.0**	59.7	61.6	60.7	**61.0**
Высота носа от переносья	54.2	53.4	55.4	**54.6**	52.5	54.2	52.8	**53.4**
Ширина носа	37.0	37.6	37.7	**37.6**	37.1	37.8	37.7	**37.7**
Носовой указатель от нижнего края бровей	69.7	61.7	(60.2)	**(60.6)**	(62.1)	(61.3)	(62.0)	**(61.8)**
Носовой указатель от переносья	69.2	70.6	(68.0)	**(68.8)**	(70.6)	(69.7)	(71.4)	**(70.5)**
Высота переносья (1—3)	1.64	1.42	1.71	**1.60**	1.55	1.49	1.37	**1.44**
Поперечный профиль спинки носа (1—3)	2.32	2.06	2.03	**2.08**	1.77	1.98	1.75	**1.84**

Группы / Признаки	Чукчи оленные (чаучу): чаучинские	Чукчи оленные (чаучу): анадырские	Коряки оленные (чаучувены): пенжинские	Коряки оленные (чаучувены): камчатские	Коряки береговые (нымылланы и рэмкекены): рекинникские	Коряки береговые (нымылланы и рэмкекены): пенжинские (каменское нтакинские)	Коряки береговые (нымылланы и рэмкекены): палланские	Ительмены	Камчадалы	Русские старожилы Камчатки	Ламуты: анюйские	Ламуты: анадырско-пенжинские	Ламуты: камчатские	Ламуты: суммарно	Буряты в Якутске	Корейцы северные
Число исследованных	96	80	50	64	51	73	72	89	90	100	27	47	57	**13**	250	122
В том числе, в %:																
20—24 г.	22.9	26.2	30.0	26.6	20.4	30.2	19.4	20.2	21.1	21.0	14.8	34.0	15.8	**22.1**	22.8	23.0
25—39 л.	49.0	47.5	**42.0**	45.3	61.1	53.5	51.4	50.6	36.7	45.0	63.0	44.7	43.9	**48.1**	44.0	54.0
40—60 л.	28.1	26.2	28.0	28.1	18.5	16.4	29.2	29.2	42.2	34.0	22.2	21.3	40.3	**29.8**	33.2	23.0
Длина тела	1617	1588	1586	1591	1582	1617	1617	1627	1636	1648	1593	1607	1608	**1604**	1630	1628
Продольный диаметр	188.7	188.7	190.8	192.4	190.3	194.2	193.2	193.4	192.8	192.3	195.8	193.9	194.5	**194.6**	192.8	183.1
Поперечный диаметр	153.7	156.5	152.7	152.3	151.6	151.2	149.6	152.4	151.7	151.0	155.4	154.4	154.5	**154.6**	157.8	154.4
Головной указатель	(81.5)	83.0	(80.0)	(79.2)	(79.6)	(77.9)	(77.4)	(78.8)	(78.6)	(78.5)	(79.4)	(79.6)	(79.4)	**(79.5)**	81.9	(84.3)
Наклон лба (1—3; 1 — сильно наклонный)	2.74	2.56	2.54	2.63	2.65	2.53	2.80	2.64	2.59	2.35	2.58	2.26	2.19	**2.29**	2.61	2.70
Надбровье (1—4)	1.18	1.21	1.32	1.28	1.26	1.27	1.11	1.17	1.29	1.53	1.19	1.32	1.47	**1.36**	1.26	1.24
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей)	132.1	128.6	128.0	128.0	125.7	133.0	128.4	130.0	130.4	130.6	136.4	135.4	133.9	**135.0**	135.9	131.0
Скуловой диаметр	146.3	147.7	145.4	144.5	144.6	145.1	143.3	144.3	142.7	141.9	146.6	148.2	147.3	**147.5**	148.8	143.9
Нижнечелюстной диаметр	117.2	115.6	116.6	118.4	120.3	119.4	119.4	120.3	117.5	114.9	115.8	116.8	117.3	**116.8**	115.2	112.1
Горизонтальная профилировка лица (1—3)	1.05	1.08	1.06	1.11	1.04	1.03	1.08	1.20	1.40	1.98	1.00	1.00	1.02	**1.01**	1.05	1.05
Выступание скул (1—3; 1—сильное)	—	—	1.86	1.89	1.87	1.92	1.74	1.89	1.91	2.14	—	1.46	1.40	**1.43**	1.70	1.76
Выступание подбородка (0—3; 0—отрицательный к плоскости нижней челюсти)	2.32	—	2.21	2.18	2.00	1.78	1.78	1.75	2.04	2.23	—	2.24	2.02	**2.12**	1.93	1.72
Высота носа от нижнего края бровей	59.2	58.4	58.2	58.8	56.6	61.1	56.4	57.4	57.8	57.9	63.0	61.3	62.4	**62.1**	63.5	58.9
Высота носа от переносья	51.8	51.6	50.1	50.8	48.6	51.5	50.1	51.7	52.5	53.6	52.0	49.5	53.1	**51.6**	53.7	51.4
Ширина носа	38.7	38.8	37.9	37.6	37.5	36.4	36.8	37.2	36.5	35.9	38.0	35.3	36.1	**36.2**	36.5	37.3
Носовой указатель от нижнего края бровей	(65.4)	67.1	(65.1)	(63.9)	(66.2)	(59.5)	(65.2)	(64.7)	(63.1)	(61.9)	(60.3)	(57.5)	(57.8)	**(58.3)**	58.0	(63.5)
Носовой указатель от переносья	(74.6)	75.7	(75.2)	(74.0)	(77.2)	(70.6)	(73.5)	(71.9)	(69.5)	(67.0)	(73.0)	(71.2)	(68.0)	**(70.1)**	68.3	(72.5)
Высота переносья (1—3)	1.39	1.31	1.29	1.44	1.32	1.60	1.56	1.76	1.88	2.31	1.19	1.07	1.18	**1.14**	1.42	1.16
Поперечный профиль спинки носа (1—3)	1.69	1.70	1.76	2.08	1.76	1.92	2.02	2.10	2.12	2.64	1.61	1.35	1.79	**1.59**	1.71	1.88

Группы / Признаки	Эскимосы				Чукчи береговые			
	арвидские	науканские	юго-восточные (уназикские и сердцекские)	суммарно	уэленско-наукенские	восточные (беринго-морские)	северные	суммарно
Спинка носа								
Вогнутая, %	8.0	12.1	10.2	**10.6**	31.8	23.2	29.4	**27.0**
Прямая, %	52.0	63.7	41.9	**50.7**	54.5	41.4	58.8	**50.8**
Извилистая, %	20.0	12.1	20.4	**17.5**	9.1	25.6	8.2	**15.9**
Выпуклая, %	20.0	12.1	27.5	**21.2**	4.6	9.8	3.5	**6.3**
Кончик носа (1 — 3; 1 — полнятый)	1.92	1.71	1.79	**1.78**	1.73	1.72	1.81	**1.75**
Положение осей поздрей (1—3; 1— поперечное)	2.00	1.89	2.00	**1.96**	2.05	1.84	1.79	**1.84**
Выраженность крыльевых борозд (1—3; 1— слабая)	1.72	1.78	1.85	**1.82**	2.00	1.66	1.78	**1.75**
Выступание крыльев носа (1-3; 1—слабое)	1.76	1.90	2.06	**1.97**	2.05	1.84	1.78	**1.84**
Профиль верхней губы (1—3; 1—прохейлия)	1.44	1.24	1.24	**1.27**	1.36	1.21	1.19	**1.22**
Высота кожной части верхней губы	19.0	18.1	18.7	**18.5**	18.1	18.2	18.5	**18.4**
Ширина рта	55.4	56.4	56.6	**56.4**	57.2	55.9	56.1	**56.1**
«Толщина» обеих губ	19.0	17.9	18.7	**18.5**	17.6	19.5	18.9	**19.0**
Мочка уха (1—3; 1 — приросшая)	2.12	2.33	2.64	**2.47**	1.82	2.14	2.12	**2.10**
Ширина глазной щели (1—3; 1—узкая)	—	—	-	-	—	—	—	—
Наклон осей глаз (1—3; 3— наружный угол выше)		—	—	—	—	—	—	—
Эпикантус, %	33.3	42.4	28.3	**33.9**	27.3	64.1	61.2	**58.5**
Складка века (0—3)								
Внутренняя часть (*p*)	1.13	1.47	1.42	**1.39**	1.18	1.70	1.94	**1.75**
Средняя часть (*m*)	1.25	1.56	1.51	**1.49**	1.18	1.74	2.02	**1.81**
Наружная часть (*d*)	1.25	1.52	1.46	**1.45**	1.18	1.73	1.94	**1.76**
Смуглая кожа (внутр. поверхн. плеча) № 10 и темнее, %	84.0	40.0	64.5	**58.5**	83.4	65.7	74.6	**71.1**
Темные глаза, %	100.0	92.4	96.0	**95.3**	86.4	96.4	93.0	**93.7**
Черные волосы (№ 27), %	82.5	83.6	65.1	**73.8**	65.0	55.3	40.0	**49.7**
Прямые жесткие волосы, %	95.7	89.8	63.2	**80.2**	69.2	71.7	56.8	**66.5**
Волнистые волосы, %	4.3	2.0	8.1	**4.9**	7.7	8.4	9.4	**8.7**
Рост бороды (1—5) у лиц старше 25 л.	1.53	1.56	1.68	**1.62**	1.33	1.35	1.19	**1.28**
Рост бровей (1—3)	2.44	1.95	1.94	**2.01**	2.14	2.19	2.11	**2.14**

Таблица 1 (продолжение)

Чукчи оленные (чаучу)		Коряки оленные (чаучувены)		Коряки береговые (нымыланны и рэмкекены)					Русские старожилы Камчатки	Ламуты				Буряты аларские	Корейцы северные
чукотского типа	анюйские	пенжинские	камчатские	рекинниковские	пенжинские (памятско-итканские)	паланские	Ительмены	Камчадалы		анюйские	анадырско-пенжинские	камчатские	сумма по		
26.0	33.8	24.5	17.2	38.9	16.4	33.3	22.5	15.6	6.0	7.7	32.6	12.5	**18.8**	6.4	10.7
53.1	48.7	61.2	54.7	46.3	54.8	57.0	66.3	68.9	72.0	76.9	60.9	64.3	**65.6**	69.1	59.8
13.5	10.0	4.1	15.6	11.1	20.6	9.7	5.6	5.5	11.0	7.7	4.3	7.1	**6.2**	12.1	16.4
7.3	7.5	10.2	12.5	3.7	8.2	0.0	5.6	10.0	11.0	7.7	2.2	16.1	**9.4**	12.4	13.1
1.70	1.63	1.92	1.97	1.74	1.56	1.42	1.63	1.72	1.77	1.65	1.26	1.68	**1.52**	1.53	1.68
1.61	1.63	1.63	1.66	1.67	1.92	2.01	2.08	2.09	2.33	1.73	1.94	1.89	**1.88**	1.97	1.71
2.13	2.20	2.29	2.00	2.24	2.00	1.74	1.57	1.58	1.64	1.73	1.57	1.64	**1.63**	1.60	1.62
2.24	—	2.35	2.31	2.46	2.14	2.19	1.89	1.90	1.87	—	1.62	1.93	**1.80**	1.75	2.09
1.20	1.09	1.04	1.25	1.08	1.17	1.28	1.46	1.61	1.82	1.23	1.00	1.06	**1.07**	1.13	1.11
17.8	18.3	17.5	17.5	17.6	18.7	18.3	18.5	18.4	17.8	19.1	19.3	18.4	**18.9**	18.2	16.1
56.9	56.7	53.9	53.1	54.3	51.9	52.2	51.2	52.4	50.8	51.2	51.1	52.7	**52.4**	51.4	48.7
18.3	18.0	18.0	14.7	17.6	16.5	17.2	17.5	16.1	14.3	15.3	16.3	13.9	**15.1**	18.1	19.4
2.39	2.44	2.04	1.78	1.74	1.90	1.93	1.88	2.09	2.32	2.11	2.19	2.08	**2.13**	2.04	1.57
—	—	1.59	1.66	1.79	1.78	1.85	1.93	1.93	2.10	—	1.55	1.57	**1.56**	1.80	1.66
—	—	2.18	2.32	2.21	2.28	2.16	2.25	2.28	2.05	—	2.60	2.45	**2.51**	2.52	2.30
60.4	59.0	51.0	38.8	51.9	51.4	48.6	31.5	20.2	4.0	77.7	84.5	66.0	**75.0**	54.4	67.4
2.08	2.03	1.84	1.73	1.73	1.69	1.51	1.00	1.12	0.67	2.19	2.64	2.61	**2.53**	1.99	2.21
2.27	2.14	2.08	1.82	1.79	1.71	1.69	1.40	1.43	1.12	2.30	2.62	2.66	**2.57**	2.25	2.20
2.23	2.14	1.94	1.77	1.79	1.65	1.67	1.40	1.37	1.12	2.24	2.62	2.66	**2.55**	2.22	2.18
54.1	50.7	81.9	28.4	77.1	52.3	39.3	40.9	28.3	18.7	11.1	24.0	16.3	**16.9**	28.3	55.5
92.8	93.7	93.8	87.6	96.2	98.6	90.1	76.5	60.1	22.0	43.1	65.2	51.8	**55.8**	75.2	88.5
25.0	24.3	47.2	41.5	40.0	76.3	69.0	42.2	5.1	3.7	3.7	14.7	23.5	**16.1**	20.8	73.1
35.7	44.0	45.5	56.1	50.0	62.1	79.0	56.0	32.1	11.5	37.5	40.7	30.6	**35.2**	75.0	80.0
3.6	6.0	0.0	7.3	5.0	5.4	7.8	9.3	12.7	27.0	3.8	3.1	8.2	5.7	5.7	2.5
1.15	1.14	1.06	1.11	1.23	1.35	1.52	1.56	2.31	2.67	1.04	1.03	1.04	**1.04**	1.51	1.33
2.01	1.95	2.02	1.73	2.04	1.99	2.03	1.93	2.00	2.01	1.52	1.71	1.30	**1.49**	1.78	1.55

Таблица 2

Сводка важнейших средних и частот. Женщины

Признаки	Эскимоски	Чукчанки береговые	Чукчанки оленные Чукотского п-ва	Корячки оленные (чаучувенки) пенжинские	Корячки оленные (чаучувенки) камчатские	Корячки береговые (нымылланки и рэмкекенки) рекинниковские	Корячки береговые (нымылланки и рэмкекенки) пенжинские (каменско-итканские)	Корячки береговые (нымылланки и рэмкекенки) паланские	Ительменки	«Камчадалки»	Русские старожилки Камчатки	Ламутки анадырско-пенжинские	Ламутки камчатские	Ламутки суммарно	Бурятки аларские
Число исследованных	85	87	42	58	80	28	56	79	86	75	81	51	45	**96**	200
В том числе, в %:															
20—24 г.	27.1	25.3	26.2	34.5	23.8	17.9	19.6	26.6	26.8	26.7	23.4	27.4	13.3	**20.8**	24.5
25—39 л.	48.2	51.7	42.8	41.8	52.5	60.7	66.1	50.6	50.0	40.0	48.2	54.9	55.5	**55.2**	47.0
40—60 л.	24.7	23.0	31.0	20.7	23.8	21.4	14.3	22.8	23.2	33.3	28.4	17.6	31.1	**24.0**	28.5
Длина тела	1519	1520	1536	1479	1487	1463	1491	1500	1507	1529	1537	1486	1489	**1488**	1531
Продольный диаметр	183.4	183.5	183.9	185.6	186.7	185.3	186.6	185.6	185.6	184.6	183.4	186.4	187.9	**187.1**	184.9
Поперечный диаметр	149.6	149.2	149.3	147.6	146.5	148.1	146.8	144.7	146.8	146.0	145.0	146.7	148.7	**147.7**	152.4
Головной указатель	(81.5)	(81.4)	(81.3)	(79.5)	(78.5)	(79.9)	(78.6)	(77.9)	(78.9)	(79.1)	(79.0)	(78.6)	(79.1)	**(78.8)**	82.5
Наклон лба (1—3: 1—сильно наклонный)	2.94	2.92	2.93	2.98	2.91	2.96	2.96	2.98	2.99	3.00	2.98	2.88	2.91	**2.90**	2.95
Надбровье (1—4)	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00	1.03	1.00	1.02	1.00	**1.01**	1.00
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей)	127.5	127.3	127.6	121.3	122.8	120.5	126.6	120.7	120.5	121.2	120.1	126.7	128.0	**127.3**	129.0
Скуловой диаметр	140.3	141.0	139.5	139.1	138.0	138.2	140.4	134.6	135.7	133.8	132.2	138.5	138.3	**138.4**	140.3
Нижнечелюстной диаметр	112.0	113.8	111.7	112.6	112.0	114.1	115.5	111.1	111.5	108.3	104.6	109.8	108.3	**109.1**	108.1
Горизонтальная профилировка лица (1—3)	1.04	1.01	1.00	1.02	1.01	1.00	1.00	1.00	1.04	1.04	1.32	1.00	1.00	**1.00**	1.00
Выступание скул (1—3: 1—сильное)	—	—	—	1.45	1.40	1.50	1.52	1.51	1.69	1.71	1.79	1.10	1.02	**1.06**	1.39
Выступание подбородка (0—3; 0—отрицательный к плоскости нижней челюсти)	1.87	1.95	2.31	2.24	2.14	2.00	1.80	1.78	2.00	1.82	2.08	2.28	1.89	**2.11**	2.06
Высота носа от нижнего края бровей	58.4	57.9	57.9	55.3	56.0	52.6	58.9	52.8	52.9	53.1	52.0	57.5	59.3	**58.3**	60.1
Высота носа от переносья	50.1	48.2	48.5	44.9	47.8	44.2	47.0	45.3	46.6	46.4	48.2	44.6	48.5	**46.4**	48.2
Ширина носа	34.4	35.0	35.6	35.5	33.8	33.9	33.9	32.7	33.6	33.7	32.7	31.7	33.1	**32.4**	33.4
Носовой указатель от нижнего края бровей	(58.8)	(60.3)	(61.4)	(64.2)	(60.3)	(64.5)	(57.5)	(61.9)	(63.4)	(63.5)	(62.8)	(55.1)	(53.8)	**(55.4)**	55.7
Носовой указатель от переносья	(68.7)	(72.6)	(73.4)	(78.9)	(70.7)	(76.7)	(72.1)	(72.2)	(72.1)	(72.5)	(67.9)	(71.1)	(68.2)	**(69.8)**	69.7
Высота переносья (1—31)	1.33	1.17	1.29	1.05	1.25	1.14	1.02	1.18	1.55	1.53	1.93	1.04	1.02	**1.03**	1.14
Поперечный профиль спинки носа (1—3)	1.64	1.31	1.15	1.24	1.79	1.57	1.50	1.70	1.86	1.81	2.20	1.18	1.45	**1.30**	1.32
Спинка носа: вогнутая, %	27.1	43.7	54.8	53.4	31.2	64.2	45.4	51.0	60.7	54.7	40.7	51.0	28.9	**40.6**	23.6
Спинка носа: прямая, %	44.7	48.2	42.8	43.1	61.3	35.8	42.8	43.0	32.2	42.7	51.9	49.0	66.7	**57.3**	62.3
Спинка носа: извилистая, %	20.0	5.8	2.4	1.7	5.0	0.0	5.4	2.5	4.7	1.3	6.2	0.0	4.4	**2.1**	9.6
Спинка носа: выпуклая, %	8.2	2.3	0.0	1.7	2.5	0.0	5.4	2.5	2.4	1.3	1.2	0.0	0.0	**0.0**	4.5
Кончик носа (1—3; 1—поднятый)	1.68	1.59	1.57	1.48	1.60	1.42	1.48	1.41	1.45	1.53	1.59	1.26	1.40	**1.33**	1.48
Положение осей ноздрей (1—3; 1—поперечное)	2.01	1.86	1.71	1.53	1.80	1.93	1.87	2.08	2.11	1.93	2.20	1.98	1.98	**1.98**	2.03
Выраженность крыльевых борозд (1—3; 1—слабая)	1.85	1.72	2.02	2.07	1.56	1.93	1.88	1.58	1.63	1.69	1.72	1.49	1.49	**1.49**	1.49
Выступание крыльев носа (1—3; 1—слабое)	1.87	1.77	1.91	2.09	1.85	2.11	1.89	1.70	1.74	1.83	1.86	1.33	1.63	**1.47**	1.62
Профиль верхней губы (1—3; 1—прохейлия)	1.06	1.01	1.00	1.00	1.14	1.00	1.02	1.01	1.14	1.20	1.51	1.00	1.05	**1.02**	1.06
Высота кожной части верхней губы	17.4	17.2	17.6	16.4	16.5	16.8	17.0	16.3	16.3	17.0	16.4	18.3	18.3	**18.2**	16.9
Ширина рта	52.4	53.5	55.4	51.8	49.7	50.4	50.6	47.6	47.8	47.7	46.3	49.1	48.7	**48.9**	47.5
«Толщина» обеих губ	17.0	19.5	17.9	16.7	14.1	17.1	16.6	18.4	17.4	15.9	14.2	16.0	15.5	**15.8**	17.3
Мочка уха (1—3; 1—приросшая)	2.07	1.80	2.21	1.97	1.69	1.48	1.60	1.63	1.84	1.63	1.95	1.86	1.57	**1.72**	1.85
Ширина глазной щели (1—3; 1—узкая)	—	—	—	1.75	1.87	1.57	1.98	2.06	2.10	2.09	2.17	1.71	1.75	**1.73**	1.94
Наклон осей глаз (1—3; 3—наружный угол выше)	—	—	—	2.44	2.41	2.39	2.29	2.32	2.36	2.31	2.14	2.63	2.61	**2.62**	2.66
Эпикантус, %	48.2	71.1	59.5	67.3	50.6	53.8	44.4	60.6	50.0	44.0	24.7	82.4	70.5	**76.8**	73.4
Складка века (0—3): внутренняя часть (*p*)	1.52	1.98	1.86	1.55	1.71	1.50	1.50	1.62	1.35	1.29	0.90	2.29	2.27	**2.28**	2.20
Складка века (0—3): средняя часть (*m*)	1.55	2.09	2.07	1.73	1.76	1.50	1.46	1.65	1.89	1.61	1.19	2.31	2.41	**2.36**	2.28
Складка века (0—3): наружная часть (*d*)	1.55	2.05	2.05	1.66	1.76	1.42	1.46	1.62	1.89	1.61	1.19	2.31	2.39	**2.36**	2.24

Признаки	Группы: Эскимоски	Чукчанки береговые	Чукчанки оленные Чукотского п-ова	Корячки оленные (чаучувенки): пенжинские	Корячки оленные (чаучувенки): камчатские
Смуглая кожа (внутр. поверхн. плеча) № 10 и темнее, %	64.6	69.6	86.5	93.2	60.2
Темные глаза, %	96.5	97.7	95.3	98.2	97.5
Черные волосы (№ 27), %	72.2	52.3	38.1	48.3	48.8
Прямые жесткие волосы, %	77.6	62.1	59.5	62.0	77.2
Волнистые волосы, %	5.9	4.6	4.8	3.4	0.0
Рост бровей (1—3)	1.42	1.28	1.52	1.73	1.48

вогнутыми.[2] Однако в расовом составе корейцев имеется, повидимому, северокитайский элемент, и они не могут рассматриваться как типичные представители южноазиатских монголоидов.

Трудности, естественно возникающие перед организацией в широком масштабе антропологических работ в юго-восточной Азии, заставляют перенести центр внимания на краниологические материалы, тем более что в литературе имеются хорошие описания южноазиатских серий. К сожалению, в наших музеях совершенно недостаточно черепов, которые можно было бы считать принадлежащими представителям камчатского типа. Господствующий у коряков и некоторых чукчей обычай трупосожжения затрудняет их собирание. Все же специальные работы по коллекционированию черепов где-либо в районе Чаунской губы должны привести к удовлетворительным результатам и могут считаться одной из очередных задач дальнейшего исследования.

3. Наконец, не следует забывать и о том, что вывод о глубоком антропологическом различии между палеоазиатами и американскими индейцами сделан на основе весьма поверхностных школьных представлений о расовых особенностях коренного населения Северной Америки. Многие народы вообще не изучены (например, северные атапаски), а имеющиеся данные о других народах ограничиваются большей частью несколькими измерениями и самым суммарным описанием. Совершенно недостаточны также имеющиеся в литературе краниометрические данные, среди которых отсутствуют наиболее существенные в данном случае измерения профилировки носа и лица в целом. Необходимы, следовательно, специальные работы по изучению краниологических коллекций американских музеев.

4. При разборе возможностей островного пути заселения Камчатки существенные указания должна дать палеоантропология Японии. Если верно, что ее древнейшее население относилось к айнской расе, то путь через Курильские острова исключается как для эскимосского, так и для камчатского типов.[3]

[2] В литературе имеются указания на значительную ширину нижней челюсти у каренов Бирмы.

[3] Если не рассматривать айнский тип как исходную протомонголоидную форму, что хотя и мало вероятно, но все же не исключено.

Таблица 2 (продолжение)

Признаки	Корячки береговые (нымылланки и рэмкекенки): рекинниковские	Корячки береговые (нымылланки и рэмкекенки): пенжинские (каменско-итканские)	Корячки береговые (нымылланки и рэмкекенки): паланские	Ительменки	«Камчадалки»	Русские старожилки Камчатки	Ламутки: анадырско-пенжинские	Ламутки: камчатские	Ламутки: Суммарно	Бурятки аларские
Смуглая кожа (внутр. поверхн. плеча) № 10 и темнее, %	76.0	76.6	56.2	57,9	73.0	34.8	16.6	26.2	**22.3**	50.6
Темные глаза, %	88.9	100.0	100.0	86.0	77.3	71.5	88.2	81.8	**85.2**	85.0
Черные волосы (№ 27), %	42.8	69.1	57.3	23.2	8.1	5.2	5.9	9.5	**7.5**	10.1
Прямые жесткие волосы, %	60.7	80.2	65.3	32.2	27.4	11.5	19.6	43.3	**30.5**	**71.0**
Волнистые волосы, %	3.6	3.6	0.0	3.6	2.7	2.6	0.0	2.3	**1.1**	0.0
Рост бровей (1—3)	1.68	1.55	1.75	1.69	1.63	1.62	1.22	1.11	**1.17**	1.31

5965

Однако палеоантропология Японии настолько плохо разработана (несмотря на относительное обилие материала), что предположение о значительной древности монголоидных элементов на территории Японии и о курильском пути проникновения на Камчатку хотя бы одного из населяющих ее типов еще не может считаться окончательно отвергнутым.

Поэтому организация исследования палеоантропологических материалов, хранящихся в музеях Японии, также является одной из очередных задач дальнейшей работы.

5. При рассмотрении вопроса о материковом пути расселения вдоль охотского побережья надлежит уточнить намечающийся характер ареала экскимосского типа, как бы окаймляющего северо-восток Азии. В ближайшее время для этой цели будут исследованы коряки Карагинского и Олюторского районов и малочисленная группа так называемых «кереков».

Далее необходимо повторное исследование тунгусов охотского побережья, где, по данным Левина, намечаются некоторые экскимоидные особенности.

Эти работы должны охватить также тугуро-чумиканских, зейско-буреинских и алданских тунгусов, до сего времени почти не изученных.

6. На данном этапе антропологические данные о северо-восточной Азии недостаточно связаны с данными лингвистики, этнографии и археологии, что объясняется некоторым отставанием исследовательских работ в этих областях за последнее время.

Если чукчи, коряки и ительмены действительно характеризуются известной языковой общностью, как думал Богораз,[4] и если появление этих языков на северо-востоке Азии было связано с миграцией извне, то возможно, что этот же миграционный поток принес с собой и камчатский расовый тип. Разработка этого вопроса упирается в отсутствие серьезных лингвистических исследований о степени и характере родства языков северо-восточной Азии между собой и с языками других областей.

Распространение эскимосского и камчатского типов не обнаруживает связи с современным этническим делением палеоазиатской группы,

[4] Вопрос, разумеется, только в ительменском языке. Близость чукотского и корякского совершенно очевидна.

Можно считать, что мы имеем здесь след более древнего этнического размежевания. Не отражает ли это распространение деление на оленеводов и береговых охотников? К сожалению, мы не имеем никаких археологических или этнографических свидетельств о культуре внутренних областей северо-востока Азии до появления оленеводства.

Проблема хронологии появления эскимосского и камчатского типов на северо-востоке Азии, повидимому, не может быть удовлетворительно решена только на основе исследований современного населения. Эскимосский тип, сохранивший некоторые американоидные особенности, не без основания рассматриваемые как протоморфные черты монголоидной большой расы, может считаться более древним. Морфологические особенности камчатского типа, несомненно, сложились позднее. На этом основании можно предположить, что и на северо-восток Азии он проник после эскимосского. Однако ареал эскимосского типа, как бы окаймляющий Камчатку и Чукотку, говорит скорее о более позднем его появлении. При этом следует считаться, как уже отмечено, с возможностью обратного переселения эскимосов из Америки.

Установление хронологических взаимоотношений между расовыми типами почти всегда требует привлечения палеоантропологических данных. Между тем они отсутствуют не только на Камчатке, но и на всем советском Дальнем Востоке, что объясняется совершенно недостаточными темпами и объемами археологических работ.

Отсутствие сколько-нибудь полной археологической схемы является наиболее важным тормозом во всех проблемах этнологического синтеза на советских берегах Тихого океана. Организация археологических исследований в широком масштабе является поэтому самой существенной задачей.

М. Г. ЛЕВИН

АМУРО-САХАЛИНСКАЯ АНТРОПОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Амуро-Сахалинская антрополого-этнографическая экспедиция 1947 г. была запланирована и проводилась как составная часть Северо-восточной комплексной экспедиции (руководитель Г. Ф. Дебец).

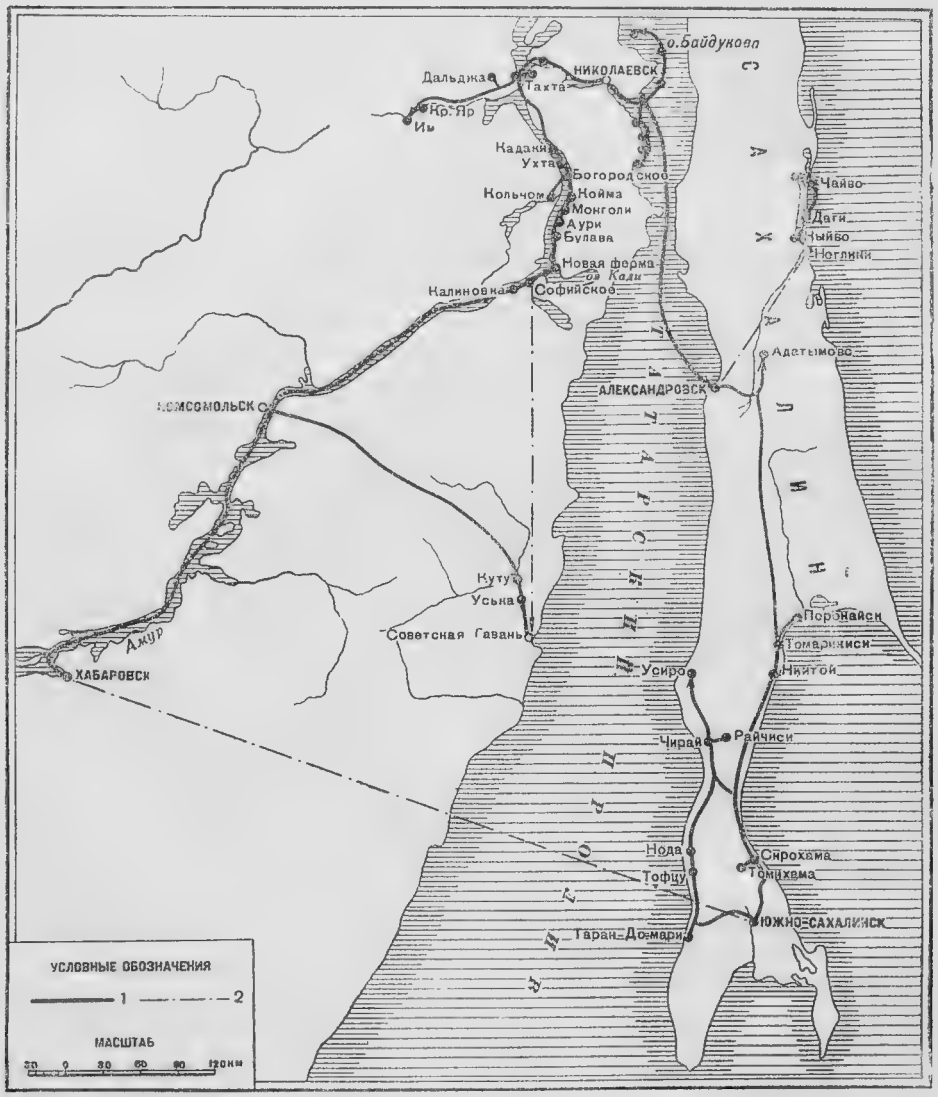
Антропологическая работа на Чукотке и Камчатке поставила в качестве очередной задачи изучение народов Амура и Сахалина, и в первую очередь антропологическое изучение айнов. Эта народность после освобождения Южного Сахалина вошла в состав Советского Союза и впервые могла быть исследована советскими антропологами. Айны — изолированный островок среди монголоидного по своему типу окружающего населения — издавна привлекали к себе внимание, и проблеме их происхождения посвящено немало работ, в том числе классические работы Анучина и Штернберга. Но в антропологическом отношении айны оставались недостаточно изученными. А вместе с тем с антропологией айнов связано разрешение многих общих вопросов антропологии восточной и северо-восточной Азии. Изучение айнов неразрывно связано с изучением соседних народов Амура и Сахалина — нивхов (гиляков): сахалинских, лиманских, амурских; ороков Сахалина, негидальцев, ульчей. В сравнительном плане важно было собрать антропологический материал и по японцам. Таковы были задачи антропологической работы.

Археологические работы Северо-восточной экспедиции — раскопки С. И. Руденко и И. П. Лаврова на Чукотском п-ве, А. П. Окладникова на Колыме — поставили на очередь специальное изучение изобразительного искусства народов Амура и Сахалина. Материалы по арктической археологии обнаружили бесспорные связи древних арктических культур с югом, в первую очередь с Амуром,— связи, отразившиеся в орнаментике и скульптуре.

Перед экспедицией стояла немаловажная задача собрать также материалы по современному быту и расселению народов Сахалина и Амура.

В экспедиции, работавшей под руководством автора настоящей статьи, участвовали: И. П. Лавров — художник-искусствовед, научный сотрудник Института художественной промышленности, работавший в составе Северо-восточной экспедиции на Чукотке в 1945—1946 гг.; научный сотрудник Института этнографии Н. П. Дебец, которая принимала участие в антропологических работах, в частности в сборе материалов по группам крови и дактилоскопии; аспирант Института А. В. Стрелина, которая была включена в состав экспедиции для сбора материалов по

се диссертационной теме, посвященной материальной культуре ульчей. Если по социальной организации и верованиям ульчей мы располагаем



Маршруты Амуро-Сахалинского отряда Северо-восточной экспедиции в 1947 г.:
1 — водный и сухопутный маршрут; *2* — авиамаршрут

специальной монографией А. М. Золотарева, то материальная их культура изучена совсем недостаточно. Экспедиция работала с середины июля до конца октября, а А. В. Стренина — до конца декабря.

Из Хабаровска, где экспедиция была встречена начальником Северо-восточной экспедиции Г. Ф. Дебецом, прилетевшим с Камчатки, чтобы принять участие в работах на Амуре и согласовать программу и

методику антропологических работ для максимальной сравнимости материалов, мы направились в Николаевск, откуда начался маршрут экспедиции по лиману Амура. Благодаря содействию областных организаций экспедиция смогла охватить обследованием почти все селения нивхов по амурскому лиману, от сел. Лангр на Петровской косе (севернее о-ва Чкалова) до сел. Уарки. Антропологически обследовано почти все взрослое население — мужчины и женщины.

В расселении нивхов, в результате коллективизации и социалистического переустройства их быта, произошли коренные изменения. Вместо десятков мелких селений нивхи Амурского лимана расселены сейчас в крупных поселках-колхозах, где они проживают в течение круглого года. В большинстве поселков дома русского типа, нередко с огородом. В прошлое ушли поражавшие старых путешественников негигиенические условия гиляцкого быта. Примитивные орудия рыболовства сменились современными способами лова; на оснащении колхозов имеются катера. Прочно вошла в быт покупная одежда — как мужская, так и женская. На протяжении последних 15—20 лет произошла такая коренная ломка прежних социальных отношений, старого мировоззрения, что молодежь, как правило, даже не знает об экзогамных запретах, родовых нормах, родовом культе, к которым и люди более пожилого возраста достаточно равнодушны. Многие из нивхов побывали в армии, участвовали в Великой Отечественной войне, награждены за боевые заслуги.

Фиксируя это новое, отмечая сложный процесс ломки старых традиций, старого мировоззрения, мы, естественно, собирали материалы и по прошлому нивхов. Собраны данные по родовому составу, по межродовым отношениям, культу медведя и т. д. В этнографической литературе подробно описан так называемый «медвежий» праздник нивхов, связанный с содержанием медвежонка в срубе и затем его ритуальным убиением, но почти не освещен тот культ, который связан с медведем, убитым на охоте. Собранные нами материалы, которые мы предполагаем осветить в специальной статье, позволяют связать этот культ убитого на охоте медведя с более древним, широко распространенным по всей Сибири культом медведя; у нивхов он сочетается с более поздним культом воспитываемого в неволе медведя, связанным, повидимому, с айнским влиянием.

Строго родовой по своему содержанию в прошлом, культ медведя доживает до наших дней, но коренным образом меняет свое содержание, которому молодежь придает характер колхозного праздника. Старые предметы культа — замечательная по своему художественному выполнению ритуальная посуда для медвежьего праздника — теперь почти исчезли. Лишь в сел. Мы на Амурском лимане нам удалось обнаружить и описать родовой медвежий амбар «лезнг», принадлежавший роду (кхаль) Мыбинг. В таком свайном амбаре хранились: ритуальная посуда, черепа убитых медведей и другие предметы культа. Где бы ни проживал член рода, он должен был, убив медведя, доставить его кости в родовой амбар.

Из хранившихся в амбаре многочисленных, замечательных по своей резьбе ковшей нам удалось пополнить этнографическую коллекцию Музея антропологии и этнографии лишь несколькими, из которых должны быть отмечены два ковша с пиктографией на выступающей вперед лопасти. Пиктография на ковшах нивхов впервые была отмечена

А. М. Золотаревым и Е. А. Крейновичем.[1] Резьба на ручках ковшей также имеет свою символику: если медведь убит на охоте, то на ручке вырезается фигурка медведя с петлей на шее; если медведь содержался в срубе, то он изображается на ручке в цепях между двумя столбами. Число фигурок соответствует числу убитых медведей. Изображение лодки на ручке говорит о том, что медведь был убит летом и привезен на лодке, и т. д.

И. П. Лавровым собран очень большой материал по орнаменту нивхов, насчитывающий многие десятки зарисовок и эстампажей.

В середине августа экспедиция вернулась в Николаевск, где разделилась на отряды. Г. Ф. Дебец и А. В. Стрелина отправились вверх по Амуру. Г. Ф. Дебец произвел антропологическое обследование негидальцев по р. Амгуни (в селениях Красный Яр, Дальджа и Усть-Амгунь), нивхов Нижнего Амура (селения Кальма, Тахта, Мочала) и ульчей почти по всему району их расселения. Им собрана коллекция черепов негидальцев (28 шт.) и ульчей (33 шт.), переданная в Музей антропологии и этнографии. А. В. Стрелиной собраны этнографические материалы по негидальцам и ульчам, которые явились основным объектом ее изучения.

А. В. Стрелиной, отчет которой о ее работе публикуется в настоящем выпуске «Кратких сообщений», собрана большая этнографическая коллекция по ульчам, главным образом деревянной религиозной скульптуры, также поступившая в Музей антропологии и этнографии.

Н. П. Дебец, И. П. Лавров и автор настоящей статьи продолжали работу на Сахалине. Из Александровска наш путь лежал на восточный берег Сахалина в центр Восточно-Сахалинского района — пос. Ноглики. Еще недавно попасть туда можно было только на нивхских лодках-долбленках по р. Тыми до устья. На этот томительный путь уходило много дней. Мы же воспользовались самолетом, который через час доставил нас в Ноглики.

На восточном побережье нами было проведено антропологическое обследование нивхов в селениях Ныйво, Даги, Чайво, а также обследование ороков. В недавнее время (в 1928 г.) этнографическое описание ороков дал Б. А. Васильев (Этнография, 1929, № 1), и мы лишь кратко коснемся изменений, происшедших за это время в их быту. Здесь эти изменения особенно разительны. Все ороки Северного Сахалина объединены в одном оленеводческом колхозе «Вал». Мы посетили центр этого колхоза, который расположен по р. Вал, километрах в 12 от сел. Чайво. Это новый благоустроенный поселок — 21 дом хорошей стройки, около домов огороды. Здесь центр колхоза, где помещается правление, медпункт, склады, магазины; здесь живут те, кто не занят в оленьих стадах. Стада с пастухами находятся в разных местах: в районе Нобильского залива, в районе Пильтунского залива и по р. Даги. Среди бригадиров и пастухов оленьих стад много молодежи, окончившей школу; некоторые были в армии, много коммунистов и комсомольцев. Кроме ороков, в состав колхоза входят несколько семей эвенков и три русские семьи. Основное направление хозяйства в колхозе оленеводческое. Колхозное стадо, насчитывающее около 4.5 тысячи голов, в прекрасном состоянии, неуклонно растет. Плановый ежегодный забой оленей обеспечивает благосостояние колхозников. Организована мастерская по выработке

[1] Нивхский (гиляцкий) язык. Языки и письменность народов Севера, ч. 3, М.— Л., 1934.

различных изделий из оленьих шкур и замши, которые находят себе широкий сбыт в районе. Выделяются бригады для морской охоты на сивуча, для ловли рыбы, сбора черемши и орехов, заготовки сена (в поселке имеются коровы). Этот колхоз, объединяющий почти целую народность, заслуживает монографического описания.

Краткое замечание по поводу термина «ороки». Это название не известно ни самой народности, ни ее соседям. Сами они называют себя «ульта», эвенки называют их ульчар, нивхи (гиляки) — оргнас, местное русское население — орочонами. Термин «ороки», введенный в этнографическую литературу Л. Шренком, в будущем должен быть заменен.

На Северном Сахалине антропологическое обследование нивхов было произведено и в Кировском районе — в нивхском колхозе Чир-унвд (Новая жизнь), расположенном в среднем течении р. Тымь, в 60 км от сел. Дербинского. Это колхоз сельскохозяйственного направления. В него вошли нивхи, жившие раньше разбросанно в разных пунктах по всему течению р. Тымь, а также частично из селений, расположенных на западном берегу. Не охваченными антропологическим обследованием на Северном Сахалине остались нивхи Рыбновского района.

Закончив работу на Северном Сахалине, мы отправились в Южно-Сахалинск, ныне центр Сахалинской области, откуда начали маршрут по айнским селениям. К экспедиции был прикомандирован сотрудник Сахалинской базы Академии Наук Б. А. Жеребцов, который многим помог нам в работе. Мы посетили селения на западном и восточном побережьях, где проживают айны, и произвели их антропологическое обследование (селения Тарантомари, Тофцу, Райчиси, Усиро на западном берегу и Нинтой, Сирохама, Томихама на восточном).

Под воздействием насильственной японизации айны усвоили японский язык; молодежь говорит только по-японски, и лишь старики помнят айнский и немного русский язык. Айны почти утратили свою самобытную материальную культуру, живут в домах японского типа (кое-где сохранился старый тип бревенчатого жилища), носят покупную одежду, пользуются фабричной посудой и т. д. И лишь по физическому типу, да еще по татуировке губ у пожилых женщин можно узнать айнов. В айнских домах мы всюду встречали божницы шинтоистского культа, но наряду с этим до сих пор продолжает жить и их старая религия, в которой, как известно, видное место занимает культ «инау» (заструженные палочки различной формы, изготовляемые в честь различных духов-божеств «камуи»). В айнских домах в центре комнаты рядом с чугунной японской печью и сейчас устраивается культовый очаг — небольшой огороженный квадрат с золой, около которого устанавливается инау в честь камуи огня — очага (ундзи инау), в углу — собокоро инау (инау в честь камуи дома), различные инау, изготовленные по случаю болезни, и др.

Раньше в случае болезни, по указанию шамана (шаман — тосу́куру или тосу́айну), душили собаку, кровью ее натирали больного, мясо варили и устраивали угощение, а череп убирали стружками и вместе со шкурой вешали на специальном мольбище. Такие мольбища мы встречали около айнских селений. В айнских селениях и сейчас постоянно видишь свежесрубленные молодые лиственницы с пучками стружек и разнообразными инау; их устанавливают по случаю плохой погоды в честь «чух камуи» — солнца (сира́ски инау), по случаю шторма на море в честь камуи моря (атай камуи инау) и т. д. И сейчас у айнов имеются шаманы. Нам довелось наблюдать и описать камлание айнки-шаманки с бубном-колотушкой.

Медвежий праздник, связанный с воспитанием медвежонка и ритуальным его убиением, описан, как известно, в наиболее сложных формах именно у айнов. Лет 30 назад под давлением японцев эти праздники были оставлены, и мы в быту не нашли уже предметов медвежьего культа. Но около айнских селений Ниитой и Сирохама мы обнаружили в лесу старые мольбища айнов, где раньше происходило убиение медведя. Сюда, в эти «лесные храмы», жители селений снесли все предметы медвежьего культа: ритуальную посуду, ритуальные стрелы и колчаны, которые употреблялись на медвежьем празднике, старые пояса, изготовлявшиеся из крапивного волокна, множество инау, а также сакральные фигурки медведей, которые раньше хранились в домах. Изготовляли эти фигурки по случаю убиения медведя, используя по преимуществу соответствующей формы корни и ветви деревьев.

Когда голову медведя приносили в дом (ее нельзя было вносить в дверь, а только в особое отверстие в стене, которое устраивалось в домах старого типа), то на ней устанавливали такую деревянную фигурку (инока́). Фигурка одевалась в кусочек медвежьей шкуры и оплеталась веревкой из стружек.

Время сделало свое дело, многие деревянные предметы истлели, и та коллекция, которую нам удалось собрать на мольбище, носит уже археологический характер. Описанию ее, и в первую очередь уникального собрания деревянной скульптуры айнов, будет посвящена специальная работа в Сборнике Музея антропологии и этнографии.

И. П. Лавровым собраны материалы по орнаменту айнов, в том числе и большая коллекция эстампажей с айнских надгробий. Среди айнов Южного Сахалина часть является старыми насельниками этой территории, часть ведет свое происхождение от айнов о-ва Хоккайдо. По словам наших информаторов-айнов, надгробия различны у сахалинских и хоккайдских айнов: у первых — это плоские доски с отверстием посередине, покрытые почти сплошь резьбой, у хоккайдских айнов — столбы с сучком.

На Южном Сахалине живут немногочисленные оседлые безоленные ороки (в селениях Отасу и Таран около г. Поронайска, а также в некоторых пунктах на берегу залива Терпения). Они влачили при японцах жалкое существование и почти утратили свою самобытную культуру. Несколько семей ороков-оленеводов кочует по р. Лухтаме в Поронайском районе. В селениях Отасу и Таран проживает несколько семей нивхов.

Предварительный отчет об антропологических работах экспедиции публикуется нами в настоящем выпуске «Кратких сообщений».

В заключение я хочу выразить глубокую признательность местным работникам, которые оказывали нашей экспедиции постоянную помощь и радушное гостеприимство. В глубоком уважении к науке, в понимании задач наших специальных исследований в среде рядовых колхозников нивхов, ороков, ульчей, негидальцев и других сказывается тот огромный культурный рост, который мы видели у этих недавно отсталых народностей, ныне приобщенных ленинско-сталинской национальной политикой к самой передовой — советской культуре.

М. Г. ЛЕВИН

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА АМУРЕ И САХАЛИНЕ

(Предварительное сообщение)

Народы Амура и Сахалина в антропологическом отношении изучены крайне недостаточно. Различия в методике у разных авторов очень затрудняют к тому же сравнительный анализ имеющихся данных,[1] свидетельствующих об очень сложном антропологическом составе народов Амура и Сахалина.[2] Проводившиеся в 1947 г. антропологические исследования имели целью заполнить указанные пробелы.[3]

Антропологически обследованы следующие группы:

	Мужчины	Женщины
Айны Южного Сахалина	58	57
Нивхи (гиляки) Северного Сахалина	91	90
Нивхи лимана Амура	75	65
Нивхи нижнего течения Амура	79	54
Ороки Сахалина	19	31
Негидальцы р. Амгуни	52	42
Ульчи	125	106
Нанайцы Нанайского и частично Комсомольского районов (обследованы в колхозе на Южном Сахалине)	50	—

Возрастной состав обследованных групп приведен в таблице. Следует особо отметить более высокий возраст в группах айнов и ороков.

Краткая характеристика исследованных групп

Айны, резко выделяющиеся среди монголоидного по своему типу окружающего населения, характеризуются следующими признаками: цвет кожи смуглый, более темный, чем у всех соседних групп; глаза темные (86% темной окраски № 1—3); волосы черные (свыше 80% иссиня черного оттенка № 27 шкалы Фишера), очень жесткие (процент

[1] Материалы А. Н. Покровского по орочам, сахалинским нивхам, орокам; А. М. Золотарева — по ульчам, нанайцам, негидальцам, амурским нивхам; старые исследования Л. Я. Штернберга (опубликованные Г. Петровым); материалы зарубежных авторов по айнам и некоторые другие.

[2] См. Т. А. Трофимова. К айнской проблеме. Антропологический журнал, 1932, № 2; Г. Ф. Дебец. Антропологическое изучение Советского Севера. Советский Север, 1934, № 6; М. Г. Левин. Антропологические типы Охотского побережья. Труды Ин-та этнографии, Н. с., т. II, 1947.

[3] О работах Амуро-Сахалинской экспедиции см. наше сообщение в настоящем выпуске «Кратких сообщений».

жестких волос значительно выше, чем у других групп Амура и Сахалина), и вместе с тем в значительном проценте (свыше 25) волнистые по форме. Третичный волосяной покров на лице и на теле, как это широко известно, развит исключительно сильно. Даже в среднем возрасте (от 26 до 40 лет) средний балл развития бороды (по 5-бальной системе) превышает 4. Характерен рост волос не только на груди, но и в области лопаток, на предплечье и голени. Брови очень густые. Лицо плоское, но менее скуластое, чем у нивхов и особенно у ороков. Размеры лица средние, но по сравнению с другими группами Сахалина и Амура айны характеризуются более низким и узким лицом (морфологическая высота лица от нижнего края бровей 132.7 мм,[4] скуловой диаметр 144 мм; нижнечелюстной — также меньше). Нособровное расстояние (расстояние от корня носа до нижнего края бровей) у айнов меньше, чем у соседних групп. Характерна особенность в строении носа: длина (высота) носа (от нижнего края бровей) 60.5 мм, значительно меньше, чем у соседних групп, но ширина его очень большая — 40 мм, что превосходит соответствующие цифры у всех народов Сибири и Дальнего Востока. Переносье средней высоты, значительно выше, чем у всех монголоидов Сибири. Спинка носа преимущественно прямая; выпуклые и вогнутые формы редки. Сильное выступание крыльев и поперечное расположение ноздрей встречаются чаще, чем в других соседних группах. Строение глазной области обнаруживает своеобразное сочетание признаков. Процент эпикантуса в исследованной группе оказался очень высоким (36); если учесть возрастной состав, то процент эпикантуса при стандартном возрастном распределении окажется значительно выше. У детей и подростков эпикантус отмечен нами в 100%. При этом айны заметно отличаются от других исследованных нами групп более широким и прямым разрезом глаз, что создает совсем не монголоидный облик при значительном развитии эпикантуса. Губы у айнов толстые (20 мм в среднем для мужчин, что является, повидимому, максимумом для народов Сибири и Дальнего Востока). Верхняя губа высокая, прохейличная. Рот широкий. Голова очень длинная, долихокефальная (указатель 77.7). Лоб чаще прямой, надбровные дуги развиты средне, но сильнее, чем у соседних групп. Рост мужчин в среднем 160 см. В целом айны обнаруживают своеобразное сочетание антропологических признаков, резко отличное от тех, которые известны в населении Сибири и Дальнего Востока.

Нивхи. По своему антропологическому типу нивхи амурские и лиманские очень близки между собою и заметно отличаются от сахалинских. Для нивхов Амура, по сравнению с нивхами Сахалина, характерны более темная пигментация, большее развитие бороды, несколько более узкое лицо, больший продольный диаметр головы и соответственно значительно более низкий головной указатель (81—82 у амурских и лиманских нивхов и 85 у сахалинских). Нивхи Амура по всем указанным признакам обнаруживают сдвиг в сторону айнского типа, что позволяет предполагать у них бóльшую, по сравнению с сахалинскими нивхами, айнскую примесь. Если исключить айнскую примесь, то в антропологическом типе нивхов выделяется основной компонент, характеризующийся выраженно монголоидными чертами. Лицо у нивхов плоское, высокое и широкое, переносье низкое, спинка носа прямая (вы-

[4] Здесь, как и в дальнейшем, взяты средние для мужчин.

пуклые и вогнутые формы встречаются в общем редко), эпикантус развит сильно, губы толстые. Депигментации, характерной, как мы увидим ниже, для ороков, у нивхов не отмечается.

О р о к и. Наш материал, характеризующий ороков, к сожалению, очень малочислен. Но ороки даже физиономически представляют очень однородную группу, и их антропологическая характеристика и по имеющимся данным достаточно четка. Многими основными признаками ороки заметно отличаются от своих соседей — сахалинских нивхов: пигментация у них значительно светлее (процент темных глаз — 44 у ороков, 80 — у сахалинских нивхов); развитие бороды слабее, лицо еще более плоское с резко выступающими вперед скулами, переносье ниже, вогнутых спинок носа значительно больше, губы значительно тоньше. По размерам головы и лица обе группы близки между собой. Рост ороков очень низкий (154.4 см в среднем для мужчин).

Во время обследования мы отмечали общее сходство ороков с ламутами. Это находит себе подтверждение в таких признаках, как депигментация, сильное выступание скул, очень низкое переносье, значительный процент вогнутых спинок носа, тонкие губы, низкий рост. У ороков, однако, по сравнению с ламутами, более короткая, широкая и соответственно значительно более брахикефальная голова.

Н е г и д а л ь ц ы в целом ряде признаков сходны с ороками. Для них также характерны, по сравнению с их соседями — нивхами и ульчами, более светлая пигментация, мягкие волосы, более слабый рост бороды, низкое переносье, очень плоское лицо с выступающими вперед скулами, тонкие губы. Негидальцы также отличаются очень низким ростом (156 см). Головной указатель у негидальцев — 83.5.

У л ь ч и по большинству антропологических признаков близки к нивхам Амура, отличаясь от них несколько более светлой пигментацией, меньшим развитием бороды, несколько более низким переносьем, бóльшим процентом эпикантуса, несколько более низким лицом и более высоким головным указателем. В целом ульчи в своем антропологическом типе обнаруживают, по сравнению с нивхами, сдвиг в сторону негидальцев.

Н а н а й ц ы. Имеющиеся данные (неопубликованные материалы Липского, исследования А. М. Золотарева) указывают на значительные вариации антропологического типа нанайцев по обширной территории их расселения. Собранные нами материалы по нанайцам недостаточны поэтому для их антропологической характеристики. По этим материалам нанайцы обнаруживают значительный процент смешанной окраски глаз, сравнительно мягкие волосы, слабое развитие бороды, очень низкое переносье. Лицо у нанайцев (как и по материалам Золотарева) выше и у́же, чем у ульчей.

Выделение типов и вопросы их генезиса

Приведенные выше материалы позволяют предварительно наметить в составе народов Амура и Сахалина следующие основные антропологические типы: I — «айнский», II — «гиляцкий», III — «орокско-негидальский». Как уже указывалось, ороки и негидальцы в целом обнаруживают сходство с ламутами, от которых они разнятся главным образом размерами головы (более короткая и широкая голова у ороков и негидальцев). Характерный для ороков и негидальцев тип мы склонны

рассматривать как брахикефальный вариант байкальского (палео-сибирского) типа, который широко распространен у народов северной Азии и в наиболее характерном виде выступает у эвенков северного Прибайкалья (Рогинский), ламутов и, повидимому, юкагиров. «Ороксконегидальский» тип достаточно отчетливо выступает в составе ульчей и, возможно, у нанайцев.

Вопрос о «гиляцком» типе неясен и требует для своего разрешения дополнительных исследований, в первую очередь антропологического изучения орочей и удэ. Можно высказать предположение, что этот тип генетически связан с так наз. маньчжуро-корейским антропологическим типом, формирование которого происходило на широкой территории восточной Азии. Вопросу о месте «айнского» антропологического типа в расовой систематике и проблеме его генезиса посвящена очень обширная литература. В настоящем предварительном сообщении мы опускаем рассмотрение литературы и критический разбор различных теорий.

Айны, как мы видели, характеризуются комплексом признаков, из которых одни (эпикантус, жесткие волосы, плоское лицо) включают своих носителей в круг монголоидных форм, другие (высокое переносье, волосяной покров, размеры лица) сближают их с антропологическими типами европеоидного круга форм, и, наконец, третьи (широкий нос с поперечно расположенными ноздрями, толстые губы, смуглый цвет кожи, волнистость волос) ведут нас в иную область — область распространения австралоидных, в широком смысле слова, типов.

Если отрицать влияние сравнительно поздней монголоидной примеси на антропологический тип айнов нельзя, то свести к ней все своеобразие этого типа невозможно.

1. Антропологический тип айнов связан с теми промежуточными по своему характеру антропологическими типами юго-восточной Азии, которые характеризуются исключительным разнообразием по основным расоводиагностическим признакам первого порядка и обнаруживают сдвиги то в монголоидном, то в европеоидном, то в австралоидном направлении.

2. Это разнообразие и своеобразное сочетание признаков отражают самый процесс формирования основных признаков больших рас.

3. Наличие в населении восточной и северо-восточной Азии некоторых «айнских» антропологических признаков необязательно связано с влиянием айнов как современной этнической группы, а может восходить к тому кругу промежуточных в своей основе типов, к которому восходит и современный тип айнов.

Положения, касающиеся генезиса антропологических типов Амура и Сахалина, могут получить достаточную убедительность лишь при увязке данных по антропологии современного населения с палео-антропологическими материалами. На территории Амура и Сахалина эти последние до настоящего времени, к сожалению, полностью отсутствуют. Развертывание археологических исследований на Амуре и Сахалине настоятельно необходимо.

Мужчины *Таблица 1*

Группы / Признаки	Айны	Нивхи			Ороки	Негидальцы	Ульчи	Нанайцы
		амурские	лиманские	сахалинские				
Число исследованных	58	79	75	91	19	52	125	50
В том числе, %								
20—25 л.	15.5	20.3	14.6	13.2	21.0	17.3	19.2	8.0
26—39 л.	32.8	35.4	42.7	41.8	21.0	26.9	42.4	52.0
40 л. и старше	51.7	44.3	42.7	45.0	58.0	55.8	38.4	40.0
Длина тела, см	160.05	160.62	160.30	161.37	154.40	156.14	160.42	159.70
Продольный диаметр головы	197.57	190.89	189.08	186.85	186.10	186.67	190.33	188.00
Поперечный » »	153.55	154.62	154.84	159.09	159.26	155.98	156.15	153.02
Головной указатель	77.71	81.22	82.11	85.19	85.50	83.42	82.22	81.50
Наклон лба (1—3; 1 — сильно наклонный)	2.64	2.44	2.28	2.34	2.22	2.00	2.50	2.66
Надбровье (1—4)	1.66	1.44	1.51	1.59	1.37	1.48	1.29	1.42
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей)	132.66	137.65	137.24	137.07	133.50	136.94	135.14	137.36
Скуловой диаметр	144.04	147.67	146.20	148.90	147.74	146.06	147.39	145.58
Нижнечелюстной диаметр	112.59	115.43	115.19	114.71	116.95	116.40	115.54	113.90
Горизонтальная профилировка лица (1—3)	1.02	1.05	1.04	1.04	1.00	1.02	1.02	1.00
Выступание скул (1—3; 1— сильное)	1.70	1.58	1.69	1.71	1.42	1.44	1.54	1.34
Выступание подбородка (0—3; 0 — отступающий)	1.82	1.53	1.28	1.41	1.42	1.27	1.72	1.44
Высота носа от нижнего края бровей	60.55	63.03	63.56	64.18	63.90	64.13	62.82	65.98
Высота носа от переносья	51.86	52.47	52.92	52.41	50.63	52.88	52.06	53.50
Ширина носа	40.02	37.02	36.35	38.61	38.13	36.77	36.99	38.06
Носовой указатель от нижнего края бровей	66.09	59.19	57.36	60.40	60.10	57.66	59.42	57.68
Носовой указатель от переносья	77.47	71.15	68.96	73.83	75.90	69.53	71.08	71.14
Высота переносья (1—3)	1.90	1.24	1.23	1.22	1.05	1.19	1.14	1.12
Поперечный профиль спинки носа (1—3)	2.02	1.75	1.96	1.84	1.68	1.69	1.65	1.76
Спинка носа: вогнутая, %	7.0	21.5	6.8	7.9	26.3	9.6	27.2	12.0
Спинка носа: прямая, %	71.9	56.8	63.5	70.8	52.6	65.4	60.8	58.0
Спинка носа: извилистая, %	17.6	12.7	20.3	15.7	21.1	17.3	8.8	16.0
Спинка носа: выпуклая, %	3.5	8.9	9.4	5.6	—	7.7	3.2	14.0
Кончик носа (1—3; 1 — поднятый)	1.59	1.52	1.47	1.42	1.74	1.58	1.62	1.78
Положение осей ноздрей (1—3; 1 — поперечное)	1.79	1.97	1.97	1.89	1.42	1.81	1.90	1.78
Выраженность крыльевых борозд (1—3; 1 — слабая)	1.74	1.59	1.68	1.61	2.00	1.81	1.50	1.92
Выступание крыльев носа (1—3; 1 — слабое)	1.95	1.85	1.92	1.93	2.37	1.85	1.74	1.92
Профиль верхней губы (1—3; 1 — прохейлия)	1.14	1.04	1.10	1.04	1.16	1.06	1.06	1.02
Высота кожной части верхней губы	19.74	18.58	18.89	19.92	19.18	18.73	18.65	20.06
Ширина рта	58.18	51.50	51.27	53.63	54.26	51.06	51.05	54.20
«Толщина» обеих губ	20.14	17.45	18.51	20.47	15.18	15.85	17.00	18.14
Мочка уха (1—3; 1— приросшая)	2.28	1.42	1.61	1.51	1.74	1.63	1.61	2.04
Ширина глазной щели (1—3: 1— узкая)	1.74	1.49	1.53	1.57	1.26	1.71	1.82	1.38

Мужчины *Таблица 1 (продолжение)*

Признаки \ Группы	Айны	Нивхи			Ороки	Негидальцы	Ульчи	Нанайцы
		амурские	лиманские	сахалинские				
Наклон осей глаз (1—3; 3— наружный угол выше)	2.35	2.60	2.55	2.42	2.42	2.54	2.66	2.54
Эпикантус, %	36.2	49.4	53.3	57.2	31.6	52.0	64.8	44.0
Складка века (0—3): внутренняя часть (*p*)	1.50	2.24	2.29	2.53	2.47	2.48	2.36	1.98
Складка века (0—3): средняя часть (*m*)	1.62	2.28	2.49	2.56	2.79	2.44	2.39	2.14
Складка века (0—3): наружная часть (*d*)	1.60	2.27	2.48	2.56	2.79	2.40	2.39	2.12
Смуглая кожа (внутр. поверхн. плеча) № 10 и темнее, %	75.9	44.6	71.2	62.4	26.4	16.7	33.8	36.8
Темные глаза (1—4), %	86.0	86.0	88.0	80.0	44.4	59.6	74.4	52.2
Черные волосы (№ 27), %	81.8	33.3	45.9	48.5	36.4	2.3	18.5	63.9
Прямые жесткие волосы, %	63.2	35.8	24.1	44.1	45.5	8.9	40.9	32.4
Волнистые волосы, %	26.3	20.9	9.2	3.4	9.0	11.1	6.1	10.8
Рост бороды (1—5) у лиц старше 25 л.	4.33	2.11	2.10	1.86	1.60	1.28	1.76	1.26
Рост бровей (1—3)	2.81	1.99	2.11	2.08	1.63	1.60	1.90	1.67

Женщины *Таблица 2*

Признаки \ Группы	Айны	Нивхи			Ороки	Негидальцы	Ульчи
		амурские	лиманские	сахалинские			
Число исследованных	57	54	65	90	39	42	106
в том числе, %							
20—25 л.	19.3	27.8	24.6	22.2	43.6	23.8	21.7
26—39 л.	28.1	50.0	50.8	46.7	28.2	35.7	49.1
40 л. и старше	52.6	22.2	24.6	31.1	28.2	40.5	29.2
Длина тела, см	147.36	150.77	148.15	149.70	146.09	147.25	149.69
Продольный диаметр головы, мм	188.26	183.32	179.60	179.43	178.62	180.43	182.91
Поперечный диаметр головы, мм	148.48	149.36	149.41	153.07	150.46	152.07	150.76
Головной указатель	78.87	81.46	83.22	85.41	84.12	84.07	82.58
Наклон лба (1—3; 1 — сильно наклонный)	2.98	2.85	2.86	2.79	2.56	2.81	2.92
Надбровье (1—4)	1.00	1.00	1.09	1.02	1.05	1.00	1.00
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей)	127.32	130.26	128.46	129.67	128.38	130.20	128.06
Скуловой диаметр	136.84	138.83	138.66	140.77	138.92	141.10	139.74
Нижнечелюстной диаметр	104.74	107.00	107.41	107.63	108.31	109.56	108.44
Горизонтальная профилировка лица (1—3)	1.00	1.00	1.00	1.01	1.00	1.00	1.00
Выступание скул (1—3): 1 — сильное)	1.26	1.26	1.35	1.35	1.38	1.14	1.14
Выступание подбородка (0—3: 0 — отступающий)	1.75	1.25	1.46	1.53	1.87	1.43	1.74
Высота носа от нижнего края бровей	59.26	59.17	58.81	60.50	61.54	61.00	58.57
Высота носа от переносья	48.37	46.67	46.4	47.67	47.85	47.50	46.87
Ширина носа	35.61	33.39	32.76	35.06	34.47	33.60	34.05
Носовой указатель от нижнего края бровей	60.90	56.60	56.04	58.37	56.77	55.18	58.22
Носовой указатель от переносья	74.63	71.89	70.60	74.07	72.23	70.88	72.69

360 (2)

Таблица 2 (продолжение)

Группы / Признаки	Айны	Нивхи			Ороки	Негидальцы	Ульчи
		амурские	лиманские	сахалинские			
Высота переносья (1—3)	1.44	1.04	1.03	1.00	1.08	1.10	1.06
Поперечный профиль спинки носа (1—3)	1.74	1.20	1.48	1.42	1.49	1.21	1.22
Спинка носа: Вогнутая, %	57.9	59.3	44.6	34.8	28.2	38.1	53.8
Спинка носа: Прямая, %	38.6	38.9	50.8	60.7	71.8	54.8	44.3
Спинка носа: Извилистая, %	3.5	1.8	4.6	3.4	—	7.1	1.9
Спинка носа: Выпуклая, %	—	—	—	1.1	—	—	—
Кончик носа (1—3; 1 — поднятый)	1.33	1.31	1.34	1.35	1.49	1.40	1.42
Положение осей ноздрей (1—3; 1 — поперечное)	2.11	1.94	1.97	1.97	1.77	1.83	1.80
Выраженность крыльевых борозд (1—3; 1 — слабая)	1.58	1.57	1.72	1.48	1.62	1.88	1.60
Выступание крыльев носа (1—3; 1 — слабое)	1.72	1.65	2.18	1.90	1.82	1.48	1.73
Профиль верхней губы (1—3; 1 — прохейличная)	1.22	1.00	1.02	1.01	1.16	1.00	1.01
Высота кожной части верхней губы	18.24	17.16	17.13	18.62	18.06	17.70	16.62
Ширина рта	53.58	45.47	46.72	49.46	48.54	47.25	47.20
«Толщина» обеих губ	20.17	19.16	18.41	19.12	15.14	16.35	16.81
Мочка уха (1—3; 1 — приросшая)	2.26	1.27	1.24	—	1.37	1.74	1.71
Ширина глазной щели (1—3; 1 — узкая)	1.74	1.68	1.78	1.54	1.26	1.62	1.79
Наклон осей глаз (1—3; 3 — наружный угол выше)	2.43	2.68	2.63	2.49	2.42	2.70	2.52
Эпикантус, %	39.3	83.4	73.9	73.0	60.6	73.8	75.2
Складка века (0—3): Внутренняя часть (p)	1.33	2.52	2.36	2.40	2.55	2.50	2.48
Складка века (0—3): Средняя часть (m)	1.35	2.48	2.43	2.44	2.66	2.45	2.50
Складка века (0—3): Наружная часть (d)	1.35	2.48	2.43	2.44	2.66	2.45	2.50
Смуглая кожа (внутренняя поверхность плеча) № 10 и темнее, %	69.6	71.9	81.4	86.4	45.2	25.0	26.9
Темные глаза (1—4), %	96.5	96.3	80.0	96.6	86.1	76.2	94.1
Темные волосы (№ 27), %	79.6	44.2	31.2	34.1	22.8	7.5	17.7
Прямые жесткие волосы, %	74.0	73.6	52.5	41.7	41.2	7.3	46.7
Волнистые волосы, %	6.0	3.8	4.9	1.2	2.9	7.3	7.6
Рост бровей (1—3)	2.25	1.50	1.49	1.50	1.31	1.24	1.82

360 (2)

И. И. ЛАВРОВ

ОБ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ НИВХОВ И АЙНОВ

(Из материалов Амуро-Сахалинской экспедиции)

Исключительное орнаментальное богатство изобразительного искусства народностей, населяющих бассейн Амура и о-в Сахалин, многообразие и совершенство традиционных способов художественной обработки дерева, бересты, кости, рыбьей кожи, меха и тканей неоднократно привлекали внимание исследователей Сибири и Дальнего Востока. Объединяемое общими чертами и в то же время бесконечно разнообразное в деталях искусство нанайцев (гольдов), нивхов (гиляков), ульчей, ороков, айнов и других народностей отличается выработанностью приемов и устойчивостью форм, свидетельствующих о древности изобразительных сюжетов и орнаментальных мотивов, лежащих в основе декоративных композиций. Описания и изображения орнаментики на одежде, утвари, лодках, жилищах, надгробиях имеются в работах Шренка,[1] Лауфера, Штернберга;[2] Лопатина[3] и, наконец, в исследованиях Иванова,[4] посвященных религиозно-бытовой пластике и орнаментике народностей Амура. Благодаря работам названных авторов можно составить достаточно точное представление о стилистическом и сюжетном своеобразии этого замечательного центра народно-декоративного искусства, в то же время являющегося звеном в цепи, протянувшейся вдоль тихоокеанского побережья с юга на северо-восток и, может быть, соединявшей еще энеолитические культуры Азии с древним населением крайнего северо-востока и северо-запада Америки. И если пока еще в этой цепи многое неясно и почти все спорно, то, надо полагать, ведущиеся и принимающие все более широкий размах работы Северо-восточной экспедиции АН СССР помогут распутать сложный узел этнических и исторических взаимоотношений в бассейне Амура и на северо-восточном побережье Тихого океана. Дважды участвуя в работах экспедиции — в 1945 г. на Чукотке и в 1947 г. в низовьях Амура и на Южном Сахалине, я как сотрудник Института художественной промышленности имел задания обследовательского и организационного характера в целях разработки мероприятий по восстановлению заглохших и развитию существующих народно-художественных производств. Одновременно мною

---

[1] Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. СПб., 1903.

[2] Л. Я. Штернберг. Айнская проблема. Сб. МАЭ, т. VIII, 1929.

[3] И. Лопатин. Гольды. Владивосток, 1922.

[4] С. В. Иванов. Орнаментика и обряды, связанные с амурской лодкой. Сов. этнография, 1935, № 4—5; «Медведь в искусстве народностей Амура». Сб. памяти В. Г. Богораза, 1937.

изучались вопросы стиля, генезиса, развития и распространения орнаментальных форм.

Амуро-Сахалинской экспедицией собран значительный материал по изобразительному искусству нанайцев, ульчей, нивхов, ороков и айнов. В настоящем сообщении я рассмотрю только некоторые типичные формы нивхской и айнской орнаментики и религиозно-бытовой скульптуры, которые позволяют по-новому осветить вопросы происхождения «гиляцкой медвежьей посуды», ленточно-шнурового орнамента и айнской медвежьей скульптуры.

В родовых медвежьих амбарах селений Мы и Уарки мы имели возможность просмотреть и частично зарисовать и сфотографировать до 40 цельных экземпляров и фрагментов орнаментальных «медвежьих ковшей» — *нихыр*. Все ковши можно разделить на две группы в соответствии с символикой изображений на ручках ковшей:

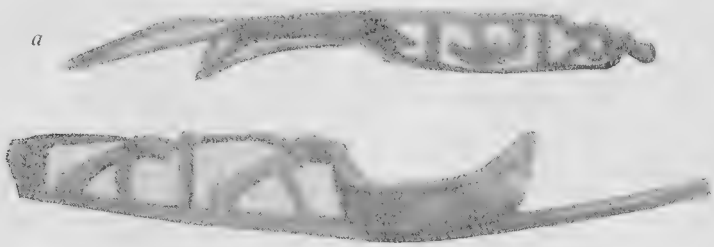


Рис. 1, а, б. «Медвежьи ковши» из сел. Мы (из сборов экспедиции). Нивхи Амурского лимана

1) Ковши с изображением осевшего на задние ноги медведя (редко двух медведей) с петлей на шее. Петля часто соединяется перекладиной со столбом. Морда медведя лежит на краю сосуда. У некоторых изображений этой группы задняя часть завернута в виде спирали (рис. 1 и 2).

2) Ковши с изображением стоящего между двумя столбами медведя (иногда двух медведей). Перекладина, соединяющая столбы, продолженная к концу до соединения с сосудом, образует, вместе с основанием, на котором стоит фигура, длинную сплошную раму прорезной ручки. В центре рамы, в прямоугольнике, образованном столбами, помещается медведь, также обращенный мордой к сосуду (рис. 1, *а*). Противоположный сосуду край ручки у ковшей и первой и второй группы обычно заканчивается витком или кружочком с выступом в виде копьеца или «гуська».

По объяснению наших информаторов, ковши первой группы изготовлялись, «когда медведя убивали на охоте». Задняя часть зверя, завернутая спиралью, означает не самого медведя, а только его шкуру: «на ремне голову со шкурой из лесу домой таскали». Изображения второй группы относятся к медведям, выкормленным в селении и убитым на празднике. Исполнение всех виденных нами ковшей в общем примитивное, но резьба, особенно изображения медведей, очень выразительна. В медвежьей скульптуре заложены богатые возможности развития реалистического (анималистического) искусства. В отдельных образцах медвежьи ковши бывают длиной более метра. На некоторых из них имеется пиктографическая резьба. Обращает на себя внимание птице-

видная в общих чертах форма ковшей. В этой связи интересно сопоставить форму медвежьей посуды с ритуальной посудой, употреблявшейся нивхами для «кормления моря»; в последних (как нам кажется, более архаических) также преобладают сосуды в виде птицы, иногда усложненные символической декорацией (сосуды с двумя птичьими головами и длинными переплетенными шеями и др.).

Ценные коллекции, уже «археологические» по своему происхождению, собраны по искусству айнов. Насильственная японизация айнов настолько сильно сказалась в утере ими самобытной национальной

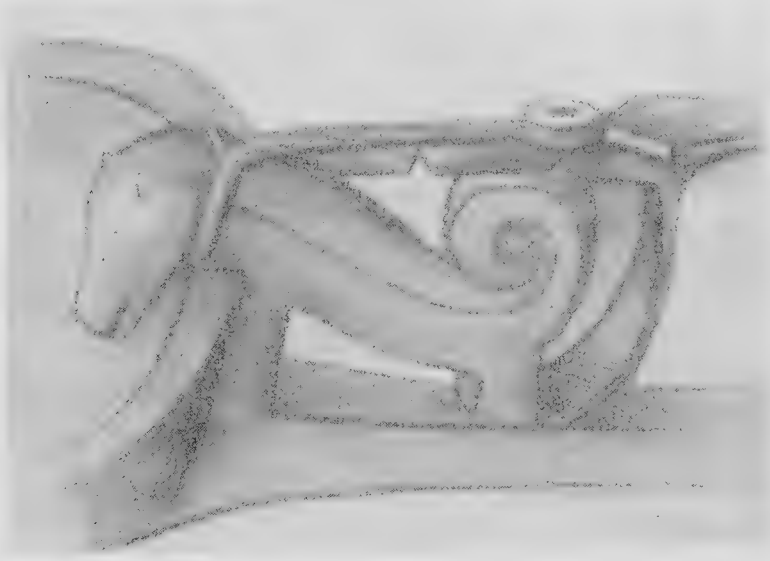
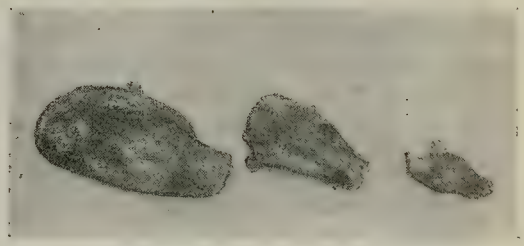


Рис. 2. Фрагмент «медвежьего ковша» с изображением шкуры медведя с головой. Сел. Мы. Нивхи Амурского лимана

культуры, что мы почти ничего не нашли характерно айнского в жилищах, одежде и утвари. И только около айнских селений на старых мольбищах — *инау-ках* — мы обнаружили старинную айнскую утварь и предметы религиозного быта, хранившиеся там с того времени, когда айны еще справляли медвежий праздник. В особенности интересные находки нами были сделаны близ селений Ниитой и Сирохама. Наибольший интерес среди этих находок представляют выкопанные из-под корней дерева скульптурные изображения медведей, медвежьих голов и в особенности змеевидные изображения с головой медведя и какие-то непонятные на вид искривленные и переплетающиеся куски корней, также оканчивающиеся медвежьими головами. Найденные фигурки, видимо, были обвернуты кусочками медвежьего меха и обвязаны веревками из луба. Об этом свидетельствуют плотно приставшие к изображениям клочки волос и рыхлая масса с остатками веревок, в которой лежали извлеченные из земли фигурки. Несколько экземпляров полностью сохранили свои покровы (рис. 3, *а*). Наш информатор Сирокава (65-летний айн из селения Сирохама) сообщил нам, что подобные изображения хранились в каждом айнском доме и после удачной охоты на фигурке

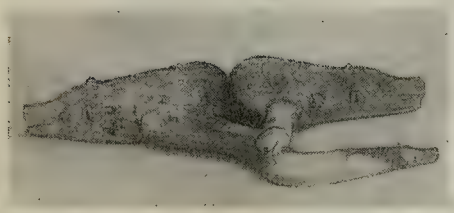
а



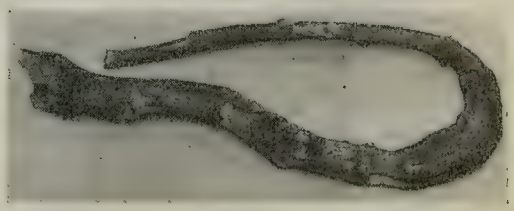
б

в

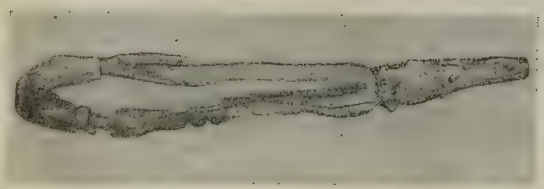
г



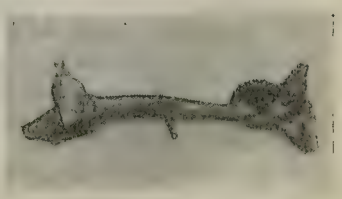
д



е



ж



з

Рис. 3, а — з. Скульптурные изображения со старых мольбищ айнских селений Ниитой и Сирохама

медведя прибавлялся новый шнурок. Все изображения сделаны из корней лиственницы, причем мастерами как бы нарочито использовались всевозможные искривления и сращивания корней, видимо, с какой-то определенной целью. Только в отношении голов исполнители проявили несомненное желание и большое уменье передать полный правдоподобия и вместе с тем монументального обобщения реальный облик медведя.

Собранную нами коллекцию изображений (около 60) можно разделить на четыре группы:

1) Отдельные, реально исполненные медвежьи головы (рис 3, *б*).

2) Наиболее многочисленные изображения, передающие общий вид медведя (рис. 3, *в*), хотя почти все они имеют искаженную форму: у многих из них недостает ног или они невероятно искривлены; у других отсутствует туловище и ноги соединяются непосредственно с головой. К этой же группе можно отнести и одно парное изображение осевших на задние ноги медведей с непонятными придатками, возможно, оставленными для устойчивости (рис. 3, *г*).

3) Небольшая по численности группа скульптурных комбинаций из нескольких голов и ног (рис. 3, *д*).

4) Изображение в виде змеи с медвежьей головой и несколько изображений странной формы из переплетающихся корней; среди последних кусок корня с завязанными узлом раздвоенными концами, обработанными также в виде голов (рис. 3 *е*, *ж*, *з*).

Все эти изображения Сирокава назвал *ино́ка*. Л. Я. Штернберг переводит это айнское выражение словом «змей»; *ино́ка-камуи* — божественный змей. Поскольку среди ино́ка все же преобладают изображения медведей, можно предположить, что на деревянное изображение медведя айны перенесли название змея. Такое предположение согласуется с фантастической формой «медведей», как бы сохранивших еще змеевидные черты и придатки. Видимо, в этих ино́ка сочетался распространенный по всей Сибири северный культ медведя с занесенным айнами с юга культом змей.[5] Культ медведя, как имеющий более реальное значение в условиях Сахалина, как бы преодолевает в этих изображениях полузабытый айнами миф о «божественном змее».

Скульптурные формы ино́ка, освобожденные временем от скрепляющих их веревок и меха, представляют исключительный интерес, позволяя проследить пластическое перевоплощение мифического образа змеи в реальное изображение медведя.

Интересные образцы для сопоставления медвежьей тематики в нивхской и айнской резьбе дают *икуниси*, айнские палочки — «усодержатели». Отмечу прежде всего необычайное их количество. Около 500 штук известно нам по прекрасно изданным альбомам и коллекции музея в Южносахалинске. Отдельные экземпляры, ставшие ныне редкостью, мы видели и частично приобрели в айнских селениях. Отличное мастерство исполнения, богатство формы и поразительное разнообразие орнаментации, исполненной в различной технике миниатюрно-декоративной резьбы, позволяют отнести икуниси к подлинным произведениям искусства.

Обращает на себя внимание символико-пиктографическая резьба на икуниси. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают не только сюжеты, близкие к тем, что известны на нивхской медвежьей посуде, но и еще целый ряд новых композиций.

[5] См. Л. Я. Штернберг. Айнская проблема. Сборник. Хабаровск, 1933, стр. 571.

Характерно, что на икуниси с медвежьей тематикой преобладают не изображения цельных фигур медведей, а только их головы (одна или несколько), обычно помещенные в веревочно-ленточных петлях и переплетениях (рис. 4 и 5). На некоторых палочках переплетения сделаны не в виде резьбы, а из настоящих лубяных веревок; на других головы показаны на прямоугольных площадочках; перед головами помещены чашки. Нам представляется, что эти композиции с медвежьими голо-

Рис. 4. Фрагмент айнской палочки *икуниси* с изображением медвежьей головы

вами фиксируют скорее раннюю форму медвежьего культа (почитание голов), широко распространенную по Сибири, чем локально ограниченный, более сложный по своей идеологии «праздник медведя», связанный с содержанием медведя в клетке-срубе и церемониальным убиением его. Если это предположение правильно, то и медвежьи сюжеты айнских палочек архаичнее по своему содержанию, чем резьба нивхских ковшей.

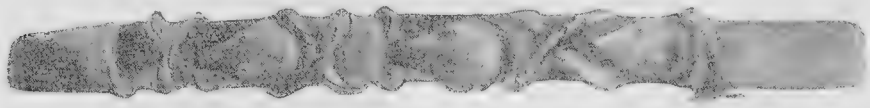


Рис. 5. Айнская палочка *икуниси* со скульптурным изображением медвежьих голов, перевязанная веревками, свитыми из луба

Не менее распространенным сюжетом икуниси (встречающимся также на деревянных ножнах сабель) является скульптурное изображение касатки, заключенное в своеобразную загородку или обойму (рис. 6, *б*). Еще более часты изображения касатки, помещенные в веревочных петлях и ленточных переплетениях (рис. 6, *а*). В варианте последнего типа нередко одновременно с касаткой изображается и медвежья голова. Устойчивость композиции, хорошо выработанный тип клетки-обоймы и множество вариаций с веревочно-ленточными переплетениями позволяют допустить возникновение этого сюжета с касаткой независимо от аналогичных композиций с медведем. Если это так, то вряд ли можно связывать происхождение веревочно-ленточного орнамента только с медведем. К этому можно добавить, что не только касатка, но и морской бобр и тюлень в орнаментальных переплетениях на икуниси свидетельствуют о более широкой основе возникновения веревочно-ленточных мотивов.

Попытаемся выяснить значение самих икуниси. Мало вероятно, чтобы первоначальным назначением этих палочек с пиктографической

резьбой и символическим орнаментом было поддерживать усы во время питья саке. Монтандон [6] считает, что употребляемый этнографами термин «усодержатели» определяет айнские палочки только как предметы «современного туалета» и не выражает их ритуального значения. Однако предлагаемое Монтандоном название «палочки для возлияния» также не вскрывает первоначального смысла этих загадочных предметов.

Интересно сопоставить икуниси с пиктографическими гравюрами на дощечках береговых чукчей и с резьбой на костяных предметах эскимосов. У чукчей и эскимосов они служат в одних случаях для фиксирования результатов удачной охоты (изображались убитые животные, а также воспроизводились сцены самой охоты), в других — с целью заклинания «производящих и дающих пищу сил природы». Не являются ли и икуниси в основе памятными дощечками, на которых отмечалось число убитых на охоте зверей и обстоятельства, при которых происходило это событие? Характерно, что почти на всех икуниси, обычно на концах, имеются простые нарезки (число их различно); встречаются палочки только с нарезками, без изображений и орнамента.

В айнской орнаментике, несмотря на удивительное разнообразие художественных вариаций, устойчиво сохраняются основные мотивы. Различные фазы художественного развития этих мотивов позволяют проследить и вскрыть их материальные и идеологические основы. Исследователи, занимавшиеся искусством айнов, по-разному объясняют содержание и происхождение айнского орнамента. В работах Шурца, Лауфера, Монтандона и в особенности Штернберга содержатся интересные наблюдения и предположения, хотя и не всегда хорошо обоснованные (Шурц, Монтандон). Не имея возможности в данной статье проанализировать все выделяемые упомянутыми авторами, а также обнаруженные нами основы айнской орнаментации, я остановлюсь только на двух, как нам кажется, наиболее распространенных из них. Такими основными мотивами являются свитая из луба или другого материала веревка и извивающиеся и переплетающиеся змеи. [7] Развившиеся из этих основ мотивы настолько близки по своим пластическим качествам, что невольно возникает желание признать только одну из указанных основ действительной и связанный с ней мотив изначальным, а другой — производным от первого. Однако очень существенное различие в самих основах не дает нам права сделать такое обобщение. В основе мотива извивающихся и переплетающихся змей лежит религиозное представление о божественной сущности змей, являющееся фантастическим отражением реальной борьбы человека со змеями в южных широтах. Веревочный орнамент развился на основе реальных действий — привязывания и обвязывания. В декоративных композициях оба мотива легко переходят один в другой и иногда совершенно неразличимы.

Различного рода переплетения, петли, хитро завязанные узлы из веревок и лент (змей) образуют наиболее распространенные формы айнского орнамента (рис. 6, *в, г, д*). Веревочно-ленточный орнамент соединяется с изображениями животных, связывает их с поверхностью декорируемого предмета. Распадаясь, он может дать геометрические формы и различного рода кривые.

---

[6] G. Montandon. La civilisation ainou. Paris, 1937.

[7] Развитие форм айнского орнамента из змей вскрыто в исследовании Л. Я. Штернберга — Айнская проблема. Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. VIII, 1929.

Среди народностей Сибири, несомненно, первенство в искусстве миниатюрно-декоративной резьбы принадлежит айнам. Мастерство художественной обработки небольших поверхностей твердого дерева (значительно реже — кости или рога) доведено айнскими резчиками до вир-

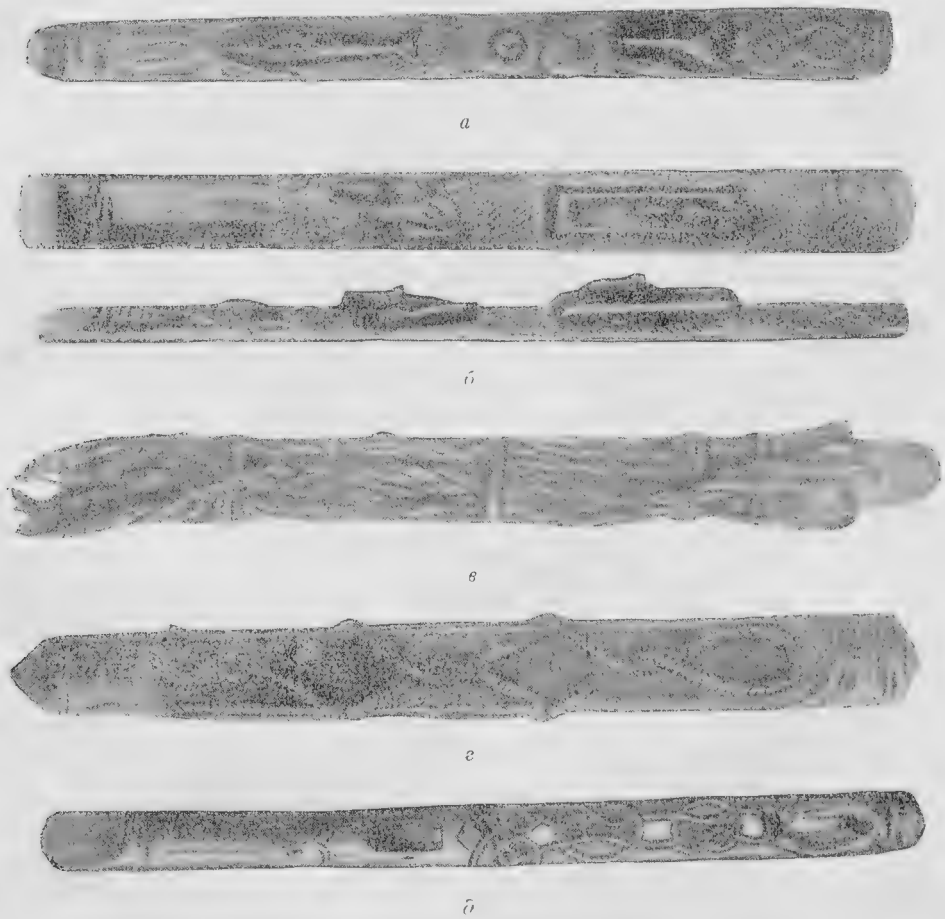


Рис. 6. Айнские палочки *икуниси*:
а — горельефная резьба (касатка и медвежья голова); *б* — горельефная резьба (касатки, преследующие кита, и касатки в загородке); *в* — палочка, обвязанная веревками из луба; *г* и *д* — резьба имитирующая веревочные переплетения. Репродукции из разных источников

туозности. Лучшим примером является декорация на икуниси. Композиционное многообразие орнаментальных мотивов и изобразительных сюжетов на этих палочках, представляющее не только ряд декоративных элементов, распространенных на Сахалине и Амуре, но также и типичных для искусства охотников Арктики, дает нам основание предполагать, что айнская художественная культура, как в фокусе соединившая в себе древние орнаментальные традиции многих народов, является древнейшим центром орнаментального искусства на северо-востоке Азии. Несомненно также воздействие этого центра на соседние народы, а через них и на более отдаленные культуры.

А. В. СТРЕЛИНА

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ УЛЬЧЕЙ

Летом и осенью 1947 г. автором производились этнографические исследования в Ульчском районе Нижне-Амурской области. Объектом изучения явились ульчи — небольшая (около 1400 чел.) тунгусо-маньчжурская группа, живущая в десяти селениях по правому и левому берегам р. Амура.

Ульчи территориально расположены между нивхами и нанайцами. Ульчская народность, как известно, представляет собой весьма сложное образование на основе нивхских (гиляцких), эвенкийских (тунгусских), маньчжурских, айнских и др. компонентов. В их культуре сосуществуют элементы различного происхождения. Как и на других народах Амура, на ульчах заметно сказывается многовековое китайское влияние; очень сильно влияние культуры нивхов и эвенков. Продолжающийся около 50 лет контакт с русской культурой также находит здесь свое отражение. Проникновение русской культуры особенно проявилось за годы советской власти. В настоящее время жизнь ульчей коренным образом отличается от прежней. Всюду чистые, удобные дома с обстановкой городского типа, благоустроенные селения с детскими яслями, школами, больницами. В клубах ставятся пьесы на ульчском или русском языке. В школах, имеющихся во всех ульчских селениях, преподают учителя-ульчи, окончившие Педагогическое училище в Николаевске. Среди молодежи есть студенты Хабаровского педагогического института. Некоторые ульчи окончили Ленинградский институт народов Севера или учились там. Молодежь часто владеет русским языком лучше, чем ульчским. В каждом селении имеется библиотека; молодежь много читает. Коренным образом изменились экономические основы быта ульчей. Моей задачей было изучение материальной культуры ульчей, поскольку она известна только по крайне отрывочным литературным данным. Мной были обследованы селения: Ухта, Кольчом, Аури, Булава, Калиновка, Новая Ферма, Маи. Все эти селения расположены по берегу Амура. Основным занятием населения является рыболовство. В настоящее время все ульчи объединены в колхозы. В каждом колхозе помимо рыболовства занимаются и сельским хозяйством (возделываются огородные культуры) и скотоводством (разводится молочный и рабочий скот). Техника рыболовства стоит сейчас на высоком уровне. Преобладает лов рыбы неводом и сетью. Колхозы располагают современными плавными средствами (мотоботы, катеры, кунгасы).

Из способов рыболовства, вышедших из употребления, можно отметить: 1) лов проходной рыбы небольшими заездками; 2) лов мелкой ча-

стиковой рыбы сачками, лишь изредка применяемый в нижней части района (сачками ловили рыбу и нивхи, что отмечено Шренком в его работе «Об инородцах Амурского края»); 3) лучение рыбы трехзубой острогой (*зёгбо*) [1] ночью, при свете бересты (этот способ существовал и у орочей на р. Тумнин); 4) ловля удочками (практикуется редко).

Зимнее рыболовство у ульчей всегда имело большое значение; способы лова разнообразны. В настоящее время ловят неводами, ставными сетями, удочками, снастями; кое-где ставят для ловли частиковой рыбы подледные заездки (раньше имевшие более широкое применение). Высокое развитие рыболовной техники, особенно способов зимнего рыболовства, говорит о громадном значении этого вида промысла в ульчской культуре и о значительной его древности.

Большую роль в ульчском хозяйстве играла охота на мясного и особенно на пушного зверя, в настоящее время потерявшая былое значение.

Профессионалов-охотников среди ульчей почти не встречается. На охоту уходят после осенней рыбалки, когда пройдет массовый ход кеты; уходят на лодках со снаряжением, продовольствием, а также с собаками. Возвращаются уже зимой по льду реки пешком, без лыж. Занимается охотой небольшая часть населения.

Ульчи охотятся на крупного зверя — медведя, сохатого (лося), дикого оленя, на пушного зверя — выдру, колонка, лисицу, соболя, белку. На крупных зверей охотились раньше с копьем и луком. Кроме того, на них, а также на мелких пушных зверьков ставили самострелы, которые были в большом употреблении. На мелких зверьков ставили ловушки падающего типа (ледяная ловушка, ловушка в дупле дерева и др.); они до сих пор употребляются охотниками. Ловушка типа сибирского чиркана вышла в настоящее время из употребления. Соболя ловили петлями, сетками, самострелами. Все эти способы охоты встречаются среди нивхов, орочей и других народов, обитающих по нижнему течению Амура; оригинального в них мало. Лук вышел из охотничьей практики давно. Это был простой плоский лук, изготовлявшийся из ясеня (ульч.— «пери»). Он имел совершенно прямую форму и мог употребляться во время охоты в качестве лыжной палки. Был у ульчей лук и другой формы — сложный, с костяной обкладкой и обклейкой из сохатинных сухожилий, который считался большой ценностью и передавался по наследству, являясь необходимым предметом, входившим в состав богатого калыма. Обкладка лука делалась из китовой кости. Судя по литературным данным, [2] у нивхов был лук точно такой же формы. Таким образом, этот элемент связывает ульчскую культуру с палеоазиатской; наличие простого плоского лука говорит об айнском влиянии на культуру ульчей. Употреблявшееся в охотничьей практике копье по форме сходно с общераспространенным в Сибири и ничего оригинального не представляет.

Изучению охоты при нашей этнографической работе было уделено много внимания. Записан ряд связанных с охотой религиозных обрядов и представлений, существовавших в недавнем прошлом, еще не отмеченных в литературе об ульчах. О значительном палеоазиатском пласте в ульчской культуре свидетельствует очень важная в ульчском хозяйстве охота на морского зверя, до недавнего времени игравшая большую

[1] Буквой «з» обозначается слитный звук «дж».

[2] Шренк. Об инородцах Амурского края, т. II. СПб., 1898.

роль в жизни ульчей. В скудных литературных данных об ульчах охота на нерпу не отражена совершенно, нам же она представляется очень важной, так как не только характеризует одну из сторон хозяйства, но и позволяет сделать некоторые выводы о прошлом ульчей. Наличие многочисленных религиозных представлений и обрядов, связанных с охотой на нерпу, говорит о несомненной древности этого вида промысла. Поэтому мы считаем уместным осветить здесь более подробно это явление ульчской жизни.

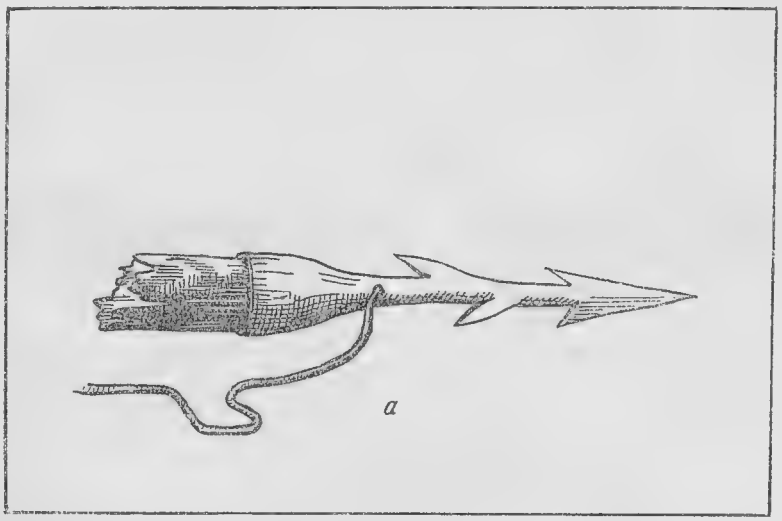
Многие ульчи признают, что охота на нерпу более увлекательна и интересна, чем охота на других животных. Люди средних лет прекрасно помнят о способах охоты на нерпу, помнят и поверья, охотничьи правила, которым подчинялись во время нерпичьей охоты. Охотились на нерпу в Татарском проливе, между Сухачевом и мысом Невельского, добираясь туда через оз. Кизи и его притоки, а также через речушки, впадающие в море.

Ульчи различают несколько видов нерп; для каждого вида имеется несколько названий в зависимости от возраста нерпы. Так, например, *быи* означает самый крупный, мелкопестрой окраски вид нерп (subgenus *Phoca, Phoca vitulina*); только что родившаяся нерпа этого вида имеет в апреле белый цвет и называется *пикты*. Нерпа этого вида, родившаяся более года назад, имеет иную окраску и называется *бакада*. Другие виды нерп, различаемые ульчами: *кунгури* (*Phoca hispida-foetida), альха* (подрод темнолицых, subgenus *Histrophoca; Histrophoca groenlandica*). Как и в первом случае, для этих видов также имеются местные, ульчские названия в зависимости от возраста и меняющейся окраски нерпы. Из всех видов нерп наиболее часто встречаются *быи;* эти нерпы заходят иногда и в Амур. Ульчское название сивуча (genus *Eumetopias, Eumetopias jubatus) — даунгари,* самки сивуча — *озн,* детенышей сивуча до года — *амсу,* двухгодовалых — *тингай.*

Вплоть до самого последнего времени охотники употребляли при охоте на нерп гарпун с железным наконечником местного изготовления (*зёгбо*), со втулкой для насаживания его на древко. Наконечник связывался с древком длинным (до 15 м) тонким ремнем. Кидали гарпун на расстояние до 15 м. Ремень, связывавший наконечник с древком, закреплялся на нем; другой, длинный конец ремня прикреплялся петлей к левой руке охотника. Это давало возможность, попав гарпуном в нерпу, тотчас же подтягивать ее к лодке. Во время нерпичьей охоты ульчи употребляли и другое очень оригинальное оружие *дарги* — гарпун с тем же наконечником зёгбо, но с очень длинным древком (до 30 м). Для удобства перевозки и обращения с ним древко делалось составным — из 6—8 кусков лиственничного дерева, толщина которого не превышала 5 см. Все части древка имели равную длину и связывались тонкими ремешками. Передней частью древко насаживалось на короткий руль — *лаху*, достигавший в длину 60—80 см, а в ширину не превышавший 10 см. На переднюю часть его насаживался наконечник. При охоте на нерп при помощи дарги наличие руля позволяло направить гарпун в любом направлении независимо от движения лодки; дарги могла описывать в воде сложные кривые. Поэтому обычно лодка быстро неслась на всех веслах в одном направлении, гарпун же под водой направляли в ту сторону, где находилась на льдинах ничего не подозревавшая нерпа. Управление этим оружием было сложно. Охотнику приходилось учитывать расстояние до нерпы, скорость движения лодки, скорость течения и т. д. До сих пор о людях, владевших этим

оружием, ульчи говорят с большим уважением. В самое последнее время нерпу били также и из ружья.

Охота на нерпу была очень популярна среди ульчей. Ежегодно в апреле из всех ульчских селений отправлялись небольшие артели на лов нерп. Уже лет 30—40 назад артели составлялись не только из родственников и все участники ее пользовались равными правами. Обычно артель состояла из 7—8 человек, которые договаривались о совместной



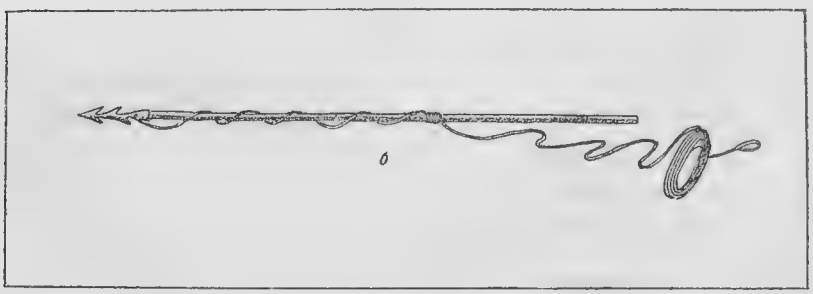


Рис. 1. Старинные орудия охоты на морского зверя:
а — наконечник гарпуна *зёгбо*; *б* — гарпун с древком *наи*

охоте и выбирали старшего (*сагдумды*) — наиболее опытного, искусного охотника. Артель брала с собой только одну обыкновенную речную лодку, которую переделывали в морскую: к ней прикрепляли дополнительные борта и добавляли доски на носовую часть. Высота бортов, таким образом, увеличивалась почти в два раза. Длина такой лодки не превышала 8 м, но были очень большие лодки, достигавшие в длину 10 м, на которых было по 6 пар весел.

Артели отправлялись из деревень в середине апреля, еще по зимнему пути. Запряженные в нарты собаки везли лодку, продовольствие

и снаряжение. Из деревни шел с охотниками один человек, который, после того как все было доставлено на место, забирал собак и уходил с ними обратно в деревню.

На берегу моря охотники строили шалаш, всегда одной, определенной формы; назывался он *наму аунзяны* — морской шалаш. Делался он так: три толстые опорные жерди (мочи) связывались верхушками и к ним приставлялось много тонких жердей — *сесанги*. Создавался, таким образом, конический остов диаметром не больше четырех, а высотой — трех метров. Такой шалаш обтягивался покрышками из рыбьей кожи, которых нужно было 4—6 штук (на каждую покрышку идет 20—25 шкурок). Посреди шалаша устраивался очаг; распределение мест в шалаше было строго установлено. У руководителя группы —

Рис. 2. Морская лодка

сагдумды было два помощника (*хонкомды*), два лучших охотника, места которых в лодке были всегда впереди; в шалаше они занимали места рядом с сагдумды, по обеим сторонам от него. Сагдумды занимал всегда самое почетное место — за очагом, как раз против входа. Спали в шалаше ногами к огню. Места по обеим сторонам от входа доставались младшим членам артели, обычно подросткам, которые в течение всего периода охоты выполняли всякого рода подсобные работы.

Обязанности сагдумды заключались главным образом в руководстве всей охотой; это был опытный человек, знающий направление ветров, умеющий предвидеть погоду. Каждое утро он давал распоряжения относительно маршрута, и ему подчинялись беспрекословно; в некоторых случаях он мог советоваться с другими, наиболее опытными членами артели. Сагдумды всегда сидел за рулем. Два помощника сагдумды сидели впереди у весел, но, как только показывались животные, они вооружались и били их. Четыре других члена артели сидели все время на веслах. В обязанности сагдумды входило следить за исправностью вооружения, снаряжения и лодки. Он же следил за выполнением всех правил и обрядов, связанных с охотой на нерпу. Сагдумды в течение всего периода охоты всегда сам разводил огонь в очаге шалаша. Он же руководил религиозными обрядами, выполнявшимися во время нерпичьей охоты.

Придя на берег моря и устроив шалаш, приступали к подготовке лодки. На носу лодки, на выступающей части дна, там, где стояло деревянное скульптурное изображение птицы (*гаса* — утка), ставили маленькую, не более 10 см, фигурку с остроконечной головой и с одной ногой — *бочу* (*буочу*). На корме, на левом крае горизонтальной кормовой доски, рядом с местом рулевого, ставили обычно маленькую деревянную фигурку — *мааси*. Эти фигурки, обычно употреблявшиеся во время больших молений небу и воде, считались помощниками охотни-

ков. После установки мааси и буочу лодку украшали еловыми ветками и стружками, которые также ставили на корме и на носу. Эти последние украшения (*угда баргаули, баргавлуву*) были временными; после моления воде (*войси няали*) их снимали. Для войси няали специально привозили из дому кушанья: *моси* (холодец из рыбьей кожи), *соли́* (каша из вареной фасоли, картофеля, свеклы, диких трав и кореньев), кашу из разных круп и т. д.

При охоте на нерпу было несколько молений. В деревне накануне отъезда на охоту, поздно вечером, каждый охотник молился отдельно, бросая богу воды (*тыму*) жертвы и прося его об удаче. Основное моление совершала артель перед началом промысла на берегу моря, когда уже все было подготовлено для охоты.

Вечером все члены артели, возглавляемые сагдумды, выходили из шалаша и торжественно направлялись к воде, неся привезенные из дому кушанья и заструженные тальниковые прутики. Последние ставились около самой воды в виде маленьких ворот. Затем все охотники становились вокруг этих «ворот» на колени, кидали через них кушанья в воду и одновременно совершали моления духу воды об удачной охоте. По окончании моления подходили к лодке, уже готовой для охоты, и «кормили» деревянные фигурки *мааси* и *буочу*, украшающие лодку, стружки и все оружие. Духу воды совершали моления и при окончании нерпичьей охоты, перед отправлением домой. Но описанное выше моление имело наибольшее значение. После моления совершали жертвоприношение также духу, «хозяину» территории, на которой был разбит лагерь охотников; для этого все оставшиеся кушанья сжигались на костре.

На другой день рано утром выходили на охоту. К нерпам, лежащим на льдинах, подкрадывались на лодках, спрятавшись за борта. Гребли в это время маленькими веслами (*мылбы*), имевшими форму кормовых весел (длина их не более 130 см). Каждый участник охоты имел по одному такому веслу, помимо пары обычных; у кормового было только два обычных кормовых весла — *сеули*. Охотники не только били нерп гарпунами с лодки, но, достигнув большого пловучего льда, выходили из лодки и подходили к зверю вплотную. Выйдя на лед, охотник имел при себе, помимо гарпуна или ружья, палку *быгдыдэу тынэпу* (посох пешехода), длиной около 150 см. На одном конце палки имелся крючок для вытаскивания соскользнувшей в воду раненой нерпы, на другом — утолщение-колотушка (иногда в виде головы нерпы). Употреблялась и более короткая колотушка — *магли* (до 60 см длиной), без крючка на другом конце, висевшая на поясе охотника.

Смелость, ловкость, находчивость проявлялись охотниками во время нерпичьей охоты в полной мере. При этом строго соблюдалось словесное табу и ряд других правил. Многие предметы во время охоты не должны были называться своими именами. Так, нерпу называли не *геокса* (общее название для нерп), а *бую* (зверь). Иносказательно говорили и о некоторых других животных и рыбах.[3]

Интересно, что до самого последнего времени все эти запреты выполнялись вполне грамотными людьми; на вопрос, почему нельзя назы-

---

[3] *Токса* (зайца) называли *чагданчуру* (беляк), *муду* (выдру) — *дарами* (широкая), *еха* (корову) — *хуечу бую* (рогатый зверь), *кыска* (кошку) — *зюороны* (домашний), *хэнгу* (карася) — *карпулакту* (плоский), *тангаси* (муксуна) — *чагза сугдата* (белая рыба), *кору* (щуку) — *топтонгори* (пестрая) и т. д.

вать данные вещи своими именами, ответа не давалось. Прежде соблюдались запреты и в отношении оружия: нельзя было, отправляясь на охоту, дотронуться пальцем до внутренней части трубки зёгбо, в которую вставлялось древко; если же дотронулся, то нерпу будто бы убить уже нельзя,— она уйдет или в решительный момент древко вылетит. Чтобы исправить беду, сагдумды чистил зёгбо, держа его в дыму багульника и читая заклинания. Если через заряженное ружье перешагнет вдовец (*нау*) или человек (*ачу*), у которого часто умирают дети (такие люди своим присутствием якобы мешают и вредят охоте), то ружье бить не будет.

Ульчами не забыты в высшей степени своеобразные приметы и поверья, связанные с нерпой. Оригинальность их заставила меня все сообщаемые факты проверить многократно у разных лиц, чтобы судить о том, насколько широко они распространены среди населения. Из разговоров с многими ульчами разных селений можно понять, что эти поверья общи для всех ульчей и они до сих пор помнят о них, хотя дать им объяснение никто не пытается. Подобного рода представления свойственны также и орочам Советской Гавани.

Охотники, многократно ходившие за нерпой, сообщили мне следующие поверья. Если у охотника умрет кто-нибудь из близких, он тотчас же узнает об этом на охоте, так как, когда лодка с охотниками приблизится к нерпе, последняя начнет вытирать ластами «слезы». Поймать нерпу, которая, что-нибудь «показывает», невозможно — она тотчас же уходит. Если у охотника утонул кто-нибудь из домашних, нерпа подходит к краю льдины и долго смотрит в воду; когда же охотник приближается к ней, она уходит. Если кто-либо из домашних охотника шаманит, нерпа, к которой подплывает лодка, начинает вертеться на льдине, как шаман во время камлания, после чего она уходит. Подобных поверий было очень много, как и различных запретов во время охоты на нерпу.

Охота на нерпу продолжалась до середины или до конца мая. В случае удачной охоты часть туш оставляли на месте, а брали только шкуры, головы и жир. Все это погружали в лодку, а целые туши животных связывали веревкой, и они плыли, привязанные к лодке. По мелкой воде лодку и нерп тянули бичевой, идя по берегу. На сухопутном перевале добычу тащили в котомках за плечами или волочили по снегу. Если охота была очень обильная, то перетаскивали добычу в несколько приемов, или же кто-нибудь отправлялся в деревню за подсобной лодкой.

Добычу делил старший — сагдумды. Владельцу лодки давали 1—2 нерпы за пользование лодкой. Человеку, который, проводив артель, отводил собак в деревню, тоже давали нерпу. Между участниками охоты добычу делили поровну; старший не брал себе ничего лишнего. Печень нерпы нельзя было варить, и ее обязательно ели в сыром виде.

Через 2—3 дня по возвращении охотников, когда были разделаны все туши животных, съедены головы, произведена первичная обработка шкур, все охотники совершали жертвоприношение воде. В это время года в Амуре прибывает «черная вода», образующаяся от таяния снега и мерзлой земли. Ульчи считают, что вода пришла за их дарами. В один из дней все члены артели, каждый на своей лодке, отправлялись под вечер для молитвы. Охотника сопровождал кто-нибудь из родных — обязательно мужчина. Для жертвоприношения готовили различные угощения. Черепа нерпы, очищенные от мяса, наполняли кру-

пой, ягодами, черемшой, завертывали их в стружки и бросали в воду; глаза нерпы также вкладывали в череп. В воду бросали также усы, когти нерпы и, кроме того, различные кушанья, приготовленные для бога воды — тыму: кашу, ягоды и т. д. Бросая все это в воду, охотники говорили: «Тыму, сделай, чтобы наши здоровыми были, на другой год чтобы лучше была охота. Кости, череп — все обратно возвращаем. Хорошо езжайте (отправляйтесь)». По возвращении с моления в доме у охотников устраивали угощение, собирались родственники. Этим заканчивалась охота на нерпу.

Разработанный ритуал охоты, религиозные запреты, связанные с нерпой,— все это говорит о значительной древности этого явления в ульчской культуре и связывает ее с нивхской, палеоазиатской. В настоящее время ульчи не охотятся на нерпу. Этот промысел вышел из практики лет 15—20 назад, так как современное колхозное хозяйство ульчей имеет специализированное рыболовное направление.

Нерпа добывалась как из-за шкур, так и из-за жира, который шел на освещение. Примитивные жировые светильники, о которых еще кое-где помнят у ульчей, также говорят о связи ульчской культуры с палеоазиатской. Немаловажную роль играл нерпичный жир и в питании ульчей. Говоря о питании, необходимо отметить большое значение в прошлом дикорастущих, особенно до появления у ульчей земледелия; это еще сохраняется в памяти ныне живущего поколения. Ульчи до недавнего времени употребляли в пищу помимо ягод, грибов и орехов не менее 15 видов разных трав и кореньев. Кроме того, в нижней части района, на скалах, собирали лишайники. Некоторые из этих трав употреблялись при изготовлении ритуальных блюд во время медвежьего праздника и для угощения духа воды во время молений. В настоящее время из трав и кореньев в пищу употребляются только 2—3 вида. В связи с развитием земледелия и животноводства питание ульчей теперь коренным образом изменилось. Место юколы, бывшей в прошлом основным видом питания, заняли молочные продукты, хлеб, картофель и другие овощи, а также рыба, свежая и соленая. Необходимо отметить использование в прошлом собачьего мяса, причем в пищу употреблялось только мясо упряжных, но не охотничьих собак. Это, как и вообще наличие собаководства у ульчей, является еще одной чертой, говорящей о близости ульчской культуры с нивхской, палеоазиатской. Содержание собак, их использование в хозяйстве, форма упряжки, нарт — все говорит о большом сходстве собаководства ульчей и нивхов. У ульчей помимо нарт, общих для всей Сибири,[4] имеются нарты того же типа, что и у нивхов.[5] Нивхская попеременная упряжка собак вышла из практики очень давно, но сохранялась до недавнего времени при собачьих гонках на медвежьем празднике. В настоящее время, в связи с ростом товарного значения рыбы, у ульчей нет упряжного собаководства; для зимнего передвижения используются лошади, запряженные в сани. Только в одном ульчском селении (с. Дуди) можно еще наблюдать езду на собаках. Она возродилась там несколько лет назад, когда был выстроен рыбоконсервный завод и появилась возможность держать собак, используя отходы этого завода. Для езды там употребляются нарты восточносибирского типа и парная упряжка.[6]

[4] М. Г. Левин. О происхождении и типах упряжного собаководства. «Сов. этнография», 1946, № 4.

[5] Шренк. Об инородцах... т. II.

[6] М. Г. Левин. Указ. работа.

Охотничья нарта ульчей похожа на нарту нивхского типа. Охотничьи собаки иногда помогают охотникам тянуть нарту.

Летним видом транспорта является лодка «трехдощатка» нивхского типа (впервые она описана Шренком около ста лет назад), которая господствует и в настоящее время, но не является единственным видом водного транспорта. У ульчей имеются лодки и другого типа — *оморочки* из досок или бересты, нужные главным образом для охоты за крупным зверем. Берестяные оморочки не изготовляются уже давно; во всем Ульчском районе сохранилась только одна. Долбленые лодки (*утонго*) также не сохранились, хотя 40—50 лет назад были довольно распространены. Это, несомненно, связано с уменьшением значения охоты в ульчском хозяйстве.

Лыжи у ульчей двух видов — камусные и голицы. Ни тот, ни другой вид не имеет ничего оригинального по сравнению с лыжами у соседних народов — нивхов, нанайцев, орочей и др.

Хотя проникновение русского костюма в ульчскую среду довольно значительно, однако старинные формы национальной одежды еще хорошо сохраняются. В большей части ульчских деревень национальный костюм носят не менее 80% женщин; в меньшей степени бытует мужская одежда. Дорожит своим национальным костюмом ульчская молодежь. Девушки, жившие и учившиеся в городах, возвращаясь в свои деревни, снова надевают халаты. В сел. Булава несколько молодых людей, недавно вернувшихся из армии, носят сейчас национальную одежду. В основных чертах национальная ульчская одежда складывается из следующих элементов. Основной нательной одеждой являются глухие, закрытые натазники, в общем одинакового покроя у мужчин и женщин. Отличительной чертой женских натазников является наличие пришиваемых к ним маленьких нагрудников. Мужчины и женщины носят ноговицы, служащие необходимым дополнением к коротким натазникам. Ноговицы шьются из материи, зимой делаются либо стеганными на вате, либо из собачьего меха или из рыбьей кожи. Нагрудники эвенкийского типа, не связанные органически с левополым халатом, носили раньше все женщины; их надевали на голое тело и поверх натазников. В настоящее время такие нагрудники еще носят несколько старух-ульчанок. В то же время нагрудники до сих пор иногда входят в состав приданого невесты. Характерным элементом мужской и женской одежды является халат маньчжурско-китайского покроя, с удвоенной левой полой, с застежкой на правом боку. Халат является и домашней и выходной одеждой, делается на подкладке (*капчума*) и без нее (*покто*); зимой халат подбивается ватой. Пожилые мужчины носят халат до колен, молодые люди носят куртки халатообразного покроя. Женские халаты немного ниже колен. Повсюду на территории Ульчского района имеются женские халаты из рыбьей кожи, однако их надевают только иногда во время праздников. Так, во время выборов в местные Советы зимой 1947 г. халаты из рыбьей кожи можно было видеть на некоторых старухах из сел. Булавы. Продолжают бытовать в качестве зимней одежды меховые шубы, большею частью из собачьего меха, с разрезом по средней линии. Их надевают, направляясь в дальние поездки по Амуру и на зимнюю рыбалку. В настоящее время, в связи с исчезновением собаководства, из собачьего меха шубы почти не шьют.

Головным убором у женщин служат платки, а у мужчин — шапки русского типа. Старые мужские меховые шапки в виде капора, очень

похожие на нивхские, уже не бытуют, но они еще сохраняются некоторыми старухами и употребляются иногда в погребальном обряде. Кое-где старые женщины носят до сих пор национального типа шапки из материи, подбитые мехом, с ушами *(дондомо апу)*. Женские нарядные рысьи шапки с торчащими на макушке ушами рыси очень хранятся населением; их уже никто не носит, но 15—20 лет назад они являлись необходимым головным убором невест. Берестяные плоско-конические шляпы, раньше бывшие в широком употреблении у мужчин и женщин, сейчас носят лишь несколько старух.

Рис. 3. Свадебная мужская и женская одежда ульчи

Рыбья кожа как материал для обуви, рукавиц и ноговиц (но не для нательной одежды) очень широко употребляется и в настоящее время. Зимой из нее шьют легкую, теплую и непромокаемую обувь (в виде высокого сапожка до колен — *пондо*), которую носят все без исключения; ей ульчи отдают предпочтение перед валяной обувью, когда нужно потеплее одеться в дальнюю дорогу, а также на зимней рыбалке. Старинные формы обуви вообще хорошо сохранились и до настоящего времени. Обувь очень разнообразна по форме, материалу и украшениям. Зафиксировано 16 названий для мужской и женской обуви. Материалом для обуви служат рыбьи и нерпичьи кожи, оленья и лосиная замша и шкуры; украшается обувь узорами, сделанными путем особой техники, вышивкой по коже шелком и оленьим волосом. Принцип покроя большей части форм ульчской обуви очень однообразен: голенища не кроятся вместе с головками, но всегда отдельно; подошва загибается кверху и составляет с головкой одно целое. Так шьются 13 видов обуви [7] — по такому же принципу, как нивхская, нанайская и

[7] *Сактама ута, ваксачу ута, дюпумы ута, маньзюрака ута, ользима ута, олёмзима ута, пондо (гиледы и бопма пондо), пымкы, пырынгулы ута, сусу, харпума ута, пытылмы.*

Рис. 4. Образцы ульчской женской и мужской обуви:

а — женская свадебная обувь *олёмзима ута*; *б* — женская обувь *маньзюрака ута*; *в* — женская свадебная обувь *сактама ута*; *г* — женская праздничная обувь *ваксачу ута*; *д* — мужская обувь *ользима ута*; *е* — мужская обувь *пытылмы ута*; *ж* — мужская праздничная обувь *харпума ута*

орочская обувь (а также обувь сельского населения Маньчжурии, о чем свидетельствуют коллекции ленинградского Музея антропологии и этнографии АН СССР). Кроме описанных видов обуви, распространены сапожки (*лугдури*) из выделанной лосиной и оленьей кожи, кроящиеся по тунгусскому образцу, а также торбаза (*тыргымы*), надеваемые поверх чулок из меха (*уасу*) и материи (*утапту*).

Национальный охотничий костюм исчез совсем недавно, лет 15—20 назад. Он состоял из маленькой шапочки, халата из рыбьей кожи, наговиц, фартука и обуви из того же материала. Охотники носили также наговицы из собачьего меха. Охотничья обувь из рыбьей кожи имела

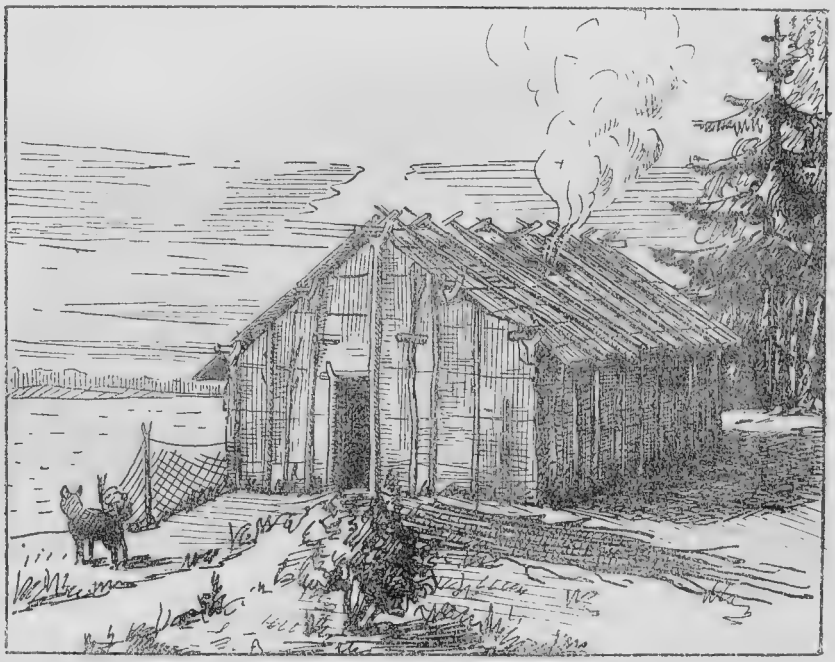


Рис. 5. Старинный ульчский летник

очень короткое голенище. Охотники носили также куртки из двух шкур, снятых с голов лося. В настоящее время сохранилось лишь незначительное число элементов национального охотничьего костюма: обувь и наговицы, маленькая шапочка, напоминающая тюбетейку и оставляющая открытой большую часть головы, наушники, подбитые мехом, и шлем из материи, закрывающий шею и надеваемый под шапочку. Этот головной убор носят теперь очень редко. Оригинальным элементом одежды являлась вышедшая ныне из употребления небольшая мужская юбочка из нерпичьей кожи, носившаяся поверх меховой шубы; у нивхов и теперь она еще встречается, но не бытует.

Погребальная одежда, в которой, как известно, больше всего проявляется консерватизм, позволяет судить о более старых формах одежды. Она не имеет удвоенной левой полы, но сохраняет разрез по средней линии. Необходимым элементом погребальной мужской и женской одежды является нагрудник небольших размеров (*урупту*). Формой,

размерами и украшениями он отличается от уже описанного обычного нагрудника (*лылуы*), но сходен по форме с женскими нагрудниками, которые распространены в Маньчжурии и Северном Китае, как это удалось установить по коллекциям Музея антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде.

Старинные формы ульчского жилища не сохранились. Повсюду на территории Ульчского района господствует дом, заимствованный от русского населения,— срубный, однокамерный, иногда с легкими дощатыми перегородками, в большинстве случаев с кирпичной печью. В этом доме интересна только одна, незначительная на первый взгляд деталь

Рис. 6. Современный ульчский дом

Абсолютно во всех домах (даже построенных в 1947 г.) в стене под крышей делается маленькое сквозное отверстие, диаметром не более 15 см, называемое *чонко*. Такое же отверстие делалось в старом ульчском доме и играло определенную, очень важную роль во время моления небу (*ызыхы уйли*). По традиции это отверстие стали делать и в новых домах русского типа, но назначение его осмысливается по-иному, так как даже ульчи средних лет не помнят старого обряда моления. На вопрос о назначении *чонко* обычно отвечают, что это сделано для вентиляции. Интересно отметить, что дымовое отверстие в старом ульчском летнике также называется *чонко*.

О старом ульчском зимнике китайско-маньчжурского образца с отапливаемыми нарами еще хорошо помнят. Пазовую технику, применявшуюся при постройке этого дома, в настоящее время можно видеть в хозяйственных строениях. Исчезли ульчские летники. Летник одного вида — *даура* — представлял собою корьевой домик с двускатной корьевой крышей; он играл большую роль при изготовлении юколы высшего качества. В настоящее время кое-где еще можно увидеть очень маленькие корьевые даура, но назначение их другое: их сооружают те-

перь для приготовления в них пищи летом. Не сохранились и летники на столбах (*генга*). Остов последнего такого летника с резными деталями каркаса имеется в заброшенном ульчском селении Кадаки. Довольно широко сохраняются амбары на столбах. При переезде семьи амбары на столбах разбираются и перевозятся на новое место.

Среди построек нужно отметить такие старые элементы таежной охотничьей культуры, как конический и сфероидальный шалаши, которые делают охотники и рыболовы на море, реке и в лесу. Зимой охотники делали хорошо утепленные, с очагом внутри, двускатные шалаши.

Обстановка современного ульчского дома в большинстве случаев городского типа; ее составляют столы, железные кровати, встречаются этажерки с книгами, письменные столы и др. В то же время в редком доме не найдется берестяной ульчской утвари или небольших китайских шкафчиков. Иногда можно видеть, как старики едят палочками, сидя за маленькими китайскими столиками; в некоторых домах старики делают низкие деревянные нары, на которых они не только спят, но и проводят все свое время. Наряду с детскими кроватками, качалками русского типа, широко распространены нивхские люльки в виде выдолбленного корытца с низкими бортиками.

Однако старый ульчский быт все больше уходит в прошлое; немногие старики хранят память о нем. Очень важно зафиксировать этот материал, который через 5—10 лет может совершенно исчезнуть.

Г. М. ВАСИЛЕВИЧ

ЭВЕНКИЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

(Предварительный отчет)

Эвенкийская (тунгусская) экспедиция была организована Институтом этнографии Академии Наук СССР и Научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории Якутской АССР. Задачей экспедиции было этнографическое и лингвистическое изучение эвенков, расселенных по отрогам Джугдыра (Яблонова и Станового хребтов) к югу от р. Алдан. Поскольку изучение этой группы эвенков производится впервые, вся работа носила рекогносцировочный характер.

По плану, составленному в Ленинграде, было намечено посещение пяти районов: Тимптонского и Учурского Якутской АССР, Джелтулакского и Зейско-Учурского (б. Бомнакского) Читинской (ныне Амурской) области и Чумиканского Нижне-Амурской области. Окончательно маршрут был выработан на месте. В основу составления его были положены следующие задачи: 1) собирание максимального количества материалов об эвенках, ведущих свое происхождение от амурской и алданской групп; 2) изучение этнографических особенностей социалистической культуры и быта колхозов, находящихся на разных расстояниях от районного центра и рабочих поселков; 3) исследование вопроса якутизации эвенков.

Первым двум задачам отвечал Тимптонский район, протянувшийся узкой полосой около тысячи километров вдоль южной границы Якутии и имеющий колхозы на расстоянии от 2 до 800 км от районного центра. Решено было провести работу во всех колхозах этого района, а в соседних районах, в связи с трудностью и длительностью передвижения, для работы было намечено по одному колхозу, находящемуся на разных расстояниях от районного центра. Таким образом, маршрут должен был пройти по всем колхозам Тимптонского района с двумя выездами на юг — в Читинскую область, а затем на восток — в Учурский район с посещением Маймаканского колхоза восточнее р. Учур, в Аянском районе. Для изучения вопроса якутизации был намечен маршрут по Алдану от Томмота до устья Учура.

Работа на месте началась с половины апреля 1947 г., продолжалась до января 1948 г. и проводилась во всех колхозах Тимптонского района («Новая жизнь — в 2 км от районного центра Чульман, «Токарикан» — в 80 км, «им. Молотова» — в 430 км, «Примерный ударник» — в 800 км); в двух колхозах Читинской области («1 Мая» — в 12 км от районного центра Тында; «Ударник» — в 60 км от районного центра Бомнак); в одном колхозе Учурского района («им. Чкало-

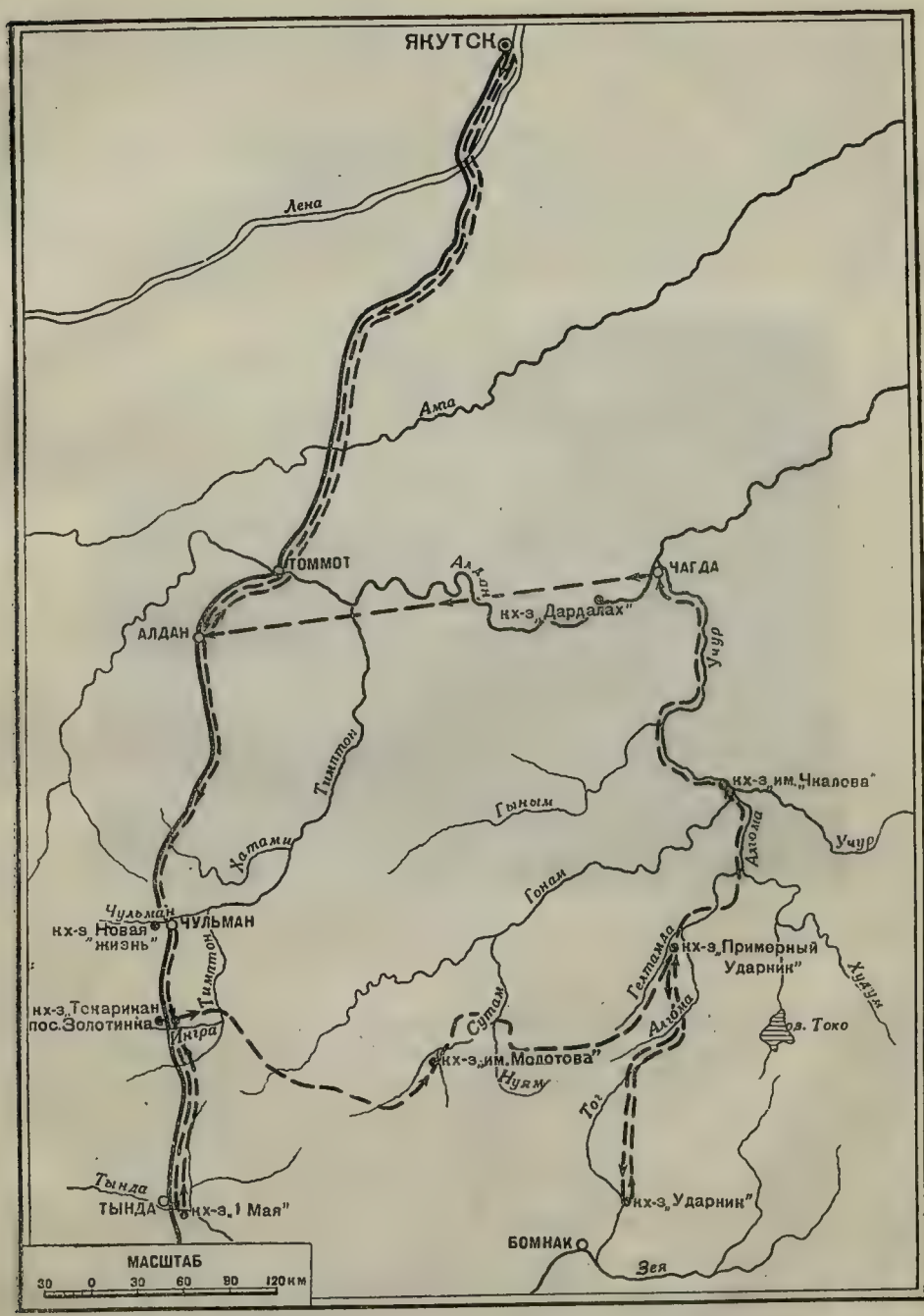


Рис. 1. Схема маршрута Эвенкийской (тунгусской) экспедиции 1947/48 г.

ва» — в 300 км от районного центра Чагда). По другим колхозам материалы собраны расспросным путем или через районный центр. По разным причинам не удалось посетить только Аянский и Чумиканский районы.

Первые два месяца передвижения производились на автомашинах и лошадях, остальное время на оленях (летом и осенью верхом и вьюком — около 1500 км; зимою на нартах — около 800 км).

Собраны материалы по современному быту колхозов и их истории, а также по культурному строительству. Материалы по родовому составу дают картину прежнего расселения родов и современного — их по

Рис. 2. Утэн — жилище из плах

томков. Этнографические сведения включают материальную культуру, обряды и обычаи, существовавшие в недавнем прошлом, связанные с охотой и оленеводством, а также с жизнью человека от рождения до смерти, и нормы семейных отношений. Собраны также материалы по шаманским верованиям, ныне почти исчезнувшим, и по народному искусству. Наряду с вариантами уже известных элементов эвенкийской культуры здесь записаны и новые, не известные до сих пор: например, наличие в недавнем прошлом чума из плах — *утэн,* о котором имелись упоминания только в сказаниях амурских и чумиканско-сахалинских эвенков; ровдужная (из лосиной кожи) лодка для переездов через реки; особые типы верхового седла, напоминающего конский, и верховой ездовой нарты, сходной с негидальской; до недавнего прошлого существовавший способ охоты на рыбу из ружья и лука. У этих эвенков записанные данные об обряде «добывания охотничьего счастья» — *сингкэлэвун,* отличному от такового у западных эвенков и совершавшемуся без участия шамана. Интересны различные варианты обряда «посвящения оленя», значительно отличающиеся от обрядов других эвен-

ков; неизвестного в литературе шаманского обряда «кражи оленей на верхней земле». В обряде становления шамана до сих пор не встречался момент превращения шамана в лося и некоторые другие варианты обрядов. Лингвистические материалы (запись текстов, разговорной речи и словаря — более 1000 слов) позволяют дать полную характеристику говоров этих эвенков. Записанные фольклорные тексты включают сюжеты из мифологии, героического и животного эпоса, из преданий. Записаны загадки, песни-импровизации, современные песни, многочисленные запреты и приметы. Собрана коллекция по орнаменту (мужскому — работа по дереву и кости, женскому — вышивки и аппликации), а также рисунки речных систем, сделанные эвенками, с записью топонимики.

Предварительно можно сказать следующее.

1) Эти материалы в целом подтвердили ранее намеченное только по данным языка наличие восточной скрещенной группы эвенков. Эвенки, расселенные к востоку от линии Лена — Олекма — верховье Амура, выработали не только свой диалект, но и культурный комплекс, отличный от комплекса эвенков, расселенных к западу от указанной линии.

2) На фоне этого культурно-лингвистического комплекса изучаемая группа составляет единое целое, отличающее ее от олекминской группы на западе и аяно-чумиканской на востоке.

3) Якутизация эвенков развивается интенсивно только в тех местах, где они живут чересполосно с якутами, а именно по Алдану. К югу от последнего она угасает, а в предгорьях Джугдыра мы встречаем обратное: от одиночек-якутов, женившихся на эвенкийках, пошло эвенкийское потомство, не знающее якутского языка, да и одиночки-якуты, жившие в этом районе раньше и вошедшие в состав эвенкийских колхозов, больше говорят по-эвенкийски, чем по-якутски.

Топонимика и другие памятники говорят о том, что эта территория, собственно большие реки, была заселена до прихода тунгусоязычных племен. Так, названия больших рек длиной в 300 км и более не расшифровываются из тунгусских языков. Все они оканчиваются на *м* (Гонам, Гыным, Сутам, Нуям, Худум, Мулам и др.), а все притоки их называются по-эвенкийски, причем некоторые из них носят названия племен и родов (Дауркан, Улогир, Хэвгинкур, Эдян), которые сейчас живут в других местах. И только речки, на которых когда-то стояли зимовья-склады якутских торговцев, носят якутские названия. С названиями рек, оканчивающимися на *м*, мы встречаемся на западе — как в системе Енисея, так и западнее (Нидым, Тым, Сым, Томь и другие, а Сым, например, сами эвенки называют Чиромбу), а на востоке — на Сахалине (Тымь). На скалах больших рек (Зея, Учур), по словам эвенков, еще сохраняются рисунки. В разных местах на выступах скал и на острых вершинах сопок эвенки находят сложенные стрелы (наконечники). По их объяснению эти стрелы были сложены как знак окончания межплеменного столкновения. Каким племенам они принадлежали — эвенки уже не помнят. Одно место на притоке Итымди (система Гонама) носит название *Гарпутматкит,* буквально — «бой стрелами». В камнях и на деревьях этого ущелья до сих пор сохранились стрелы.

Можно предполагать, что первые эвенки, придя сюда, заняли мелкие речки и постепенно ассимилировали туземцев. Процесс этот проходил, вероятно, в течение многих веков. В результате выработался восточно-

эвенкийский культурно-лингвистический комплекс. Укажу лишь на некоторые его особенности.

1) Особого типа седло *нэмэ*, по форме напоминающее конское, с подпругой, оканчивающейся пряжкой; на запад от системы Олекмы такое седло неизвестно, а *нэмэ* называется вьючное седло с двумя маленькими торсучками, которые вместе составляют верховое седло; у некоторых *нэмэ* только пара этих торсучков, причем не мужских, а женских (у тех групп, где верхом ездили только женщины,— верховья Нижней и Подкаменной Тунгусок). Подпруга, как и для вьюка, оканчивается кольцом.

Рис. 3. Езда верхом на нарте

2) Маленькая ездовая нарта, приспособленная к езде верхом (на ней сидят так же, как на олене); на запад от Олекмы она не встречается, а на востоке такая же нарта имеется у негидальцев с р. Амгунь ниже Керби.

3) Большой отложной воротник на зимней одежде, закрывающий плечи (сейчас почти отжил); на западе — узкий, стоячий.

4) Подошва унтов выкраивается по ступне и пришивается внутренним швом; на западе подошва больше ступни, пришивается снаружи сборами на носке и пятке.

5) Одеяла плоские, на западе — в виде полумешка.

6) В украшениях отсутствует фарфоровый мелкий и крупный бисер, являющийся основным украшением на западе.

7) Широко распространена вышивка шелком и нитками (рукавицы, ободки унтов, упряжь, торсуки). Для запада она не характерна. Орнамент вышивки растительный. На западе орнамент меховой и бисерной вышивки, геометрический. В окраске ровдуги и дерева характерны три цвета: черный, белый и краснобурый. Подбор цветов на системе Олекмы уже другой: вместо черного — синий, а к западу от Лены излюбленных цветов несколько, включая синий и голубой.

8) Секающе-хакающие говоры; на западе,— к югу от широты Нижней Тунгуски, секающие или шекающие, к северу от нее — хакающие.

Восточные	Западные		
	К югу от Н. Тунгуски	К северу от Н. Тунгуски	
сулаки . .	сулаки ~ шулаки	хулаки	(лиса)
оха	оса ~ оша	оха	(камыс)
ухи	уси ~ уши	ухи	(узда)

На фоне этих особенностей исследуемая группа выработала и свои. Но прежде чем говорить об этом, необходимо отметить, что в сознании эвенков наряду с чувством целостности всей восточной группы (общее с чумиканскими и олекминскими) сохраняется и чувство общности своей более узкой группы. Так, джугдырские эвенки противопоставляют себя олекминским, называя их *айнакил* (чульманские и с системы Учура) и *аингкур* (с системы Зеи); амга-алданских, уже утративших свой язык, они называют *тэгэнгкур* (*тэгэ* — род, племя — в говорах на западе); аяно-майских они называют одним из распространенных там родовых имен — *Мэкэгир* ~ *Мэкэгил* и *Эдян*. Отличают они себя от соседей и в отношении языка, мотивов песни-импровизации и деталей предметов материальной культуры. Мне приходилось встречать и неодобрительные отзывы джугдырских эвенков о лицах, «бросивших свой язык и свой мотив» и вошедших в состав соседей. Внутри же своей группы они различают разное происхождение и разный «язык» (говор), несмотря на сосуществование особенностей различных говоров (алданского и амурского происхождения). Так, представители Бута противопоставляют свой «язык» «языку» представителей Буягир.

	Бута (алданского происхождения)	Буягир (амурского происхождения)	
Лексика:	мундукан	тухаки	(заяц)
	дылача	сигун	(солнце)
	сун	кунгу	(шуба)
	хавал-	гэрбэ-	(работать)
	дав-	хэдэ-	(переезжать реку)
	сэвэнчэ-	нимнга-	(шаманить)
Фонетика:	хекса	еха	(скала)
	олдо	олло	(рыба)
Морфология:	эмэчэн	эмэрин	(он пришел)
	суруттэн	хурурэн	(он ушел)
	уйдэви	уймнэк	(чтобы привязать)

и т. д.

В фольклоре различают имена богатырей и ход развития сюжета. В сказаниях амурского происхождения герои Торганэй, Алтанэй, Курэнгэй, Сирбунэй и другие ездят на лошадях. В сказаниях алданского происхождения Нюнгурмэк, Уняптук (ж), Хуругучэн, Мэкэгдыр, Сигундар (м)и другие имеют дело с оленями или ходят пешком.

К этому можно добавить еще детали в захоронении: потомки амурских эвенков раньше клали на могилу изображение лошади, потомки алданских — убивали оленя; различия в шаманском костюме: у потомков амурских эвенков костюм состоит из халата и наплечной части — *аркалан,* покрывающей плечи, спину и грудь, с вязками на боках, с длинной, окаймляющей весь *аркалан* бахромой и с колокольчиками на спине. На халате преобладает апликация и мало металлических подвесок. У потомков алданских костюм состоит из эвенкийского кафтана с нагрудником и имеет множество металлических подвесок. Шапка у первых — ровдужный венец с бахромой (металлические рога лишь у большого шамана), у вторых — металлический венец с рогами. Бубен у пер-

Рис. 4. Колхоз «1 мая» на р. Тынде у устья Чилюя

вых меньше, с узкой обечайкой и меньшим количеством металла внутри, у вторых — большой, с широкой обечайкой и множеством металла внутри. После камланья потомки амурских эвенков по очереди надевали костюм и «шаманили», подражая шаману. У алданских костюм и бубен после камланья аккуратно складывались, и их никто не трогал.

Несколько отличен и внешний вид потомков амурских эвенков. Они выше ростом, руки и ноги у них больше, растительность на лице обильная (у молодых свисающие вниз усы), лицо уже, разрез глаз прямее и самые глаза больше, нос длиннее и иногда с горбинкой, надбровные дуги у стариков свисают. Потомки алданских по своему внешнему виду ближе к западным эвенкам.

Эти особенности сосуществуют, смешиваются. Все эвенки обследованных колхозов находятся между собой в каком-нибудь родстве. В ряде случаев представители одного рода расселены во всех колхозах.

Общую численность эвенков этих четырех районов можно установить лишь приблизительно. Если к числу эвенков обследованных колхозов добавить число остальных (колхозников, единоличников и работающих в поселках), то сумма достигнет двух тысяч.

Разговорный язык к югу от широты р. Гыным эвенкийский, к северу — эвенкийский и якутский, по Алдану — якутский. Обучение в школах Якутии производится на русском (Тимптонский район) и якутском (Учурский) языках, в Читинской области — на эвенкийском (начальная школа) и русском (средняя).

Основная масса эвенков живет в 13 колхозах (в Тимптонском районе 4 колхоза, в Учурском 2, в Джелтулакском 2, в Зейско-Учурском 5). Современное состояние колхозов различно и объясняется историей их возникновения. В Якутии эвенкийские колхозы образовались путем объединения нескольких мелких артелей и за короткий срок переменили не только места оседания, но и направление хозяйственной деятельности от комплексного к охотничье-оленеводческому. В Читинской области с самого начала были организованы большие артели. Эвенки сами выбрали удобные места для оседания, на которых начали строить поселки, где и живут до сих пор; направление хозяйственной деятельности, взятое вначале (охотничье-оленеводческое с подсобным сельским хозяйством), не менялось.

Район	Колхоз	Число хозяйств	Оленное стадо на 1/I 1947	Национальный состав колхозников
Тимптонский ЯАССР	«Им. Молотова»	48	848	Эвенки
	«Токарикан»	45	1984	Эвенки (5 сем. якутов)
	«Новая жизнь»	44	721	Эвенки (13 сем. якутов)
	«Примерный ударник»	25	365	Эвенки
Учурский ЯАССР	«Им. Чкалова»	45	990	Эвенки
Джелтулакский Читинской (ныне Амурской) обл.	«1 Мая»	34	405	Эвенки (4 сем. русских)
	«Им. Сталина»	34	202	Эвенки (10 сем. русских)
Зейско-Учурский Читинской (ныне Амурской) обл.*	«Ударник»	37	1506	Эвенки

* Три колхоза этого района по национальному составу смешанные — русские и эвенки; четвертый — «Иракан», на истоках Зеи — эвенкийский.

Основными видами деятельности всех колхозов являются охота на пушного и мясного зверя и транспортное оленеводство. В колхозах Читинской области начинает развиваться и сельское хозяйство.

Колхоз	Земля под пашней и огородом, га	Коровы	Лошади
«1 Мая»	17.00	8	4
«Им. Сталина»	21.00	31	13
«Ударник»	59.65	24	9
«Им. Чкалова»	2.50	—	—

Следует отметить, что и в глубинных колхозах якутских районов («Им. Молотова», «Примерный ударник»), расположенных далеко от приисков и районного центра, все колхозники живут одной жизнью, одними интересами, у всех есть искреннее желание улучшить состояние колхоза в целом, а следовательно, и жизнь самих колхозников. Еще ярче это проявляется в колхозах Читинской области — там колхозники гордятся каждым достижением. Фразы: «наш город», «мы устроили школу», «мы научились запрягать в борону трех оленей», «мы готовим дома к зиме» и другие, произносились с внутренней гордостью и удовлетворением.

Рис. 5. За изготовлением парты

В заключение надо сказать о культурном строительстве и новых интересах. Дети колхозников учатся в пяти начальных школах, а среднее образование получают в районных русских школах. В каждом колхозе (исключение составляет «Примерный ударник», не имеющий поселка) имеется красный уголок. Общий процент грамотных (учившихся в школе) довольно высок. Среди грамотных есть люди и с неполным средним образованием.

Война оказала большое влияние на сознание и общее развитие колхозников. После демобилизации в каждый колхоз вернулись воины, побывавшие не только в городах, но и в других государствах. Их рассказы о войне и жизни народов развили круг интересов. Везде, где была экспедиция, ежедневно поднимались различные вопросы, превращавшиеся в длительные беседы. К темам бесед, характерных для довоенного времени (о земле и солнечной системе, о происхождении человека, о болезнях, о городе, транспорте, заводах и фабриках), прибавились и новые — о быте эвенков соседних районов, о жизни других народов СССР, о том, как у них организованы колхозы. Многим очень хотелось подробно знать биографии вождей нашей партии, их интересовали вопросы международной политики (государственное устройство Соединенных Штатов, Англии и Франции, наши отношения с этими государствами, заседания Ассамблеи и Совета министров и т. д.).

Все колхозы получают газеты, которые в отдельных случаях (колхоз «Ударник») доходят даже до стойбища пастухов, хотя расстояние до него более 200 км. Однако если в Читинской области потребность в разъяснении газетного материала в известной мере удовлетворяется самими наиболее развитыми эвенками, то в колхозах Якутии недостаточно хороших массовиков, которые могли бы вести эту работу, учи-

теля же и медицинские работники эвенкийского языка зачастую не знают.

Связь между колхозами соседних районов недостаточна и выезды бывают редко и случайно. Желание же лично посмотреть, как живут другие колхозы, огромно. Моим проводникам перед отъездом давали целую программу ознакомления с колхозом, и по возвращении беседа о жизни колхоза превращалась в доклад с горячим обсуждением ряда вопросов. Несомненно, обмен опытом колхозного строительства окажет большую помощь в повышении хозяйственного и культурного уровня эвенков.

АВТОРЕФЕРАТЫ И ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И ДИССЕРТАЦИЙ

Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

СЕВЕРНЫЕ КИТАЙЦЫ И ИХ СОСЕДИ

(Исследование по этнической антропологии Восточной Азии) [1]

1. Наряду с данными различных исторических и географических наук и в тесной связи с ними антропологические материалы имеют существенное значение для решения ведущих проблем первоначального расселения человечества в восточной Азии и формирования здесь как крупных этно-лингвистических групп, так и отдельных народов.

2. В соответствии с этим положением основные задачи настоящего исследования должны быть определены следующим образом: во-первых, выделение антропологических типов, вошедших в состав населения восточной Азии; во-вторых, выявление истории их возникновения и дальнейшей изменчивости в пространстве и во времени; в-третьих, использование результатов антропологического анализа для освещения конкретных вопросов этногенеза народов рассматриваемой части эйкумены. В целом работа является историко-географической монографией, в основу которой положены данные этнической антропологии с широким привлечением материалов смежных дисциплин: археологии, этнографии и этнографической лингвистики.

3. Использованные в работе антропологические источники могут быть разбиты на четыре группы: к первой относятся оригинальные материалы, собранные в 1926—1946 гг. среди китайцев — студентов университета им. Сун Ят-сэна (458 чел.) и рабочих московских прачечных (215), а также среди дунган и иссыккульских калмыков (284 чел.). Во вторую группу входят оригинальные краниологические данные по китайцам (38 черепов), дунганам (14), монголам (116), гольдам (24), корейцам (8) и малайцам (58 чер.). Третья группа состоит из неопубликованных материалов, принадлежащих советским антропологам (главным образом Г. Ф. Дебецу и М. Г. Левину) и относящихся к народам Дальнего Востока: эскимосам, чукчам, эвенам, эвенкам, гилякам, ульчам, гольдам, орочам, негидальцам и др. Четвертая группа источников включает литературные данные, среди которых особое значение имеют труды русских ученых по антропологии Китая и Сибири (Широкогоров, Кожеуров, Рогинский, Ярхо, Дебец, Трофимова, Левин), а так-

[1] Тезисы докторской диссертации, защищенной в Институте этнографии 1 июля 1947 г.

же краниологические материалы американских, английских и японских антропологов.

4. Все материалы автора и других советских исследователей собраны по полной программе полевых работ, принятой московскими антропологами и включающей все основные измерительные и описательные (шкальные) антропологические признаки. При изучении краниологических серий особое внимание было обращено на углы и индексы уплощенности лицевого скелета. Для получения дополнительных материалов в этой области автором проделана работа по специальному измерению черепов эвенков, бурят, калмыков, теленгетов, торгоутов, чукчей, алеутов, эскимосов, ульчей и орочей (всего свыше 300 объектов).

5. Основным рабочим методом анализа всех перечисленных материалов было прослеживание географических межгрупповых вариаций разграничительных признаков с учетом их таксономической ценности, согласованности направлений изменчивости по ряду особенностей и статистической достоверности полученных разниц. Выделенные антропологические комплексы только в том случае могут считаться реально существующими «типами» (а не абстрактными комбинациями), если они обнаруживают определенную этно-географическую локализацию, которая дает возможность проследить их конкретную историю в составе тех или иных племен и народов.

6. Анализ территориальной изменчивости разграничительных признаков современного населения дает возможность выделить на востоке Азии несколько характерных групп антропологических типов, приуроченных к крупным географическим зонам и четко различающихся друг от друга морфологически. Эти группы антропологических типов должны быть положены в основу классификации физических вариаций человечества на Дальнем Востоке.

7. Основная масса населения восточной Азии принадлежит антропологически к различным вариантам монголоидной или собственно азиатской большой расы. В ее составе можно различать по крайней мере четыре ясно выраженные территориальные группы типов: южноазиатскую, восточноазиатскую, или дальневосточную, североазиатскую, или сибирскую, и арктическую. Каждая из этих групп в свою очередь распадается на ряд местных антропологических типов. Так, среди южных монголоидов выделяются восточногималайский, таи-малайский и филиппинско-зондский типы, среди восточных — восточнотибетский, северокитайский, корейско-маньчжурский и амурский, среди северных — байкальский, центральноазиатский, южносибирский, енисейский и некоторые другие, среди северовосточных (арктических) монголоидов — охотско-приморский и гренландский.

8. Кроме монголоидных компонентов, в состав народов восточной половины Азии вошли своеобразные «австралоидные» и негроидные типы южного (экваториального) происхождения, связанные с аналогичными вариантами Океании и Австралии. К числу этих экваториальных групп относятся айнская, веддо-индонезийская и индо-меланезийская (с негритосским, папуасским и собственно меланезийским типами). На западных рубежах рассматриваемой области (средняя Сибирь, Синьцзян, Гималайские страны) несомненно присутствие различных европеоидных типов.

9. Южноазиатская группа типов преобладает среди населения Индонезии, Индо-Китая, Сиама (Таи) и Бирмы. Широко распространена она также в Тибете (преимущественно в его южной части), на юге Китая, в Японии, вероятно, в Корее. Как географически, так и морфологически южноазиатская группа связывает монголоидные формы центральной и северной Азии с экваториальными вариантами человечества.

10. Восточноазиатская (дальневосточная) группа центром своего распространения имеет северный Китай (бассейн Хуанхэ). В видоизмененных формах она локализуется также в восточном Тибете (Кам), Маньчжурии, Корее и среди народностей советского Дальнего Востока (особенно среди гольдов). По многим существенным расодиагностическим признакам восточноазиатская группа занимает промежуточное положение между северо- и южноазиатской.

11. Североазиатская группа характерна для большинства народов Центральной Азии и Сибири. Зона ее преобладания охватывает Монголию, многие районы Средней Азии и почти всю территорию от Урала до Чукотки и Охотского моря. На восточных рубежах своего распространения группа эта взаимодействует с восточными и арктическими монголоидами, на западных — с различными европеоидными вариантами. Морфологически северные монголоиды резко отличаются от южных и восточных.

12. Арктическая группа преобладает среди эскимосов полярной Америки и Азии, входит в состав чукчей и, может быть, распространяется к югу вдоль охотского побережья вплоть до Амура (некоторые группы эвенков, орочи). По своим морфологическим особенностям группа эта связана, с одной стороны, с северными (сибирскими), с другой — с восточными, а через них и с южными монголоидами.

13. Экваториальные антропологические типы в восточной Азии связаны с айнами Сахалина и Хоккайдо, с аборигенами Рюкю и Формозы и с различными «негритосскими» и «индонезийскими» группами Филиппинских и Зондских островов, а также Малакки. Несомненно присутствие веддо-индонезийских элементов среди населения Сиама, Индо-Китая и южного Китая. По своим морфологическим особенностям и «австралоиды» и негроиды азиатского юго-востока отличаются большим разнообразием.

14. Начало формирования основных монголоидных особенностей относится еще к периоду верхнего палеолита (черепа из Верхней пещеры Чжоугоудянь). В дальнейшем монголоидные формы человечества распадаются на две ветви: к о н т и н е н т а л ь н у ю и т и х о о к е а н с к у ю, различающиеся между собой по высоте черепа и по ряду других признаков. П е р в а я сосредоточивается на возвышенных плоскогорьях центральной Азии и в прилегающих частях южной Сибири (первоначально к востоку от Енисея), в т о р а я распространяется на огромной территории, тяготеющей к Тихому океану: от Амура на севере до Сонкоя, а может быть и Меконга на юге. Вероятная граница между зонами формирования этих двух ветвей монголоидной большой расы проходила по Большому Хингану и юго-восточному краю Монгольского плато.

15. С конца палеолита и в последующее время (мезолит и неолит) северо-западные «континентальные» монголоиды постепенно заселили всю Сибирь и, проникнув вдоль таежной полосы за Урал, распространились вплоть до Балтики и центральной Европы. На востоке они вы-

шли к берегам Тихого океана и принимали, возможно, участие в заселении Америки. На основе древних представителей континентальной ветви (неолитические черепа Прибайкалья) сформировались различные варианты современной североазиатской группы, в которой можно различать два пласта: более д р е в н и й (с еще не выработавшимися характерными монголоидными особенностями глазной области и носа) и более н о в ы й — «типично» монголоидный (с частым эпикантусом и низким переносьем).

16. История тихоокеанской ветви монголоидов была еще более сложной. Крайне южное ее крыло на юге Китая, в области восточных Гималаев и в северной части Индо-Китая (Тонкин, Лаос) уже очень рано (в мезолите) вступило в контакт с экваториальными элементами «австралоидного» облика. В процессе взаимодействия с этими формами складывались характерные особенности южноазиатской группы, постепенно распространявшейся на юг и юго-восток до Малакки, Индонезии и Океании.

17. В бассейне Хуанхэ и в соседних областях (Маньчжурия, северная Корея, может быть, частично, восток Тибета и Приамурье) на основе древних вариантов тихоокеанской ветви монголоидов, близких к черепам носителей культуры Яншао, сложилась восточноазиатская группа. С распространением китайской этнической территории к югу восточноазиатские элементы распространились в бассейн Янцзы и еще дальше до Тонкина и Аннама.

18. Северное крыло тихоокеанских монголоидов, сохранившее некоторые морфологические особенности древних вариантов азиатской большой расы, распространялось вдоль берегов Тихого океана к северу и в дальнейшем играло основную роль в первоначальном заселении Америки. Видоизмененными потомками этого северного крыла являются современные представители арктической группы (эскимосы и, частично, палеоазиаты крайнего северо-востока Азии).

19. Область формирования экваториальных типов восточной Азии лежала к югу от Гималаев и доходила, вероятно, до берегов Бенгальского залива, захватывая значительную часть Индии и Индо-Китая. Отсюда типы эти еще в неолитическое время распространились на восток в южный Китай, Индонезию и Океанию, достигнув на севере Японии и Сахалина (айны). Локальные варианты веддо-индонезийской, айнской и индо-меланезийской групп складывались преимущественно в условиях островной среды, которая стимулировала выработку специфических расовых особенностей в малых этнических группах.

20. Европеоидные типы в восточной Азии не являются аборигенными и никогда не играли существенной роли в формировании физического облика обитавших здесь народов. Во II — I тысячелетиях до н. э. зона господства европеоидов включала всю южную Сибирь до Минусинского края, Среднюю Азию и, вероятно, северо-западную Индию. Из этих областей южные европеоиды («меланохроп») восточно-средиземноморского и памиро-ферганского типов проникали на периферию восточно- и центральноазиатских стран: в бассейн Ангары, западную Монголию, Синьцзян (до границы Ганьсу) и западный Тибет.

21. Сопоставление данных палеоантропологии и этнической антропологии с археологическими, этнографическими и лингвистическими мате

риалами позволяет констатировать не только глубокую расовую смешанность всех современных этно-языковых групп населения восточной Азии, но и формирование их на основе разнородных антропологических компонентов. Эта всеобщая закономерность не исключает, однако, конкретных «эмпирических» совпадений между отдельными фазами расо- и этногонических процессов. Анализ истории возникновения и распадения подобных «эмпирических» связей имеет большое значение для понимания многих существенных сторон расо- и этногенеза восточноазиатских народов.

22. На крайнем севере восточной Азии и в соседних районах полярной Америки (бассейн Берингова моря) среди эскимосско-алеутских и «палеоазиатских» народностей (чукчи, коряки) намечаются два этнокультурных пласта: древнейший, береговой, рыболовческо-зверобойный, и более новый, внутренне-тундровой, лыжно-охотничий и, позднее, оленеводческий (в Азии). Очень вероятно, что носители древних береговых культур в массе принадлежали к тихоокеанским высокоголовым монголоидам, появившиеся же позднее носители охотничьих и оленеводческих культур были представителями низкоголовых «континентальных» вариантов азиатской большой расы.

23. Во многом аналогичные процессы имели место и в истории формирования тунгусо-маньчжурских народов, которые сложились в результате взаимодействия преимущественно оседлых рыболовческо-охотничьих и, частично, земледельческих групп аборигенного населения Приамурья и Маньчжурии с более подвижными лыжными охотниками и, позднее, оленеводами, распространявшимися на восток из области неолитической «байкальской» культуры (Окладников). Автохтонные амурско-маньчжурские племена антропологически были связаны с тихоокеанскими (северо-восточными и восточными) монголоидами, тогда как тунгусские группы Сибири в массе принадлежали к континентальным антропологическим типам «палеосибирского» круга.

24. Крупнейший народ восточной Азии — китайский — сформировался в конце II и в начале I тысячелетия до н. э. в бассейне Хуанхэ на основе автохтонного восточномонголоидного (в антропологическом смысле) населения в тесном взаимодействии с предками маньчжур и корейцев на севере, тибето-бирманцев на западе, таи и мон-хмеров на юге. Теории о «пришлом» (в частности западном) происхождении китайцев, их культуры и языка должны быть окончательно отброшены. В древнейший период китайской истории (энеолит и иньское время) наиболее тесные этно-культурные связи прослеживаются с южными племенами бассейна Янцзы. Антропологически этим связям соответствует проникновение в состав древних китайцев антропологических типов «южного тяготения» — южноазиатского и, может быть, веддо-индонезийского.

25. Очень близкие типы вошли также в состав корейского и японского народов. Древнейшее население Японии, создавшее неолитическую «дземон»-культуру, антропологически принадлежало к экваториальным формам («протоайны») и по происхождению было связано с островным тихоокеанским миром. Позднее с юга же, вероятно из береговых районов Южного Китая, в Японию и южную Корею проникли южномонголоидные антропологические типы. Параллельно с этим из

Маньчжурии и северной Кореи шло распространение различных (преимущественно короткоголовых) вариантов дальневосточной группы.

26. В южном Китае, к югу от Циньлина, во II—I тысячелетиях до н. э. складывались древние племена таи и очень близкие к ним культурно и, повидимому, языково «индонезийцы» (Бенедикт). Антропологически и те и другие в массе принадлежали, вероятно, к южным монголоидам, но включали и веддо-индонезийские компоненты. В дальнейшем таи частично ассимилируются нахлынувшими на север китайцами, частично же продвигаются на юг (в Индо-Китай и Сиам), где смешиваются с мон-хмерами. «Индонезийцы» через Формозу проникают в Японию (путь через Рюкю) и распространяются по всей Индонезии, вторично достигая азиатского материка в Аннаме (чам) и на Малакке (путь через Филиппины).

27. Мон-хмерские народности формировались в Индо-Китае и Сиаме на основе аборигенного населения, которое в антропологическом отношении было очень смешанным еще с неолитического времени, включая веддо-индонезийские (преобладавшие), негритосские и южномонголоидные элементы. На север близкие к мон-хмерам племена, предки современных миао, в иньское время проникали вплоть до бассейна Янцзы, а может быть и Хуанхэ. С этой северной ветвью древних мон-хмеров было, вероятно, эмпирически связано распространение в южном и среднем Китае «австралоидных» антропологических типов.

Б. О. ДОЛГИХ

РОДОВОЙ И ПЛЕМЕННОЙ СОСТАВ НАРОДНОСТЕЙ СЕВЕРА СРЕДНЕЙ СИБИРИ[1]

Основным статистическим источником настоящей работы являются похозяйственные карточки переписи 1926—1927 гг., дополненные материалами землеустроительных экспедиций 1928—1937 гг., данными районных исполкомов и других местных организаций, сообщениями сведущих лиц, литературными данными и полевыми материалами автора, собранными в 1926—1939 гг. Итоги статистической части приводятся в табл. 1.

Распределение населения по родному языку дает несколько иную картину. Приводим соответствующие данные (см. табл. 2).

Помимо подразделения коренного населения севера средней Сибири на племена и роды, оно распадалось на 84 территориальные группы. К 1926—1927 гг. родовые и племенные связи имели меньшее значение, чем социальные и экономические связи членов одной территориальной группы, хотя бы члены последней принадлежали по своему происхождению к разным племенам и родам. Поэтому все статистические данные настоящей работы в первую очередь были сведены по социальным и экономическим связям. Уже в качестве второго этапа работы из данных о территориальных группах сделаны выборки для статистики родов, племен и народностей. В большинстве случаев территориальные группы соответствуют современным кочевым и сельским советам, а также определенным образом группируются по современным районам и национальным округам. Таким образом, мы получили историко-этнографическое и статистическое освещение населения некоторых современных административных единиц, что представляет и практическое значение.

Кроме разделения по территориальным группам, народностям, родному языку и по происхождению, по племенам и родам, коренное население севера средней Сибири образует также ряд этнографических типов, различающихся по особенностям своей материальной и духовной культуры, отчасти, но не вполне совпадающих с делением на племена, народности и языковые группы. Обычно этнографический тип охватывал несколько племен, говоривших на близких друг другу диалектах одного языка или на родственных языках.

[1] Автореферат кандидатской диссертации, защищенной в Институте этнографии АН СССР 22 апреля 1947 г. Отчет о защите см. журн. «Сов. этнография», 1947, № 3, стр. 157—158.

Таблица 1

Названия народностей и показатели	Всего	Группировки по числу оленей в хозяйстве								
		0	1—10	11—25	26—50	51—100	101—250	251—500	501—1000	1001 и больше
Нганасаны										
Семей	170	—	4	23	36	50	28	11	9	9
Чел. об. пола	867	—	11	79	183	230	177	63	76	48
Оленей у них	34 165	—	28	425	1 376	3 645	4 590	3 334	5 607	15 160
Эвенцы										
Семей	116	7	13	27	33	14	9	3	4	6
Чел. об. пола	532	19	53	113	164	61	44	16	27	35
Оленей у них	23 803	—	64	486	1 210	943	1 457	1 053	3 192	15 398
Неницы										
Семей	371	45	65	106	70	43	27	6	3	6
Чел. об. пола	2 330	175	297	636	504	311	239	68	45	55
Оленей у них	27 497	—	415	1 858	2 576	3 076	4 004	2 045	1 860	11 663
Селькупы										
Семей	272	43	96	91	234	5	2	—	1	
Чел. об. пола	1 408	167	440	519	15	38	21	—	8	
Оленей у них	4 797	—	561	1 485	1 202	309	340	—	900	
Кеты										
Семей	279	150	68	35	22	2	2	—	—	
Чел. об. пола	1 352	680	338	180	132	11	11	—	—	
Оленей у них	2 220	—	400	601	794	123	302	—	—	—
Якуты										
Семей	484	25	86	114	108	57	55	24	10	5
Чел. об. пола	2 614	78	384	563	595	339	385	162	72	36
Оленей у них	41 984	—	573	2 086	4 019	4 080	8 625	8 267	6 709	7 625
Долганы										
Семей	261	8	30	71	67	48	25	6	4	2
Чел. об. пола	1 385	20	115	338	363	289	179	39	27	15
Оленей у них	19 129	—	206	1 228	2 434	3 204	3 885	2 073	2 999	3 100
Эвенки										
Семей	1 680	251	516	552	200	82	46	20	8	5
Чел. об. пола	8 455	986	2 303	2 863	1 242	515	291	163	56	36
Оленей у них	51 906	—	3 304	9 073	6 989	5 656	7 209	7 648	5 760	6 267
Затундренские крестьяне										
Семей	90	6	16	28	19	10	7	4		
Чел. об. пола	452	22	61	144	96	57	40	32	—	—
Оленей у них	4 541	—	97	469	638	736	1 186	1 418		
Итого										
Семей	3 723	535	894	1 047	589	311	201	74	39	33
Чел. об. пола	19 395	2 147	4 002	5 435	3 494	1 851	1 387	543	11	225
Оленей у них	10 045	—	5 648	17 711	21 238	21 772	31 598	25 838	27 027	59 213

Выделяются следующие этнографические типы: 1) энецко-нганасанский, 2) ненецкий, 3) кетский, 4) северноселькупский, 5) долганский, 6) северный эвенкийский, 7) среднеэвенкийский, 8) южноэвенкийский, 9) левобережный эвенкийский, 10) есейско-якутский, 11) анабарско-якутский.

Кроме того, среди эвенков Иркутской области, по которым не было достаточно подробных данных для выделения среди них этнографических типов, выявляются тем не менее по экономическим признакам следующие типы: 12) ербогаченский (кондогирский), 13) непский (курейский), 14) верхнеленский и 15) витимский.

Таблица 2

Название языков	Число семей	Число человек обоего пола	Число оленей у них
Нганасанский	170	867	34 165
Энецкий	102	477	23 552
Ненецкий	356	2 262	27 139
Селькупский	301	1 553	5 923
Кетский	250	1 225	1 333
Якутский	958	5 052	70 240
Эвенкийский	1 536	7 733	47 532
Хантыйский	6	21	124
Итого	3 679*	19 190*	210 008*

* Разница между итогами предыдущей таблицы и настоящей объясняется тем, что часть коренного населения к 1926—1927 гг. перешла в группу говорящих на русском языке и поэтому в последнюю таблицу не вошла (всего 44 семьи, состоявшие из 205 человек и имевшие 37 оленей).

Род и племя выявляются у всех народностей севера средней Сибири. По своей типологии родовые и племенные образования здесь распадались на две большие группы. В одной, расположенной в основном к западу от Енисея, сохранялись кровно разделенные связи, сопровождавшиеся экзогамными ограничениями, более широкими, чем род (кеты, селькупы, ненцы, отчасти энцы), т. е. здесь мы имеем несомненные следы деления на фратрии.

В другой группе, расположенной к востоку от Енисея, экзогамной единицей являлся в основном род (эвенки, северные якуты, нганасаны).

У большинства долган экзогамные единицы совпадали с племенем. У кетов, селькупов, ненцев, энцев, нганасан и эвенков имеются следы того, что и у них иногда в прошлом все члены племени входили в одну экзогамную общность, распространявшуюся, возможно (у кетов, селькупов, ненцев), на членов нескольких племен, т. е. фратрия иногда совпадала с племенем, а иногда была и шире последнего.

Род у народностей севера средней Сибири в общем обладал основными классическими признаками отцовского рода, установленными для него Морганом и Энгельсом. Это — общее происхождение, при унилатеральном, патрилинейном счете этого происхождения, общеродовые имена, личные имена членов рода, свойственные данному роду, общность в религиозных представлениях, исключительное право наследования членами рода имущества своего умершего члена, право адаптирования в

род, левират, родовая взаимопомощь, защита, месть, ранг, связанный с положением рода в племени.

Племя у народностей севера средней Сибири в прошлом обладало в общем основными признаками племени, констатированными для него Морганом и Энгельсом. Оно являлось этнографическим и диалектальным единством на определенной территории. Единство племени скреплялось также кровным родством его членов как членов определенных родов или более широких кровнородственных экзогамных единиц, входящих в него. Иногда, например у эвенков, кровнородственная связь членов племени оформлялась генеалогиями, утверждавшими единое происхождение всех родов племени и, следовательно, всех его членов. Племя обладало своим именем и представляло самоуправляемую организацию, зависимую только от ее русских властей. Племя могло инкорпорировать иноплеменников, формироваться вновь из разных элементов, изменять свое имя, внутреннюю структуру, родовой состав, делиться на новые племена и, наконец, исчезнуть вследствие физического вымирания его членов, или растворения в составе более сильного и многочисленного племени, или слияния с русским населением.

Приходится отметить, что в литературе о народностях северной Сибири, за исключением работ С. В. Бахрушина, А. Ф. Анисимова, Н. Н. Степанова и С. А. Токарева, игнорируется племя как этнографическая категория, а «административный род» (волость, управа) по большей части считается искусственным образованием, созданным русскими властями и поэтому не имеющим какого-либо этнографического содержания. Сейчас мы можем утверждать, что на севере средней Сибири, «административный род», как правило, совпадает с племенем. «Административные роды» здесь не являются искусственными образованиями. Совпадая с племенем, они имеют за собой долгую историю и вполне определенное этнографическое содержание. Вмешательство русских властей в организацию «административных родов» было минимальным, и, как правило, племя («административный род») до 1917 г. даже искусственно консервировалось, в формально неизменном состоянии, именно русскими властями.

Необходимо, однако, учитывать сложность и противоречивость действительности и те процессы развития социальных отношений и организаций, которые происходили у племен северной Сибири. Выставляя общее положение о соответствии «административного рода» племени, мы должны иметь в виду, что в отдельных конкретных случаях возможны разные уклонения от общего правила, отражающие особенности истории отдельных племен и составляющих их родов. Признание «административного рода» как объекта этнографического изучения, как организованного племени в условиях конкретной сибирской действительности не исключает, а требует изучения каждого «административного рода» в отдельности, с тем чтобы определить его этнографическое качество, особенности охватываемого им племени или части последнего.

Представляя организованное племя, «административный род» у народностей северной Сибири по распространению своих членов совпадает с распространением диалектов, констатируемых в языках отдельных народностей. Так, у эвенков установленные Г. М. Василевич диалекты

---

[1] Г. М. Василевич. Очерки по диалектологии энейкийского (тунгусского) языка. Л., 1941

Схема расселения племен и народностей севера средней Сибири (на 1926/27 г.)

I — границы территории, условно называемой севером средней Сибири; *II* — границы между племенами; *III* — территории, заселенные русскими, бурятами, хакасами и другими несеверными народами. Названия племен: *1* — самату и бай теанс; *2* — „береговые юраки"; *3* — „затундренские крестьяне"; *4* — донгот; *5* — авама-танса; *6* — „затундренские крестьяне"; *7* — каранто и бети; *8* — „затундренские крестьяне"; *9* — „затундренские якуты"; *10* — каранто; *11* — „затундренские якуты"; *12* — вадея-танса; *13* — „затундренские крестьяне"; *14* — „затундренские якуты"; *15* — долган; *16* — бету; *17* — эдян; *18* — тасунг-тэнз; *19* — пангкагир (чапогир), горагир, „нижнечунские"; *20* — горагир; *21* — саландер-тэнз; *22* — „карасинские остяки"; *23* — туруханн-кумыт; *24* — тас-кумыт; *25* — „нижнеинбатские остяки"; *26* — „нижнечунские", смешанные с пангкагирами; *27* — нюрумняль; *28* — катыгын; *29* - бети; *30* — баягир; *31* — пангкагир (чапогир); *32* — баяки; *33* — „верхнеинбатские"; *34* — „подкаменные"; *35* — „верхнеинбатские"; *36* — чемдаль; *37* — кондогир; *38* — чемдаль; *39* — шилягир; *40* — никогир; *41* — ладагир; *42* — ятояль; *43* — колангир; *44* — „питско-ворогонские"; *45* — дюгунь; *46* — хойгор, смешанные с баяки и „питско-ворогонскими"; *47* — коргэл-кула; *48* — чапагир (куркагир); *49* — нанадаль; *50* — шилягир; *51* — чильчагир; *52* — ладагир; *53* — никогир; *54* — налягир; *55* — камчагир; *56* — „куленгские"

по своему распространению соответствуют распространению следующих «административных родов», т. е. племен.

Таблица 3

Диалекты и говоры (по Г. М. Василевич)	Соответствующие им «административные роды»
Сымский диалект	Мелецкий
Чемдальский говор	Чемдальский
Токминский говор	Усольский и киренгско-хандинский
Говоры верхоленского диалекта	Тутурско-очеульский
Говоры бассейнов рек Комо, Каменки и др. в среднем течении Подкаменной Тунгуски	Атоульский и колангирский
Подкаменнотунгусский диалект	I, II и III куркогирские
Непский диалект	Курейский
Собственно илимпейский говор илимпейского диалекта	Илимпейский
Северо-восточный говор илимпейского диалекта	Турыжский
Нижнетунгусский говор	Чапогирский
Ербогаченский диалект	Кондогирский
Диалект эвенков к югу от Ангары	Нанадальский

Имеется полная возможность увязать племена народностей севера средней Сибири, сохранившиеся к началу XX века в оболочке «административных родов», с определенными племенами и родами, отмеченными в Сибирских актах XVII века, и проследить историю каждого племени от этого времени до наших дней. Таким образом, создание конкретной истории народностей северной Сибири и составляющих их племен оказывается вполне возможным.

На 1926/27 г. устанавливается следующий родоплеменной состав населения севера средней Сибири. [2]

Таблица 4

Название родов	Чел. об. пола	Название родов	Чел. об. пола
А. НГАНАСАНЫ			
I. Племя Авама-таиса, или Ня-таиса, или Дяру-моу-чера (авамские самоеды)			
Линанчера, или Турдакин	139	Нгомде или Лангхэ («орел») .	76
Чуланчера	103	Нгамтусо, или Кула («ворон»),	
Нинонде, или Порвин	175	или Костеркин	81
		Итого	574

[2] В скобках указаны названия соответствующих племенам административных родов.

Таблица 4 (продолжение)

Название родов	Чел. об. пола	Название родов	Чел. об. пола
II. Племя Вадея-таиса, или Нили-чера (вадеевские самоеды)			
Асянду	33	Лапсаха	24
Купчик	71	Нгойбу	12
Кокары	73	Нерхо	11
		Итого	224
Б. ЭНЦЫ			
III. Племя Самату-тэанс (хантайские самоеды)			
Ладосэда, или Туголуков	49	Сонарэ, или Ледовойко, или Седельников	14
Масуавадай, или Мирный	81	Солда, или Каплин	11
Сойта, или Горлашкин	16	Неизвестного рода с фамилиями Хвостов (18 чел.) и Мельков (6 чел.)	24
Тадобэ (Дякутан), или Совалов	18		
Саду, или Фильков	25		
		Итого	238
IV. Племя Бай-тэанс (карасинские самоеды)			
Бай, или Силкин	107	Ючи, или Ошляпкин	36
Дёту-монгканди («Гуси-монгканди»), или Турутин	71	Коддэо-монгканди («Совы монгканди»), или Болин	80
		Итого	294
В. НЕНЦЫ			
V. Племя Тасунг-тэнз (тазовские юраки)			
Самерта, или Ямкин	224	Тер, или Пальчин	92
Моло, или Лырмин	57	Марчик	61
Вана, или Лырмин	47	Паравы	35
		Итого	516

Таблица 4 (продолжение)

Название родов	Чел. об. пола	Название родов	Чел. об. пола
VI. Племя Саляндер-тэнз (обдорские юраки)*			
Харюци	17	Вануита	14
Ябтонгэ	386	Сабиг	11
Тэсода	168	Яр	411
Ядня	69	Пося	49
Адер	35	Вора	20
Еввай	18	Ламдо	6
Ненянг	55	Вэнонгка	25
Тусода	8	Яндо	9
Лапсуй	5	Саляндер	151
Тогэ	57	Хабде	9
Нгокатэта	17	Неркыхы	6
Хораля	4	Нгэвасяда	27
Худя	7	Нгоко-Вай	4
Сюхунэй	41		
		Итого	1 629

Первые 14 родов образуют экзогамную группу (фратрию) Харюци («Куравлючи»?), следующие 9 — группу (фратрию) Вануйта. Кроме этих 1 629 чел., на территории современного Ямало-Ненецкого национального округа в 1926—1927 гг. было еще 7 359 чел. членов этого племени.

VII. Племя «Береговые юраки»

Аседа	85	Ламбай	100
		Итого	185

Г. СЕЛЬКУПЫ

VIII. Племя Тас-кумыт (тымско-караконские остяки)

Лимбыль-тамдыр («орла народ»)	339	Лангаль-тамдыр («язя народ»), или Кунины	25
Казыль-тамдыр («кедровки народ»)	437	Андреевы	50
		Итого	851

IX. Племя Туруханн-кумыт (банхинские остяки)

Лимбыль-тамдыр, или Кусамины	245	Сэнгкыль-тамдыр («глухаря народ»), или Тетерины	32
Казыль-тамдыр	163		
		Итого	440

* Только в пределах средней Сибири.

Таблица 4 (продолжение)

Название родов	Чел. об. пола	Название родов	Чел. об. пола

X. «Карасинские остяки»

Кэнгтанг (Серковы)	39	Лимбыль-тамдыр (Куняновы)	6
Шимденг (Мальцевы)	13	Ючи (Шадрины и Юфтеевы)	9
Казыль-тамдыр	9		
Сэнгкыль-тамдыр (Тетерины)	23		
		Итого	99

Первые два рода по происхождению кеты, последние — энцы. В первой половине XIX века карасинские остяки говорили по-селькупски, в 1926—1927 гг. — по-кетски. Их с одинаковым основанием можно относить и к селькупам и к кетам, тем более, что большинство из них по происхождению является кетами, а кетский язык у них сейчас преобладает.

XI. Племя Коргэль-кула, т. е. «медвежьи люди», или Тамель-кула, т. е. «верхние люди» (кадско-пумпокольские, или натско-пумпокольские остяки)

Сэнгкыль-тамдыр (Сутаревы)	28	Путчуль-тамдыр («бобра народ»),	
Казыль-тамдыр (Мунгаловы)	24	или Белозеровы (до начала XIX в. Бобровы)	18
		Итого	70

Д. КЕТЫ

XII. «Верхнеинбатские остяки»

Кэнгтанг	246	Шимденг	114
Богденг	278	Ириковы	123
		Итого	761

XIII. «Нижнеинбатские остяки»

Кэнгтанг, или Конэнг	267	Шимденг	85
		Хозовы	35
		Итого	387

XIV. «Подкаменные остяки»

Шимденг (Бынеевы)	34	Каменские	11
Кэнгтанг (Толстых и Баглич)	59		
		Итого	104

Таблица 4 (продолжение)

Название родов	Чел. об. пола	Название родов	Чел. об. пола
XV. Племя Дюгунь, или Ёгонь (сымско-касские остяки)			
Хайбанг (Савинковы)	19	Имляк	14
Тымдыденг (Кетских)	15		
		Итого	48

У кетов подразделение Кэнгтанг образует одну экзогамную единицу (фратрию), а подразделения Богденг и Шимденг — другую. Кэнгтанг — потомки инбаков XVII в. Богденг — богденцев и Шимденг — земшаков. Большая часть кетов Ириковых, живущих в верховьях Таза, сейчас ассимилирована селькупами.

Е. ЯКУТЫ

XVI. Наслег Катыгыи (катыгинские «тунгусы»)			
Ботулу	279	Маймага	41
Осогостох	187	Уодай	20
Ёспёх	165		
		Итого	692

Кроме того, в ЯАССР в 1926—1927 гг. было еще 433 чел. членов этого наслега.

XVII. Наслег Бету (бетюнские или бетунские «тунгусы»			
Чорду	470	Юэрэнэй	8
Батагай	23		
		Итого	501

Кроме того, в ЯАССР в 1926—1927 гг. было еще 205 чел. членов этого наслега не считая живущих около оз. Конора близ Жиганска.

XVIII. Наслег Бети (бетильские или бетинские тунгусы)			
Чинагир	85	Маят	37
		Итого	122

Этот наслег (племя) представляет, собственно говоря, объякученных эвенков. Кроме того, в ЯАССР в 1926—1927 гг. было еще 98 чел. членов этого племени.

XIX. «Затундренские якуты»			
Сэдэми (Тюприны)	365	Баягир	45
Барах (Спиридоновы)	179	Поротовы	260
Михайловы	70	Федосеевы	56
Зорьковы («Жарковы»)	73	Кыргызовы	44
Курдюковы (Кудряковы)	68	и еще 16 патронимий	210
		Итого	1 365

Баягиры представляют объякученных эвенков племени Баягир (см. ниже). Сэдэми тоже или эвенки по происхождению, или даже потомки каких-то сперва отунгушенных, а затем объякученных аборигенов палеоазиатов (юкагиров?).

Таблица 4 (продолжение)

Название родов	Чел. об. пола	Название родов	об.

Ж. ДОЛГАНЕ

XX. Племя Долган (есейские тунгусы, или есейские долгане)

Долган	791	Око (Яроцкие)	69
Черпок (Рябовы)	18		
		Итого	878

Род Черпок представляет собой присоединившихся к этому племени эвенков, род Око — долган, ассимилированных нганасанами, но не входивших в нганасанские племена, а считавшихся в составе племени Долган, откуда происходит основатель этого рода. Сами долгане этого племени состоят из нескольких патронимий. Самые большие из них следующие:

Зорьковы («Жарковы»)	145	Поротовы	41
Антоновы	127	Большаковы	27
Поповы	112	Винокуровы	25
Тюприны	94	Симаковы	20
Уксусниковы	44	и т. д.	
		Итого	635

XXI. Племя Доигот (долгано-тунгусы)

Мокойбуттар	70	Оруктахтар	92
Харибалар	53	Тонкойдор	56
		Итого	271

XXII. Племя Эдян (жиганские тунгусы)

На роды не делилось. Всего 151 чел.

XXIII. Племя Каранто (боганидские тунгусы)

Каранто	172	Баягир	42
		Итого	214

Эвенки Баягир к племени Каранто присоединились только в XIX веке. За исключением говорящего по-нганасански рода Око, почти все остальные долгане в 1926—1927 гг. говорили только по-якутски.

З. ЭВЕНКИ

XXIV. Племя Баягир (турыжские тунгусы)

Баягир, или Токодо	36	Хавакигир	23
Ялтакагир	60	Катарэ	9
		Итого	128

Таблица 4 (продолжение)

Название родов	Чел. об. пола	Название родов	Чел. об. пола
XXV. Племя Нюрумняль (илимпейские тунгусы)			
Иолигир	84	Камбагир	122
Хутокогир	90	Сёгир	68
Иолдагир	200	Гургугир	34
Хирогир	123	Эмидакль	41
Удыгир	267		
		Итого	1 207
XXVI. Племя Пангкагир, или Чапогир (чапогирские тунгусы)			
Чапогир-Мирошко	200	Чапогир-Луток	211
Мирошко	34	Кичэль	76
Хевакигир	17	Санягир	130
Пангкагир	139	Молючар	42
Тавиндук	67	Дюмигарар	3
Кемукагир (Кемаль)	102		
		Итого	1 021
XXVII. Племя Горагир (II, III и IV летние тунгусы)			
Тамбэгир	145	Угдакогир	27
Малгачагир	78	Якчан	33
Иолигир	158	Кильмагир	69
Баягир	59	Чэмбагир	51
Топтыгир	54		
		Итого	674

В 1926—1927 гг. 280 чел. членов этого племени говорили только по-якутски. В роде Иолигир имеется крупное подразделение Како.

XXVIII. «Нижнечунские тунгусы»

Копогир	49	Муктоль	64
Чонгоколь	129	Эмидакль	56
Ирголь	25	Неизвестного рода	60
		Итого	383

XXIX. Племя Баяки (верхнечунские тунгусы)

На роды не делится. Всего 184 чел.

XXX. Племя Хойгор (милицкие тунгусы)

Кима	84	Чэмба	59
Кему	76		
		Итого	219

Таблица 4 (продолжение)

Название родов	Чел. об. пола	Название родов	Чел. об. пола
XXXI. «Питско-ворогонские тунгусы»			
Турумби	44	Гургагир	16
Кильтыно	18	Балигир	6
«Мороко»	20	Масель, или Поталь	18
Чимдель	28		
		Итого	150
XXXII. Племя Нанадаль (мурские тунгусы)			
Лопукор	26	Тумныяр	10
		Итого	36
XXXIII. Племя Колангир (I лопогирские, или ковинские тунгусы)			
Тонгкуль	55	Оёдаль	3
Кучаль	29		
		Итого	87
XXXIV. Племя Ятояль (атоульские, или чадобские береговые тунгусы)			
Ятояль	47	Кимоль	10
Тэпуроколь	52	Чандадуль	13
Бульдагир	7	Хорболь	10
Багдалиль	14	Суликаль	11
Кироктоль	19	Куричэль	17
Тукаль	19		
		Итого	219
XXXV. Племя Чемдаль (чемдальские, или тетерские береговые, и каменские тунгусы)			
Чандадуль	27	Хоркигир	8
Нюшкагир	146	Саремыкталь	85
Мачакугир	43	Кордуяль	124
		Итого	433

Таблица 4 (продолжение)

Название родов	Чел. об. пола	Название родов	Чел. об. пола
Куркагир	151	Хорболь	167
Дюронголь	218	Момоль	613
Лопаль	27	Чёлколь	17
Кочониль	82	Лопоколь	136
		Итого	1461

Из них род Кордуяль образовывал Каменскую управу («административный род») а остальные — Чемдальскую.

XXXVI. Племя Чапагир, или Куркагир (I, II и III куркогирские — тетерские, или кежемские; чадобские, или яркинские; тасеевские, или иркинеевские, они же бедобинские тунгусы)

Путигир (Пангаракай)	306	Ошикагир	55
Монголь	99	Сичогир	60
Галель	70	Акарагир	3
Хачакагир	36	Итого	629

XXXVII. Племя Кондогир (кондогирские тунгусы)

Лонтогир	94	Мучугир	119
Чимдягир	36	Хангпадагир	29
Момоль	57	Тугочаль	43
Тонмогир (Сичогир)	28	Мауль (Маугир)	17
Ургаты	20	Куниогир	35
Вакувагир	6	Неизвестного рода	54
		Итого	538

XXXVIII. Племя Шилягир (курейские тунгусы)

Принадлежность родов Чимдягир и Куниогир к этому племени нуждается в проверке. Возможно, что они раньше входили в другие племена.

XXXIX. Племя Никогир (киренгско-ханднпские тунгусы)

Хайникогир	42	Коршиль	12
Чуракагир	30	Джерандоль (?)	23
Воягир	22	Чинагир	6
Мугдокогир	6	Неизвестного рода	59
		Итого	100

В XVIII веке киренгские тунгусы назывались Хаикагир, а ханднпские Чончул. *

* ГАУ, Портфели Миллера, № 509, тетрадь 1, л. 11.

Таблица 4 (продолжение)

Название родов	Чел. об. пола	Название родов	Чел. об пола
XL. Племя Налягир (усольские и тутурские тунгусы)			
Конгнокогир (?)	42	Чильчагир	7
Талигир	32	Усольские неизвестного рода	22
Бадарагир	23	Лонтогир (?)	8
Кичигир (?)	36	Тутурские неизвестного рода	47
Делхар	27		
		Итого	244

Первые четыре рода входили в состав усольских, а остальные три — в состав тутурских. К этому племени принадлежали в прошлом и верхнеилимские и куленгские тунгусы. Усольские налягиры в XVII в. имели еще название Ладагир.

XLI. Племя Камчагир (очеульские тунгусы)

Родовой состав выяснить не удалось, за исключением 32 чел., принадлежавших к роду Потай. Всего в племени было 268 человек. В первой половине XVIII века в нем были роды Чербатов, Хенкегор, Шугукагир и Камчагир. **

XLII. «Кудинские тунгусы»

Родовой состав выяснить не удалось. Всего их было 92 чел. Кроме того, в 1926—1927 гг. в пределах севера средней Сибири кочевало 7 семей (29 чел.) северобайкальских эвенков Чильчагир, 10 семей (41 чел.) эвенков Брангат из ЯАССР и др. ***

И. «ЗАТУНДРЕНСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ»

Аксенов	109	Туркин	13
Портнягин	75	Дураков	24
Попов	56	Суворов	14
Лаптуков	50	Малетин	9
Бархатов	51	Боронов	7
Рудинский	37	Уксусников	7
		Итого	452

Ряд племен, приведенных выше, представлял к 1926—1927 гг. уже только их остатки, сильно уменьшившиеся в численности и сохранившиеся в виде небольших островков среди более многочисленных племен и среди русского населения. Таковы племена Баягир, Нянадаль, Колангир, Никогир, Налягир, Камчагир у эвенков.

В некоторых случаях распадение племен было связано с разложением родоплеменного строя, ассимилящией и вымиранием. Но в других случаях эти процессы происходили целиком в рамках хорошо сохра-

** ГАУ. Портфели Миллера, № 509, тетр. 1, л. 11. Названия племен Налягир, Ладагир и Камчагир установлены по документам XVII века. Эвенками они забыты.

*** Кроме того, к 1926—1927 гг. несколько племен, обитавших в прошлом на территории севера средней Сибири, исчезло (вымерло или было ассимилировано). Это Мендидзинкур (менделжельские или чунские тунгусы), II лопогирские тунгусы, Шамагир (нижнеилимские тунгусы) и так называемые подгородные, или шорохинские, якуты.

нившегося родоплеменного строя и являлись вполне закономерными процессами развития родоплеменного общества.

Процессы дробления и объединения племен происходили разновременно. Когда, например, питские и ворогонские эвенки объединились в одно племя, то племя Чемдаль, возможно, уже разделилось. Часть питско-ворогонских эвенков, уйдя за Енисей, сейчас вошла в состав племени Хойгор. Из племени Пангкагир часть его членов тоже ушла за Енисей, другая переселилась с Нижней Тунгуски на Подкаменную, а в оставшейся на Нижней Тунгуске части племени наметилось разделение на самостоятельные группы: собственно Пангкагир и Чапогир-Мирошколь. Племя Баяки вообще распалось ко II половине XIX века. Поэтому принятая в данной работе схема племенного состава в значительной степени является условной, вневременной реконструкцией, хотя и увязанной с официальным разделением народностей севера средней Сибири на племена («административные роды») и с традициями самого населения.

Приложенная к настоящему реферату схема представляет переработку соответствующей карты большого масштаба. Многие детали размещения племен пришлось поэтому исключить. От этого, правда, схема выиграла, так как территории племен приобрели более четкие очертания. Но, пользуясь ею, надо иметь в виду, что действительное расселение племен сложнее и границы между ними менее определенные. Перерабатывая карту в настоящую схему, автор руководился правилом отдавать предпочтение, при нанесении на схему, не только преобладающим по численности, но и более старым группам населения перед недавно переселившимися. Поэтому схема отражает в значительной степени и традицию в размещении племен, а не только фактическое расселение их. В некоторых случаях разграничить племена оказалось совершенно невозможно. Так, эвенки на левобережье Енисея настолько перемешаны, что в каждом стойбище можно было бы найти представителей по крайней мере двух различных племен. Поэтому мы должны были отказаться от мысли разграничить на этой схеме некоторые племена и показываем их вместе. Надо также иметь в виду, что на территории карасинских остяков очень много нижнеинбатских кетов.

Надо, впрочем, заметить, что такое смешение племен происходило главным образом в районах сравнительно недавних переселений. Границы основных территорий таких племен, как Нюрумналь, Кондогир, Шилягир, Чемдаль, Чапагир, Горагир у эвенков, обоих нганасанских племен, верхнеинбатских кетов и др., вполне реальны.

По техническим причинам в настоящую схему не вошли эвенки Хойгор и питско-ворогонские в бассейне Вас-югана к западу от Оби и эвенки Шилягир, Чильчагир и др. Бодайбинского района к югу от Витима. Но те и другие охвачены описательной и статистической частью настоящего реферата. В тех случаях, когда на территории племен имеется многочисленное русское население, эта территория заштрихована как русская, но дается надпись, показывающая, что то или иное племя продолжает жить здесь вместе с русскими. В некоторых случаях эта «русская» штриховка захватывает только часть территории племени — по фактическому расселению русских.

С. В. ИВАНОВ

РЕАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСКУССТВА ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРОВ[1]

1. Реалистическое искусство тунгусов

Реалистическое искусство эвенков нашло свое выражение в исполненных красками рисунках по коже, бересте или дереву (рисунки на деревьях), в небольших силуэтных фигурках, вырезанных из бересты или металла, в гравировке по металлу, наконец в бытовой и отчасти религиозной деревянной скульптуре. У эвенов мы встречаем искусство этого типа в резьбе по дереву, у негидальцев — в игрушках из бересты, в рисунках красками на шаманских костюмах и т. д.

Наиболее распространенным и характерным для эвенков способом изображения предметов является силуэт: он представлен в рисунках красками и в плоских фигурках из бересты или металла. В некоторых случаях силуэт заменяется контурными рисунками. Чаще всего изображаются животные, хорошо знакомые охотнику,— олени, лоси, медведи, кабаны, лисицы, собаки, а также птицы и рыбы; у прибайкальских эвенков к ним прибавляются кони, верблюды, тигры, пантеры. Изображения тигров известны и негидальцам. Кроме животных, встречаются более упрощенно выполненные человеческие фигуры. Это большею частью сами охотники или антропоморфные духи (в металле). Фигуры животных и человека трактуются свободно, в различных положениях, в движении, представляя собою чаще всего (в силуэтах из бересты или железа) изолированные изображения, композиционно почти не связанные друг с другом. Композиция возникает обычно лишь во время игры с берестяными фигурками, при расстановке на земле животных, пеших людей или людей, едущих верхом на оленях, иногда — на нартах, запряженных собаками (Сахалин). Изредка элементы композиции можно наблюдать и в рисунках, вырезанных на деревянных предметах (сцены охоты у эвенов). Отличительной чертой изображений животных является точная и верная характеристика их профиля, особенно удачная в деталях, например в изображении морды, рогов, копыт. Какой-либо привычный, раз навсегда усвоенный шаблон чужд эвенкийскому искусству: животное трактуется индивидуально, со свойственными ему особенностями строения тела, походки, движения и т. д. Эвенки любят изображать отдельные подмеченные ими моменты: насторожившегося оленя, повернувшего голову назад; оленя, приготовившегося к защите

[1] Краткое изложение части доклада, прочитанного на Научной сессии Института этнографии АН СССР 8/VI 1946 г.

или несущегося в «летучем» галопе; хищника в состоянии прыжка; собаку, лающую на добычу, и т. д. По своей предельной выразительности и верной характеристике животных это искусство должно быть поставлено на одно из первых мест среди художественных произведений народов Сибири.

Реалистическое искусство эвенков возникло и развивалось в условиях охотничьего хозяйства и было вызвано различными общественными потребностями членов рода. Можно считать установленным, что одной из функций его было общение людей между собою. А. Миддендорф (1878), И. И. Майнов (1899), М. И. Губельман (1925) указывают, что рисунки на деревьях или заменяющие их берестяные силуэты, изображающие оленей, конскую голову, собаку или человеческую фигуру, оставленные в тайге, представляли собою письменные знаки, «читая» которые, эвенки принимались искать пропавшего оленя или лошадь, узнавали о болезни или смерти родственника и т. д.

Не менее важное значение имели берестяные фигурки животных в охотничьей магии эвенков, но собранные А. Ф. Анисимовым интересные факты, раскрывающие эту сторону искусства, остаются пока не опубликованными.

Широкое распространение имели и имеют детские игрушки, представленные силуэтами из бересты (теперь иногда из картона или плотной бумаги), а также берестяная посуда, украшенная изобразительными мотивами (в красках) — животными, птицами, охотниками с собаками и пр.

Значительное место занимали прежде реалистически трактованные изображения животных на различных предметах религиозного назначения. Сюда относятся шаманские бубны, наружная сторона которых покрыта изображениями животных и человека, исполненными красками, предметы шаманского облачения — шапки, нагрудники, кафтаны, с подобными же рисунками или металлическими подвесками в форме различных животных, и некоторые другие предметы. В этих случаях животные представляют собою зооморфных духов — помощников шамана, иногда вместилища для душ животных или самих жертвенных животных.

Берестяные фигурки животных служат также образцами (шаблонами), которые накладываются на кожу или бересту и затем обводятся по краю линией (тисненой или сделанной краской). Полученный таким путем контур заполняется внутри красной или черной краской.

Следует отметить, что плоская металлическая скульптура эвенков, представленная зооморфными подвесками на шаманском костюме, сохраняет самую тесную связь с изображениями на коже и бересте. Здесь мы находим те же сюжеты, те же приемы изображения животных (силуэт), те же меткие характеристики, являющиеся высокохудожественными образцами первобытного реализма. Наряду с такими изображениями можно встретить и другие, в которых черты реализма выступают менее ясно. Это ярче всего представлено в антропоморфных фигурах. Таким образом, в области металлической скульптуры эвенки создали мало нового, что указывает на относительную молодость этого вида искусства.[2]

[2] Деревянная скульптура эвенков, за немногими исключениями, носит вполне условный характер. Фигуры человека и животных предельно упрощены и обычно лишены движения; эти памятники выходят за пределы реалистического искусства и подлежат рассмотрению в другом месте.

Реалистические изображения, наиболее ярко представленные в искусстве эвенков и эвенов, встречаются в более скрытой, иногда ослабленной и даже переработанной форме и у народностей амурского бассейна.

2. Тунгусский пласт в искусстве народностей Амура

Искусство народностей Амурского бассейна — нанайцев (гольдов), ульчей, ороков, орочей, удэ — развивалось в тех же условиях охотничьего и рыболовного хозяйства, но в иной исторической обстановке. Народности Амура жили прежде в соседстве с оседлыми дючерами и даурами, земледельческая культура которых находилась на более высоком уровне развития. Народности Амура имели, кроме того, торговые связи с маньчжурами. Через маньчжур, дауров и дючеров к ним проникали китайские товары — ткани, тушь, шелковые нитки, некоторые предметы китайского изготовления — мебель, глиняная и фарфоровая посуда, халаты, вышивки, наконец, религиозные изображения, написанные красками на бумаге или материи. Все это не могло не отразиться на искусстве народностей Амура как бытовом, так и религиозном. Если мы обратимся к изображениям нанайцев, нарисованным тушью и красками на белой бумаге или материи, так называемым «нюрха(н)», и другим амулетам, изготовляемым главным образом при заболеваниях, то увидим на них ряд элементов маньчжуро-китайского происхождения, не свойственных старотунгусскому искусству. Можно, например, указать на полихромию, «этажное» расположение фигур, изображение главного персонажа (духа грома) в более крупном масштабе по сравнению с другими, второстепенными фигурами, присутствие на этих «картинах» элементов китайской архитектуры, китайской мебели и посуды, наконец характерных маньчжурских знамен в виде треугольных полотнищ, насаженных на длинное древко. Одежда, головные уборы и обувь антропоморфных духов неба часто целиком маньчжуро-китайские. Бросается также в глаза возрастание числа антропоморфных изображений на картинах — «иконах» по мере приближения к границам Маньчжурии. Маньчжуро-китайское влияние сказалось также и на трактовке изображений. На нанайских «иконах» фигуры уже не силуэтны, контур их заполнен внутри рисунком: на человеческих фигурах изображены лица, детали одежды, отмечен ее покрой; у животных нарисованы шерсть, глаза, рот и т. д. Таким образом, соприкосновение с более развитым маньчжуро-китайским искусством привело некоторые виды нанайского искусства на более высокую ступень развития, до которой не дошли эвенки, эвены, негидальцы, а также ороки и нивхи. Что касается удэ, то на их искусстве также чувствуется близость Китая, но не в такой степени, как у нанайцев, благодаря чему в нем сохранились яркие самобытные черты и свой особый стиль.

Присматриваясь более пристально к искусству народностей Амура, разработавшему чрезвычайно характерные формы, мы в то же время видим в нем много элементов, сближающих его с искусством эвенков. Наряду с переработанными старыми формами и сюжетами более позднего происхождения, в искусстве нанайцев, ульчей, ороков, орочей и удэ существуют не только сюжеты, общие с эвенкийскими, но и типичная для эвенков трактовка и характеристика животных. Правда, этот общий с эвенками древний пласт искусства менее заметен и труднее различим, так как скрыт под пышной амурской орнаментикой или

заслонен новыми сюжетами и новым оформлением более высокого типа. Прежде всего следует отметить, что в амурском искусстве значительное место продолжают занимать плоские силуэтные изображения. У нанайцев, например, как и у эвенков, можно встретить берестяные или бумажные силуэты животных и человека в качестве детских игрушек. Силуэты, вырезанные из рыбьей кожи и изображающие всадников, птиц, пресмыкающихся, служили амулетами, которые надевались во время болезни. Все эти изображения носят более или менее реалистический характер. Силуэтные изображения применялись нанайцами и при изготовлении «икон» на материи, но роль их здесь другая. Если в тунгусском искусстве они имели самостоятельное значение и были, так сказать, пределом художественного достижения, то у нанайцев силуэты играют вспомогательную роль, превратившись в шаблон, в трафарет, облегчающий исполнение рисунка на материи или в вышивке. Контур, выведенный на бумаге, материи или коже при помощи берестяного или кожаного силуэта, сам по себе уже не удовлетворяет исполнителя.

Полученные таким путем фигуры животных или человека разрабатываются дальше с применением кисти и красок, усложняются и дополняются рядом деталей, сделанных от руки. Фигуры, исполненные по одному и тому же трафарету, благодаря применению различных красок и внутреннему рисунку разнообразятся и индивидуализируются.[3]

Берестяной (или кожаный) трафарет проник и в орнаментальное искусство народностей Амура. Роль его здесь двоякая. В одних случаях он употребляется в качестве шаблона и по исполнении орнамента отбрасывается, в других он наклеивается на кожу или материю и зашивается цветными нитками. Но и в этом случае простой силуэт не удовлетворяет художественному вкусу нанайской вышивальщицы. Она стремится расцветить, разнообразить силуэт по нормам сложившегося декоративного стиля. Вышивка часто исполняется гладью, причем длина каждого отдельного стежка не превышает обычно 5—7 мм. При зашивке гладью введенных в орнамент крупных зооморфных изображений, вырезанных из кожи или бересты и достигающих 8 и более см в длину, стежки нужно было бы увеличить до 2—3 см, что не только нарушило бы стиль, но и ослабило бы прочность вышивки. Поэтому нанайские и ульчские вышивальщицы делают на силуэте животного продольные разрезы, не доводя их, однако, до краев фигуры. Таким путем туловище животного оказывается состоящим из узких горизонтальных полосок. Каждая из этих полосок зашивается затем разноцветными нитками в технике глади. Это придает фигурам пеструю полосатость, составляющую один из характерных признаков женского декоративного искусства на Амуре. Так, старый тунгусский берестяной силуэт, скрываясь под нитками, переходит в вышивку и хотя не исчезает из искусства, но перестает существовать для зрителя. В амурской вышивке изобразительные мотивы нередко утрачивают свои реалистические черты. Помимо пышной и пестрой расцветки, фигуры приобретают упрощенный контур; пропорции отдельных частей тела, как правило, нарушаются. В то же время некоторые детали, например, повернутая назад голова оленя или удачно переданное движение (иногда галоп),

[3] У эвенков в тех случаях, когда рисунок животного делается по трафарету и внутриконтурное пространство заполняется краской, фигуры кажутся похожими друг на друга, так как они монохромны.

меткая характеристика отдельных фигур, свидетельствуют о том, что и в женском декоративном искусстве старые реалистические черты тунгусского типа еще не исчезли окончательно.

Наиболее ярко выступает реалистическое искусство в архитектурной резьбе по дереву. На столбах и балках некоторых нанайских домов можно видеть плоскорельефные фигуры животных, отдельные или объединенные в несложную композицию, отличающиеся всеми признаками эвенкийского искусства. Таковы, например, сцены погони собаки за кабаном или зайцем, охоты на медведя или изолированные фигуры кабана, оленя и т. д.

У удэ реалистические изображения животных встречаются на принадлежностях шаманского облачения, на берестяных коробках для хранения шаманских атрибутов, среди охотничьих магических фигурок из бересты, наконец в детской игрушке.

Таким образом, у всех народов тунгусской и маньчжурской группы — у эвенков в ярко выраженной форме, у амурских народностей в более скрытой или видоизмененной — имеется общий реалистический пласт, который мы можем назвать древнетунгусским. Наличие тунгусских элементов в амурском искусстве следует, очевидно, объяснять тем, что в формировании современных народностей Амура значительное участие приняли тунгусские племена, что подтверждается, между прочим, и анализом языков этих народностей (по данным Г. М. Василевич).

О ТОМЕ «НАРОДЫ СЕВЕРНОЙ АЗИИ» МНОГОТОМНИКА «НАРОДЫ МИРА»

Институтом этнографии сдан в печать том «Народы северной Азии» из подготовляемого Институтом многотомного издания «Народы мира». Объем тома свыше 60 п. л. с многочисленными иллюстрациями.

Этот том, написанный крупнейшими специалистами по этнографии Сибири, преимущественно по оригинальным экспедиционным материалам, является первой в литературе подобной сводной публикацией. Том содержит следующие статьи.

Часть I

Общие вопросы истории и этнографии:

Древние культуры Сибири (А. П. Окладников).
Основные этапы истории народов Сибири (Н. Н. Степанов).
Социалистическое строительство у малых народов Северной Азии (М. А. Сергеев).
Антропологические типы Сибири (М. Г. Левин).
Этнография народов Северной Азии (М. Г. Левин).

Часть II

Народы северной Азии

Манси (Е. Д. Прокофьева, В. Н. Чернецов).
Ханты (Е. Д. Прокофьева, В. Н. Чернецов).
Ненцы (Г. Д. Вербов).
Лесные ненцы (Е. Д. Прокофьева).
Нганасаны (А. А. Попов).
Энцы (Г. Д. Вербов, Б. О. Долгих).
Селькупы (Г. Н. Прокофьев, Е. Д. Прокофьева).
Кеты (А. А. Попов, Б. О. Долгих).
Эвенки (Г. М. Василевич, Н. П. Никульшин).
Долганы (А. А. Попов).
Ламуты (Б. А. Васильев, М. Г. Левин).
Негидальцы (А. М. Золотарев, А. В. Стрешнев).
Нанайцы) (Н. А. Липская).
Ульчи (А. М. Золотарев).
Ороки (Б. А. Васильев).
Орочи (Б. А. Васильев).
Удэ (Б. А. Васильев).
Чукчи (Мельников, А. Ф. Анисимов).
Коряки (Н. С. Стебницкий).
Ительмены (В. В. Антропова).
Юкагиры (М. В. Степанова, В. В. Храмова).
Эскимосы (М. О. Кнопф-Миллер, Н. Б Шпакенбург).
Алеуты (В. В. Антропова).
Нивхи (А. М. Золотарев, С. В. Иванов).
Айны

Приложения

Литература:

1. Общие вопросы истории и этнографии.
2. Библиографические указатели.
3. Общие труды о народах Северной Азии:
   Путешествия
   Общие работы о народах
4. Работы об отдельных народах:

манси	ительмены
ханты	юкагиры
ненцы	алеуты
лесные ненцы	нивхи
нганасаны	нанайцы
энцы	ульчи
селькупы	ороки
эвенки	орочи
долганы	удэ
негидальцы	чукчи
коряки	

Словарь этнографических терминов и местных названий.
Указатели: географический и этнический, предметный, именной.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. Ф. Дебец. Антропологические исследования на Камчатке (Предварительное сообщение) 3
М. Г. Левин. Амуро-Сахалинская антрополого-этнографическая экспедиция . 19
М. Г. Левин. Антропологические исследования на Амуре и Сахалине (Предварительное сообщение) 25
И. П. Лавров. Об изобразительном искусстве нивхов и айнов (Из материалов Амуро-Сахалинской экспедиции) 32
А. В. Стренина. Этнографическое изучение ульчей 40
Г. М. Василевич. Эвенкийская экспедиция (Предварительный отчет) 54

АВТОРЕФЕРАТЫ И ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И ДИССЕРТАЦИЙ

Н. Н. Чебоксаров. Северные китайцы и их соседи (Исследование по этнической антропологии Восточной Азии) 64
Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народностей севера средней Сибири 70
С. В. Иванов. Реалистические основы искусства тунгусо-маньчжуров 86

ХРОНИКА

О томе «Народы северной Азии» многотомника «Народы мира» 91

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

Редактор издательства *Ц. М. Подгорненская.* Технический редактор *М. Л. Темерлин.*

РИСО АН СССР № 3405. А-12685. Издат. № 1776. Тип. заказ № 1485. Подп. к печ. 25/XII 1948 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. Печ. л. 5³/₄. Уч.-изд. л. 7¹/₄. Тираж 2000.

2-я типография Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

Цена 6 руб.